

Роман Буржиков

ФАНТАЗИИ

Полари (сборники)

Роман Суржиков

Фантазии

«ИП Головин»

2026

Суржиков Р.

Фантазии / Р. Суржиков — «ИП Головин», 2026 — (Полари
(сборники))

Сборник дополнительных рассказов к финальному роману цикла. Десяток повестей, в которых мы узнаём о дальнейшей судьбе некоторых героев цикла и о развитии мира империи Полари в годы после событий "Тени Великого Древа".

© Суржиков Р., 2026

© ИП Головин, 2026

Содержание

Предисловие	5
Фантазия первая:	6
Фантазия вторая:	40
Часть 1	40
Часть 2	54
Часть 3	68
Фантазия третья:	81
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Роман Суржиков Фантазии

Предисловие

Полагая предисловия лишнею и бесполезной частью книги, я, как правило, не пишу их. Но в данном случае обстоятельства вынуждают меня отойти от принципов.

Прежде всего, я должен сказать: основной сюжет Полари завершен. Он окончился вместе с «Тенью Великого Древа» на словах: «Выбор за вами». Финал представляется мне метким и удачным, поскольку полностью раскрывает те вопросы мироздания, которые лично я считаю главными, оставляя в тени малозначимые детали. Не так уж важно, например, получили ли возмездие или награду некоторые отдельно взятые лица – мир, построенный Праматерями, остается справедливым вне зависимости от мелких частных случаев. Еще менее существенно, кто из персонажей на ком женился. Являясь противником брака, я предпочел бы, чтобы чаша сия миновала всех, кроме отпетых злодеев.

Итак, главный сюжет был завершен в «Тени Великого Древа». Однако со стороны читателей последовал град вопросов о дальнейшем ходе событий, и некоторые из них возбудили мое воображение. А я отношусь к авторским фантазиям более чем уважительно. Например, целый роман «Стрела, монета, искра» возник без никакой коммерческой цели, из чистого полета воображения. Само наличие фантазий – для меня достаточный повод, чтобы сесть за клавиатуру. Именно поэтому я написал данную книгу.

Это не продолжение известного вам сюжета Полари и не роман-сиквел с собственным сюжетом. Перед вами сборник моих фантазий о том, как сложились судьбы некоторых людей, а также – о некоторых политических событиях последующих лет.

В ходе работы над данной книгой я позволил воображению свободно парить, не ограничиваясь ни сюжетными требованиями, ни рамками жанров. Получился сборник из десяти произведений, среди коих читатель найдет:

- три детектива
- один мистический рассказ
- два любовных с элементами эротики
- один рассказ о взаимодействии политики с наукой
- одну житейскую драму
- а также повесть «Ад-ри-ан!»

Последняя, с точки зрения жанра и характера событий, наиболее приближена к тому, что читатель привык видеть на страницах цикла «Полари». Лишь «Ад-ри-ан!» проливает свет на будущее всей империи, в то время как остальные фантазии посвящены судьбам людей, а не государств.

В силу сказанного, я не рекомендую данный сборник любителям большой геополитики и эпических событий: здесь почти нет ни того, ни другого.

Зато, полагаю, «Фантазии» вполне порадуют тех, кому интересны жизни и сердечные дела персонажей. Причем – не только главных героев, а и самых харизматичных среди второстепенных.

Приятного чтения...

...и пусть улыбаются вам Праматери!

Фантазия первая: Устройство

*Март 1776 г. от Сошествия
Фаунтерра*

Личный секретарь бургомистра Фаунтерры носил белую маску. Никто не высмеивал дефекты его внешности. Друзья и родичи говорили, что секретарь может гордиться своими травмами, ведь он получил их, защищая честь и свободу великого человека. Однако он прятался под маской, боясь увидеть в оконном стекле или начищенной посуде случайное отражение своего лица. Собственное уродство напоминало ему о гораздо большей беде: весь мир теперь искалечен.

Стояла мартовская оттепель, любимая жителями столицы. Сосульки обильно плакали, издавая мелодичный перезвон; самые ленивые из горожан смывали с окон новогодние рисунки; снежные шапки обрушивались ломтями с храмовых башен, и констебли зычно покрикивали на прохожих: «Головы береги! К стенам не подходи!» Во всех без исключения душах это славное время пробуждало надежды. Личный секретарь бургомистра надеялся на то, что мир искалечен не безвозвратно. Срастутся изломанные кости, зарубцуются раны, и Поларис вновь станет прежним собою. Тогда секретарь снимет маску.

Роскошное здание ратуши, украшенное шестнадцатью скульптурами городских героев и восемью крылатыми химерами, вгоняло секретаря в тоску. Ратуша – не императорский дворец, и никакая маска не скроет этого факта. Тем не менее, секретарь старался как мог. С одобрения сеньора, он наполнил ратушу церемониями и ритуалами, ввел строгий протокол, не уступающий дворцовому, убедил командиров гвардии расставить почетные вахты. Живую деловитость, царившую при леди-бургомистре, секретарь вырвал с корнем, как сорняк. Никто больше не спорил, не бегал, не толпился в очередях. Ратуша стала степенным, благородным механизмом – но, разумеется, осталась ратушей, а не дворцом.

Каждое утро, к приходу сеньора, секретарь выкладывал на стол корреспонденцию в идеальном порядке: сводки новостей, доклады от военных, письма лордов, запросы от гильдий. Он старался сортировать новости по их окраске: хорошие – наверх, нейтральные – в середку, плохие – вниз. Силясь порадовать сеньора, секретарь также приносил университетский «Вестник» и отмечал закладками интересные статьи. Сеньор всегда любил науку – как прежде, так и теперь. Эта светлая черта не претерпела изменения.

Секретарь не ждал чуда от ученых. Да, они создали поезд и волну, искровые кипятильники и банковские переводы – но ничто из этого не помешало интриганам и злодеям развалить мировой порядок. Каково же было удивление секретаря, когда одним утром сеньор раскрыл очередной «Вестник», прочел отмеченную статью и вскричал:

– Вы видели это?! Подлинное чудо!

Конечно, секретарь видел – это же он пометил статью закладкой.

– Диковинная машина, милорд. Я счел, она вас позабавит.

– Позабавит? Сударь, вы не оценили ее потенциала! Эта машина – наш ключ к сердцам народа!

– Сердца народа и так принадлежат вам, – искренне отметил секретарь.

– Вот именно! – Сеньор улыбнулся, вероятно, впервые со второго декабря 1775 года. –

Пригласите ко мне изобретателя, как можно скорее!

С этого и начинаются события, о которых мы поведем рассказ.

Следующим днем, около часа дневной песни, в ратушу явились два посетителя. Согласно порядку, они были задержаны охраной, опрошены дежурным, избавлены от шапок и шуб, а затем переданы в руки личного секретаря бургомистра.

– Профессор Николас Олли, – отрекомендовался старший из посетителей. – Со мною ассистентка Элис Кавендиш.

Секретарю понравилась скромность профессора. Ученый не козырял титулами, хотя – судя по гордой осанке, молочно-белой коже и мягким чертам лица – принадлежал к высокому роду Софы. Профессор носил сюртук ярко-оранжевого цвета: секретарь аж прищурился, чтоб не ослепнуть. Это обнадеживало: лишь истинный гений может позволить себе такой экстравагантный наряд. Что смущало, так это размер саквояжа в руке ученого. Если внутри находится устройство, то оно до смешного мало, а серьезная техника не бывает меньше телеги. Вызывала сомнения и помощница профессора, Элис. На ней было серое платье – вроде бы строгое, но с нотой кокетства. А волосы Элис имели цвет солнечных лучей. Секретарь не доверял блондинкам со дня знакомства с бывшей герцогиней Альмера.

– Он очень ждет вас, – сказал секретарь.

– Мы рады, – наивно ответил профессор.

Видимо, ученый не владел дворцовым языком. Секретарь выразился яснее:

– Он возлагает на вас большие надежды. Не разочаруйте его.

– Боюсь, это логическая ошибка. Я не могу разочаровать того, кто не был мною очарован.

– Сеньор считает ваше изобретение чудом, – сказал секретарь.

Ученый открыл рот, чтобы изречь новую бестактность, но Элис его опередила:

– Мы глубоко польщены! Будем рады показать прибор во всей красе!

Секретарь провел их в кабинет бургомистра.

Сеньор поднялся из-за стола и приветствовал профессора радушно, как давнего знакомого. Они и были знакомы со времен испытаний первой волны.

– Доброго дня, друг мой. Рад видеть.

Элис присела в реверансе, профессор отвесил поклон:

– Желаю здравия вашему величеству.

– Не нужно лишнего, зовите просто милордом, – ответил сеньор.

Лицо секретаря скривилось под маской. Владыка Адриан принял условия игры и признал себя бургомистром Фаунтерры для того, чтобы заключить мир и спасти тысячи солдатских жизней. Тем самым он лишь доказал свое благородство, но секретарь до сих пор не мог слышать это жалкое «милорд».

– Вы принесли устройство? – спросил Адриан.

– В некоторой степени, – дал ответ профессор.

– Оно готово?

– Никоим образом.

Адриан нахмурился:

– Хотите сказать, оно не работает?

– Не хочу, но должен. Верность истине не позволит мне назвать его состояние рабочим.

– Однако «Вестник науки» писал обратное!

– Статья в «Вестнике» была дана преждевременно и необдуманно.

– Зачем же вы ее дали? Не смогли отличить рабочий прибор от неисправного?

Ученый умолк. Он выглядел загнанным в тупик, словно тот парень, которого спросили: «Какого цвета зеленая смородина?» Элис пришла профессору на помощь:

– С вашего позволения, милорд, это я дала статью. И осмелюсь сказать, она не совсем преждевременна. Позвольте мне произвести демонстрацию.

Адриан повел бровью:

– Отчего нет? Я всегда рад увидеть что-нибудь неисправное.

Отважно пропустив сарказм мимо ушей, Элис принялась за дело. Из саквояжа профессора извлекла устройство, провода и блестящие цилиндры, вроде стаканов, а из своей котомки – раструб. На ось, торчащую из устройства, надела цилиндр, подвела к нему дугу с черной головкой на конце, а к отверстию устройства присоединила раструб. Проверила сухость соединений и исправность изоляции на проводах, подключилась к искровой сети ратуши... Секретарь скептически наблюдал за нею. Блондинки в целом не заслуживают доверия, а пуще прочих – бойкие блондинки.

Профессор же в это время отвел глаза и стал шевелить губами, будто вел с самим собой неслышную беседу. Раз или два он даже порывался записать что-то голым пальцем непосредственно в воздухе.

Щелк! Щелк! Элис включила пару тумблеров, и цилиндр пришел во вращательное движение, а головка опустилась к его поверхности.

– Будьте любезны, милорд, скажите что-нибудь сюда.

– Куда? – не понял Адриан.

– Сюда, в раструб.

– Надеюсь, оно не взорвется. Вот все, что я могу сказать.

– Благодарю вас.

Элис остановила цилиндр, переставила головку, переключила режим – и снова щелкнула тумблером.

– Теперь слушайте, милорд.

Из раструба донесся кашель, похожий на «куд-куда». Потом раздалось «сиииииууу» – и перешло в пронзительный визг, от коего все поспешили зажать уши. А затем прибор произнес голосом бывшего владыки империи Полари: «...не взорвется. Вот все, что я могу сказать».

Профессор стыдливо опустил взгляд; студентка, напротив, самодовольно уставилась в лицо Адриану. Сеньор с горящими глазами вскочил с места:

– А ну-ка, повторите!

Элис вернула головку на исходную точку. Снова, кашель, жуткий визг, несколько императорских слов.

– Оно запоминает мой голос? А можно попробовать еще?!

Элис сменила цилиндр.

– Прошу, милорд.

Адриан медленно, разборчиво произнес:

– О, милосердная Янмэй, чувствую руку твою на моем плече. Дай мне мудрости и сил, которые обращу во благо людей и во славу твою!

Элис включила воспроизведение. «О, милосердной-йяаааа...» Нестерпимый визг, будто гвоздем по стеклу. «...на моем плече. Дай мне мудрости и сил, котор-хрр-хрр... во благо людей-йййййййй...»

– Простите, – щелчком тумблера Элис прервала пытку.

– Приношу извинения, милорд, – сказал профессор Олли.

Адриан воскликнул:

– Вы извинялись бы, если б скрыли это чудо от меня! Объясните принцип действия.

Ученый изложил вкратце. Адриан не удовлетворился этим и потребовал развернутого рассказа. Задал ряд уточняющих вопросов – весьма метких, судя по всему. Секретарь просиял: это был прежний владыка Адриан, полный сил, ума и азарта.

– Хорошо, друг мой, я понял устройство, и отдаю должное вашему таланту. Гениальное изобретение!

– Премного благодарим! – Элис схватила похвалу на лету, как кошка муху.

– Вы мне льстите, милорд, – возразил ученый.

– Вы заслужили самую лестную оценку! Но я вынужден коснуться и худшей стороны дела. Откуда берется визг?

– Не знаю в точности. Имеет место паразитный резонанс на высоких частотах, в данный момент это все. Требуются дополнительные опыты и проверки вычислений.

– На высоких частотах? А если говорить басом, можно этого избежать?

– Вероятно, да, но это же не решает техническую проблему.

– Зато решает политическую. Есть ли другие дефекты?

– Слишком громкая речь выходит за диапазон амплификации, начинаются хрипы.

Адриан усмехнулся:

– Ваша машина не любит крики, и я согласен с нею. Мужчине к лицу низкий твердый голос.

Он понизил тональность. Его голос, и прежде красивый, теперь зазвучал так внушительно, что Элис забыла щелкать тумблерами.

– Профессор, ваше изобретение спасет Династию Янмэй. Мне требовался надежный способ говорить с народом, без помощи лукавых проповедников и голубиных писулек. Теперь я вижу такой способ перед собою. За месяц до выборов я должен получить сотню устройств.

– Приложу к этому усилия, – уклончиво сказал профессор. Похоже, о дате выборов он имел смутное представление.

– Выборы через два месяца, – как бы между прочим отметила Элис.

Профессор поперхнулся, зажав рот рукой.

– Успеете или нет? – уточнил Адриан.

– Питаю обоснованные сомнения.

Адриан нахмурился:

– Буду признателен за перевод с академического языка на поларийский.

– Данный образец – штучное изделие, – пояснил профессор. – В нем применена сверхтонкая проволока, специально заказанная у ювелиров, уникальная лаковая изоляция, а также алмазная игла. Намотка катушек выполнена вручную чуткими пальцами Элис. Сборка одного этого изделия заняла месяц. Вы же просите сто штук, милорд.

– Я задействую все ювелирные и искровые мастерские Фаунтерры. От вас потребуются только чертежи, а также контроль за производством.

– Но даже в этом случае производство займет целый год!

– Я заставлю их успеть за полгода.

– И еще месяц уйдет на доработку чертежей, что в сумме дает семь месяцев. Семь – несомненно, больше двух.

Адриан хлопнул в ладоши:

– Тем лучше! Я предложу перенести выборы на осень. Лорды Палаты будут только рады.

Профессор Олли озадачился:

– Чем позже, тем лучше, милорд? Могу порадовать вас и затянуть работы еще на год. Дольше уже вряд ли, но если постараться...

– Я поясню, – усмехнулся Адриан. – Ближайшее заседание Палаты неудачно для моих соперников: Север не успевает подготовиться к нему. В Нортвуде смута и голод. В Шейланде безвластие, единственная наследница титула по личным причинам никак не вступит в права. Ориджины подавлены трауром. Если я предложу отнести выборы на осень, это станет жестом благородства в их адрес. Но откладывать дольше я не хочу, поскольку самый вероятный исход выборов весьма желателен для меня.

Профессор расцвел в улыбке:

– О, так вы думаете, что она...

– Мы полностью согласны! – Воскликнула Элис, перебив наставника. – Отложить выборы – весьма благородно с вашей стороны, милорд.

Но секретарь успел понять, что хотел сказать профессор. Секретарь был очень чуток к словам «несущая мир», «северянка», «владычица». Даже к простому слову «она», сказанному с тенью придурковатого восторга. Было время, когда он сам говорил так об этой женщине.

– Вероятный исход выборов – моя победа, – развеял двусмысленность Адриан. – Она станет еще вероятнее, если к сентябрю вы обеспечите мне сотню устройств. Все мастерские Фаунтерры – в вашем распоряжении. А награда за верную службу превзойдет любые мечты.

– Премного благодарим! Сделаем все возможное, – поспешно ответила Элис.

Она принялась быстро складывать устройство. Прибор компактно улегся в саквояж, цилиндры – в кармашек, раструб – в котомку. Визитеры поклонились бывшему и будущему императору Полари.

– Чертеж уже существует, верно? – напоследок уточнил Адриан.

– Лежит в моем столе, милорд. Но потребуются около месяца на исправление ошибок.

– Постарайтесь успеть за две недели.

– Боюсь, что число два существенно меньше четырех.

– Все же постарайтесь, – повторил сеньор.

Ученый и студентка покинули кабинет, а Адриан устремил торжествующий взгляд на секретаря:

– Как я и говорил вам: чудо техники!

– Да, ваше величество.

– Милорд. Если уж я принял эту игру, то и вы извольте.

– Виноват, милорд.

– Николас Олли – гений! Он хорошо показал себя в работе над волной, но не мог вернуться в тени Айзека Флевина. Я велел выделить ему собственную лабораторию и финансирование – и вот, его талант проявился в полной мере!

– Осмелюсь сказать, милорд...

Секретарь осекся, поскольку, на самом-то деле, говорить не осмеливался. Минерва Стагфорт – самозванка и опасная соперница Адриана. Но когда-то он оказывал ей знаки внимания, и даже был с нею помолвлен, пускай лишь формально. Не заденет ли чувства сеньора критика в адрес этой особы?

Секретарь сказал осторожно:

– Боюсь, профессор Олли неправильно оценивает политическую значимость Минервы.

– Благодарю за чуткость, сударь. Я тоже заметил его оговорку. Заверяю вас: профессор Олли не думает ни о чем, кроме науки. Его взгляды на Минерву не имеют значения, поскольку никогда не воплотятся в действие.

Он сделал паузу, потеревив ворох писем на столе. Большинство из них начиналось постыдным «милорд», либо ироничным «герцог Арден».

– Однако вы правы, нужно быть настороже. Пригласите сюда наших молодцев.

Молодцев было двое: плечистый красавец в золоченом мундире и кряжистый мужичок в мещанском платье. Гвардии полковник Кройдон Бэкфилд – действующий глава тайной стражи, и отставной сержант Рука Додж – вожак своры бывших бандитов. Объединяла их лишь одна черта: собачья преданность владыке.

– Ваше величество! Рады служить!

– Скажите-ка: насколько меня любит простой народ?

Они рывкнули в ответ, выпучив глаза:

– Как отца родного!

– Отставить, вольно, – сказал Адриан. Предложил сесть, жестом велел Бэкфилду расслабить верхнюю пуговку мундира. – Теперь искренне: насколько народ меня любит?

Первым заговорил Додж:

– Если совсем честно сказать, то имеются в наличии козлики безрогие... Нахваливают эту, хоть бы зубы к языку присохли. Одни говорят: это она придумала платить налоги через банк. Мы им талдычим: владыка придумал, она только исполнила. Не верят, приходится досылать... Другие насыпают, что шаванов усмирила она. Вы, мол, не хотели, а она заставила. Тоже, значит, ведем работу. А третьи – совсем уж свиньи душные! – говорят, что она уладила с Подснежниками. Где ж уладила, тля ее сожри?! Только сопли распускала с Салемом на пару! Тряпка она, а не правитель!

– Как вы оцениваете их количество? – уточнил Адриан.

– Первых, вторых али третьих?

– Общим счетом.

– Ну, если всех зверьков посчитать, то выйдет меньше, чем честных людей. Две трети – за вас, а одна – за эту вот. И мы с ними трудимся, как можем! Годик дайте, владыка, – совсем гладенько сделаем!

– Но вы говорите только о Землях Короны?

– Конечно, а то как же? В другие земли нас не того...

– Ослабьте хватку, чтоб не пережать, – велел ему владыка.

– Виноват?..

– Довольно кнута, пора применить иной метод. – Адриан повернулся к Бэкфилду: – Можете дать отчет по иным землям?

– Так точно, владыка. О Севере ничего доброго не скажу: там ситуация крайне далека от малинового варенья. В восточной Альмере тоже не конфитюр: Минерва пролетала там на своем корабле и многих сильно впечатлила. Также послала войска на Бэк для защиты от шаванов... Но остальные земли, к великой нашей радости, ничего о Минерве не ведают! То бишь, дворяне и грамотные знают, но простой люд не успел распробовать: слишком мало она корону носила. А про вас, владыка, помнят главное: пока были вы – был мир. Весь беспорядок начался из-за Ориджина, а продолжился при Минерве.

– Осмелюсь заметить, – вставил секретарь, – Северная Вспышка началась с сожжения Эвергарда, каковое наш владыка формально взял на себя.

Бэкфилд кивнул:

– О чем и речь! Эвергард – это замок в Альмере. Про него знают только альмерцы, дворяне и грамотеи, читающие книжки. Для простого люда из других земель Эвергард – все равно что луна. Простой люд мыслит просто: Орижин попер на владыку, значит, Ориджин – злодей. А Минерва – премного извиняюсь, его подстилка.

– А что будет, если я приглашу людей из разных земель к нам в Фаунтерру? Пущу дармовые поезда, обеспечу пропитание и попрошу лишь об одном: «Владыке нужна ваша поддержка. Приезжайте в столицу, скажите слово в мою пользу».

Молодцы переглянулись. Рука Додж снова начал первым:

– Так весна же идет. На носу посевная, куда они поедут...

– Это будет не сейчас, а осенью. Сразу после уборки урожая.

– А, тогда само собой! – просиял сержант.

Полковник отметил:

– Славная идея, владыка. Но, виноват, как вы обратитесь-то к черни? «Голос Короны» она не читает, волной и голубятнями не пользуется. Глашатаев пошлете? На каждого вашего глашатая местные лорды выставят десять своих... В виду безграмотности чернь недоступна для общения.

Адриан молвил с весьма довольным видом:

– Я обращусь к народу своим собственным голосом. Со ста площадей в сотне разных городов одновременно. И никакие лорды не заткнут мне рот, поскольку сами будут слушать с разинутыми ртами!

Бэкфилд и Додж не поняли ровным счетом ничего. Зато секретарь теперь в полной мере оценил идею сеньора. И если говорить о гениальных изобретениях, то вовсе не машина профессора Олли была таковым, а способ ее применения, придуманный Адрианом.

– Слава Янмэй! – с чувством воскликнул секретарь.

– Благодарю, – кивнул сеньор. – Молодцы мои, в связи со сказанным выше, вам поручается присмотр за ученым по имени Николас Олли и его лабораторией в физическом факультете. Никакие бумаги и приборы из лаборатории не должны попасть в руки к кому бы то ни было, кроме меня. Работе ученого не мешайте, пока она не будет закончена. Едва завершится – все результаты ко мне на стол. Задача ясна?

– Так точно, владыка!

Секретарь кашлянул:

– Осмелюсь добавить...

И снова замялся. Минерва предала его дважды: один раз – когда пропустила мимо ушей его признание в любви; второй – когда забыла о нем самом. Именно потому секретарь не принял исцеление из ее рук: ее запоздалая забота унизила его. Но сейчас речь идет о судьбе престола, будущее всей империи стоит на кону. Личная обида – слишком мелочный мотив, чтобы учитывать его в таком деле.

Однако она предала не только секретаря. Она изменила своему императору и сюзерену. Против всех законов чести уселась на трон, а Адриана высмеяла, назначив бургомистром. Нет, этой женщине нельзя доверять.

– Ус-становите слежку за самим профессором, – с легким заиканием сказал секретарь, – и за его ст-туденткой Элис Кавендиш. Я допускаю, что они попытаются связаться с П-первой Зимой.

– Благодарю, – кивнул Бэкфилд. – Приму во внимание.

* * *

Первая неделя после Весенней Зари недаром зовется временем надежд. Птичий щебет и звонкая капель талых вод будят светлые чаянья в душах пастухов и мастеров, секретарей и бургомистров, и даже академических ученых. Профессор Николас Олли возлагал живейшие надежды на грядущие выборы императора – однако надежды совсем иного сорта, чем другие герои нашей истории.

Профессор Олли терпеть не мог, когда вельможи вмешивались в его работу. Все власть имущие жаждали из каждого открытия выжать сок в виде прибыли и влияния. Наука низводилась до роли рабыни двух господ: политики и военного дела. Душа профессора бунтовала против этой вельможной тирании. Однако нельзя сказать, что симпатии Николаса были на стороне народа. Он уважал народ, но абстрактно, издали. Подобным образом шиммерийцы уважают льва, нарисованного на гербе, хотя никогда не видели сего зверя наяву.

Профессор Олли изобретал устройства не ради использования людьми, а ради тончайшего искусства, выраженного в них. Силы природы виделись ему чем-то вроде клавесина или арфы: умелый музыкант, дергая за правильные струны, может извлечь из них красоту. Боги создали искровую силу: незаметную, неосязаемую, зримо проявленную только в ярости грозных молний. Но ученый с помощью своего интеллекта может выделить ее из невидимого мира, преобразовать, направить – и создать нечто удивительное. Правильный набор сопротивлений, индуктивностей и емкостей, правильная схема, спаянная чуткими пальцами студентки, – и вот дикая сила природы научилась запоминать слова, говорить и петь. Устройство профессора Олли нельзя было назвать иначе, чем шедевром.

Его работа требовала предельного сосредоточения, больших умственных усилий и очень много времени. Потому Николас Олли любил войны. Увлеченные взаимным истреблением,

лорды забывали о науке и не вмешивались в дела университета. Пока гремела Северная Вспышка, и Серебряный Лис вел полки против Ориджина, профессор доводил до совершенства аппарат волны. Ему никто не мешал, кроме Феликса – тогдашнего ассистента. Этот олух то и дело норовил рассказывать новости с фронтов, потому ученый выгнал его и взял в помощницы Элис, равнодушную к военному делу. Когда Ориджин засел во дворце, половина Фаунтерры в ужасе бежала. Святые боги, как славно пошла работа! Улицы опустели, стало тихо, как зимой в лесу. Даже занятия в университете отменились, избавив Николаса от досадной нужды читать лекции. С утра до ночи, запоем он работал над портативным аппаратом волны, способным работать в поезде на ходу. Элис показала себя прекрасной ассистенткой: быстро понимала, что нужно, и с головой уходила в работу. Лишь иногда рассказывала что-нибудь о дворце: как любая девушка Фаунтерры, она была равнодушна к Династии. В таких случаях Олли спрашивал одно:

– Как полагаете, милейшая, Ориджин еще долго удержит дворец?

Профессор мечтал: пускай осада продлится достаточно, чтобы я успел закончить работу!

Следующая война – Ориджина против Кукловода – дала ученому возможность начать новый проект: устройство звукозаписи. Теория была разработана ранее, но не проверена на практике за отсутствием подходящих по размеру деталей. Едва шумная дворянская братия убралась из столицы, Олли взялся за дело. Добавил к бюджетным средствам собственные сбережения; вместо привычной искровой мастерской обратился к ювелирам; всю сборку крохотных деталей доверил тонким девичьим пальцам. Как это всегда бывает, практика развалила теорию: первое устройство не сработало. Он нашел ошибку и построил новое; оно оказалось немногим лучше первого. Олли целиком переделал усилитель, применил отрицательную обратную связь вместо положительной, заменил считывающую головку... И тут чертова война окончилась победой северян.

Профессор не имел ничего против кайров, ведь они никогда не мешали ему работать. Но победа Севера опечалила его своей внезапностью. Устройство было сырым, как бельё из рук прачки, и лишь одно событие давало шансы его доделать: грядущие выборы владыки. Николас Олли всей душой надеялся, что ближайший год все дворянство только и будет думать, что о взаимных интригах в Палате. Как же грубо реальность разбила его надежды!

В кабине экипажа, уносящего их от ратуши, ученый сказал помощнице:

– Знаете ли, это уже выходит за рамки моих расчетов.

Элис легко перевела его слова с академического на полярный: «Какого черта, Элис, ты дала эту статью?! Теперь Адриан будет гнать нас в хвост и гриву, а я не конь, чтобы трудиться в такой обстановке!» Она ответила извиняющимся тоном:

– Простите, но вы указывали на потребность в деньгах...

То было правдой. Эксперименты с устройством съели уже весь отпущенный бюджет и вторую дотацию от министерства, и личные сбережения профессора Олли, и даже посильный вклад Элис. Следовало обратиться к меценатам, однако ученый совершенно не умел просить. Говоря строго, он даже Элис не просил о помощи, а только сказал недели две назад:

– Конфликт экономики с физикой обострился до предела...

Студентка поняла намек и нашла способ привлечь финансирование. Статья в «Вестнике» очаровала Адриана. Теперь ученый мог получить любую помощь – но цена этой помощи оказалась непосильна.

– Простите, милая Элис, здесь виноват только я. Мне следовало точнее поставить задачу. Нам требуются деньги, но не в счет свободы. Становясь подневольной, наука умирает.

В муром молчании они подъехали к зданию физического факультета. Вход украшали изваяния ученых Праотцов и мозаичная модель вселенной. На гранитных ступенях, до блеска отполированных ногами студентов, дежурил привратник с важной бородой. Он помог профессору и помощнице сойти с экипажа, принял на себя багаж.

– Желаю здоровья, ваша милость. Давайте поклажу, незачем вам самолично-то...

Войдя в здание факультета, профессор ощутил прилив сил. Все здесь дышало прохладным покоем чистого знания. Арочные своды в идеальной пропорции соотносились с высотой и шагом колонн. Узоры на стенах изящно ритмичностью наводили на мысли о волновых процессах. Витражные окна так искусно расщепляли солнечный свет, что в голове сами собой рождались фантазии о его природе и происхождении.

Широкие двери в правой стене холла вели в учебное крыло. То была темница замка науки, место исполнения тяжелой повинности – лекций. А слева располагался вход в светлицу и сокровищницу замка – лабораторное крыло. Бдительный сторож охранял его и не допускал туда ни посторонних, ни, упасите боги, студентов. Сторож поклонился Николасу, ученый ответил вежливым приветствием. В эту минуту топот ног возвестил окончание очередной лекции. Шумная стая студентов высыпала в холл, и ученый поспешил скрыться в лабораторном крыле. Элис задержалась, чтобы поболтать с однокашниками; бородатый привратник пошел за профессором, неся багаж. В дальнем конце коридора второго этажа Николас отпер дверь лаборатории, скинул на вешалку шубу и шапку, проскользнул между столов с оборудованием к своему секретеру. Еще в кабинете бургомистра профессор догадался об одной ошибке в схеме устройства, и теперь спешил проверить ее. Начальная ступень амплификатора, изображенная на восьмой странице чертежного блокнота, лежащего в верхнем ящике справа. Привратник торчал в дверях, пожирая глазами дивную машинерию, но Николас уже забыл о нем. Выдвинул ящик, сунул руку, убрал руку, посмотрел, поморгал. Задвинул ящик и выдвинул снова, будто надеясь получить иной результат...

– Ваша милость, куда вещи положить? – спросил привратник.

Николас Олли сказал тихо:

– Милейший, не в службу, а в дружбу прошу: пригласите констеблей. По всей видимости, меня обокрали.

В народе ходят притчи о рассеянных ученых. Профессор Николас не являл собою исключения: забывал имена и лица, мог потерять славу в собственном кармане, путался в вопросе о том, когда будут выборы и кого, собственно, выбирают. Но когда касалось работы, этот человек был идеально точен. В своей лаборатории он помнил расположение каждой вещи с точностью до дюйма. Если ночью во времена осады вырубалась искровая машина факультета, профессор в кромешной тьме наводил порядок, возвращал в исходное положение все тумблера, обесточивал все, что должно быть обесточено, и лишь тогда уходил домой. Содержимое ящиков секретера имело систему, выверенную, как имперский архив. Однажды в нижнем ящике – «памятное и душевное» – Элис нашла театральную программку, прочла и положила не под страницу из «Голоса», а на нее. Профессор отчитал помощницу – вовсе не за то, что рылась в его вещах, а за неверный порядок укладки бумаг.

Словом, он сразу исключил вариант «просто потерялся». Самый ценный документ в лаборатории никоим образом не мог потеряться случайно. Столь же нелепой была версия, что кто-то из коллег просто взял блокнот на время. Каждый ученый факультета знал, над чем работает Олли, и мог проявить любопытство, и получить полный ответ – ведь Николас не страдал излишней скрытностью. Но взять чертежи без спросу означало нажать в лицо профессора врага. Надеясь на лучшее, Элис все-таки обошла все кабинеты и опросила ученых. Естественно, никто и не думал брать вещи Николаса. Сомнений не осталось: произошла именно кража.

В ожидании констеблей, профессор кусал ногти, тербил пуговицы, нервно перекладывал письменные приборы. Элис попыталась его утешить:

– Ничего страшного не случилось. Мы восстановим блокнот, вы же помните весь порядок расчетов.

– Это займет не меньше двух недель, а Адриан уже дышит в затылок. Он из нас души выест, когда узнает, что мы топчемся на месте...

– Но мы же не виноваты!

Олли только вздохнул.

Спустя час вернулся привратник и с порога заявил:

– Виноват, ваша милость, тут приключился конфуз. Я-то констеблей позвал, но эти вот господа констеблей оттеснили и пожелали взамен них явиться.

В уют лаборатории бесцеремонно вторглись четверо. Выделялся среди них рослый офицер при шпаге. Вторым по чину, видимо, являлся коренастый отставник с наглой физиономией. Остальные двое были рядовыми служаками при дубинках.

– Полковник Кройдон Бэкфилд, – отрекомендовался офицер.

– Майор Рука Додж, – сообщил коренастый наглец.

Они были слишком громкими и крупными для этого места. Профессор ощутил раздражение.

– Позвольте узнать: вы кто?

– Тайная стража его величества, – отчеканил Бэкфилд.

– Разве такая существует?

– Шутки неуместны, сударь. Как я понимаю, пропал ценный документ?

– Набор схем звукозаписывающего устройства.

– Так-так, – сказал Бэкфилд.

– Так-так-так, – повторил Додж.

Ни один не удивился. Откуда-то они уже знали об изобретении.

– Как выглядели схемы?

– Синий блокнот примерно вот такого размера, на сорок восемь страниц.

– Вы уверены, что он не потерялся где-нибудь здесь?

– Абсолютно уверен.

– Стало быть, полагаете, украден?

– Да.

– А зачем он мог кому-нибудь понадобиться?

Олли помедлил с ответом.

– Простите, ума не приложу. Продать его будет затруднительно. Во-первых, только горстка людей в мире поймет все написанное. А во-вторых, присвоить изобретение невозможно, ведь «Вестник науки» уже опубликовал статью. Любой суд признает мое авторство.

– Значит, кто-то украл блокнот только затем, чтобы испортить вам жизнь?

– Я не могу судить о мотивах вора. Но блокнот украден, это факт.

– Так-так, любопытно, – сказал Бэкфилд. – Что ж, приступим.

И они взялись за дело с пугающим рвением. Выставили стражу у дверей лабораторного крыла, чтобы никто не мог его покинуть. Тщательно осмотрели лабораторию, перерыли все ящики секретера, а также прочие места, где могли храниться бумаги. Созвали и опросили свидетелей, каковыми являлись ученые коллеги Николаса, сторож лабораторного крыла, привратник со входа факультета и продавщица булочек из холла.

Ученые ничего не знали. Большинство из них вели лекции в другом крыле, а те, что были здесь, даже не приближались к кабинету Николаса.

Сторож показал, что из учебного крыла в лабораторное не переходил никто, кроме двух профессоров, вернувшихся с лекций. Продавщица булочек подтвердила его слова. Конечно, студенты часто навещали холл, особенно к месту расположения булочной лавки, но никого из них сторож не пустил бы в лабораторное крыло.

Бородатый привратник сообщил, что в здание факультета не входил с улицы никто посторонний. Собственно, свои тоже не входили: была середина дня, все студенты давно сидели на лекциях.

– Праотцами клянусь: пока его милость Николас ездил в город, ни одна душа не проникла в факультет!

Бэкфилд уточнил, не отлучался ли привратник со своего поста. Тот сознался, что уходил минут на двадцать по чайно-бутербродным делам, но просил булочницу и сторожа последить за входной дверью. Сторож даже переместился так, чтобы лучше видеть вход в здание. За время отлучки привратника дверь не открывалась.

– Так-так, – констатировал Бэкфилд и поглядел в окно. – Высота второго этажа – футов двадцать пять. Деревьев поблизости не наблюдается. Кто мог сюда влезть?

Додж ответил:

– Только этот, орел саблезубый залетел бы!

– Орлы не летают.

– Это как это?!

– То есть да, орлы летают, а воры и преступники – нет.

Один из младших агентов осмотрел замочную скважину.

– Поцарапана чем-то острым – шпилькой или жалом стилета. Ключ не оставляет таких царапин. Замок подвергся вскрытию.

– Работал опытный человек?

– Не слишком. Опытный взял бы отмычки, а не шпильки.

– Итак, что имеется в наличии, – попытожил Бэкфилд, – Преступник вошел в кабинет через дверь. Но как он попал в здание? Привратник свидетельствует, что посторонние на факультет не входили. Значит, либо кто-то из учебного крыла перешел в научное, сговорившись со сторожем. Либо кражу совершил тот, кто уже находился в научном крыле. Либо же, как одна из версий...

Бэкфилд умолк на полуслове и стал копошиться в нижнем ящике секретера.

– Прошу вас не делать этого, – сказал профессор.

– Чего именно? – Рука полковника небрежно перемешивала бумаги.

– Вот этого. Вы приводите мои документы в беспорядок.

– А вас так заботит сохранность этих бумаг? Они представляют важность?

– Неважных не храню.

– И эти два документа также важны?

Бэкфилд поднял на свет страницу из старого «Голоса Короны» и бальное приглашение.

– Ее величество Минерва и лорд-канцлер Эрвин Ориджин дают особый бал в честь деятелей науки, – зачитал он первую строку приглашения. Затем перевел взгляд на страницу: – Минерва Несущая Мир посетила открытие театрального сезона. Ее величество избрала платье богини Лиолы, подчеркнув тонкость своей душевной организации...

– Пф! – кашлянул Додж.

– А еще тут напечатан портрет – надо сказать, весьма удачный. Минерва буквально как живая.

Элис не выдержала:

– Сударь, закройте секретер! Это личные бумаги профессора!

– В том и дело, барышня. То-то и оно, что личные. Были бы официальными, вопросов бы не возникло.

Рука Додж вдруг просиял:

– А может, это сторож?!

– Что?.. – уставился Бэкфилд.

– Да этот черт, который стережет кабинеты! Сам зашел сюда, пошпилил дверцу, притырил блокнотик – и назад, на пост!

Бэкфилд скривился:

– На кой оно ему?

– Может, он Минерве служит! Для нее и украл! Видите, дрожит при виде картинки?

Понял, козлик, что мы его поймали!

Бедолага сторож и вправду побелел, но не от портрета Минервы, а из-за обвинения.

– Увольте, я ж не того... Глорией прошу... Ничего я не это...

Профессор сказал ему:

– Успокойтесь, любезный, никто вас не винит. Будьте добры, подайте мне «Иллюзии»

Агаты.

– Что подать?

– Вон там, на полке, одна из книг.

– Это я понял, а которая?

– «Иллюзии»... Темная с белым, третья слева.

– А, так бы и сказали!

Получив книгу, ученый показал ее сыщикам, словно улику:

– Сторож безграмотен. В моем секретере множество бумаг. Он в жизни не нашел бы нужную.

Додж сконфузился, но Бэкфилд просиял:

– Здесь я с вами согласен, профессор. Сторож не виноват. Может, кто другой, но точно не он.

Бэкфилд отпустил сторожа и подозвал привратника:

– Ответь-ка: ты вошел в лабораторию вместе с профессором?

В отличие от сторожа, привратник не робел:

– Еще бы. У них-то вещей – и саквояж, и котомка. Нельзя не помочь.

– И пропажу ты обнаружил вместе с профессором?

– Оно то да, но не совсем. Я вот здесь у дверей стоял, а ящик – вон там. Отсюда туда я мало что видел. Как профессор сказал: «Украли», – тогда я и узнал.

– С его слов, стало быть?

– Ну, а с чьих же?

– И потом ты ушел за констеблями.

– Как не уйти? Коли случилось преступление, необходимо доложить. Только я сторожа попросил присмотреть за дверьми, пока меня нету. И сейчас тоже волнуясь: я-то здесь, а двери без надзора, вот и заходи кто хочешь.

– Потерпят твои двери. Ты подтверждаешь, что оставил профессора Олли здесь одного?

– Ну, да. Его ж кабинет, отчего не оставить. Потом еще Элис пришла, я ее встретил в коридоре.

Бэкфилд сказал невпопад:

– Рожа мне твоя знакома...

Внешность у привратника была памятной: усов нет, зато борода – что твоя лопата, и волосы до плеч. И то, и другое с красивой проседью, а взгляд упрямый и лихой. То ли кучер генеральский, то ли разбойник в отставке.

Мужик не дал себя сбить с мысли:

– Я с вами крайне не согласен по поводу дверей. Нельзя их так надолго...

– Да плюнь ты на них!

– Виноват, никак не могу. Сами смотрите: уже ломаются всякие.

Наглядным подтверждением его слов, в кабинет Николаса Олли вошли два человека – со всею очевидностью, отнюдь не ученых. Первою шла девушка шаванского племени, распо-

лагавшая к себе простыми и честными чертами лица. Вторым – благородный красавец-рыцарь при изрядном мече. Он возвышался над спутницей, точно медведь над ланью.

– Мы ищем господина Николаса Олли, – сказала девушка с сильным степным акцентом.

– Я к вашим услугам, – отозвался профессор, но хамоватый Додж перебил его:

– Кто вы такие? Имя, звание, кому служите?

– Меня зовут... – начала было девушка, но рыцарь выступил вперед:

– Ты сам кто такой, холоп? Грязь вычисти из-под ногтей!

Додж побагровел:

– Взять его!

– А попробуйте, – рыцарь бросил руку на эфес.

– Отставить, – велел полковник. – Сир Питер, имейте терпение. Дружище Додж, таких людей, как фрейлина владычицы, необходимо знать в лицо.

– Это вот фрейлина?! – возмутился Додж.

Бэкфилд дослал ему информацию с помощью подзатыльника.

– Миледи, – сказал Олли шаванке, – мне очень стыдно от того, что подобная сцена происходит в моем кабинете. Примите извинения и скажите, что хотели.

– Моя госпожа, леди Магда Лабелин, приглашает вас в гости. Завтра к дневной песне, в Престольную Цитадель.

* * *

Глагол «надеяться» обременен двузначностью. Говоря: «Я надеюсь», – часть людей имеет в виду свои желания: «Надеюсь разбогатеть», «Надеюсь снова стать императором», «Надеюсь, что мир будет таким, как прежде». Однако другие подразумевают не желанные цели, а имеющиеся средства: «Надеюсь на свой ум, на мечи вассалов, на точность расчета». Герцог Морис Лабелин всегда считал первое значение глупым, а второе – единственно правильным. Нужно ясно отличать желания от ресурсов, и к желанному – стремиться, а ресурсы – разумно использовать.

Герцог Южного Пути желал подобрать под себя всю Землю Короны, как уже подмял центр столицы. А на что он надеялся, двигаясь к этой цели? На собственное богатство, на страх лордов перед Севером и на человека в гробу. Еще, конечно, на умницу-дочь.

То, что случилось зимою в герцогстве Ориджин, потрясло многих. Бывший владыка, чуть не плача, стонал о крушении надежд. (Видимо, он тоже путал надежды с неоправданными мечтами.) Его полководцы – Лис и Гор – вопили о предательстве, рвались пойти на смерть. (Вернее, послать подыхать своих солдат. В подобных вопросах желательна точность выражений.) Шут хлебал эхиоту и жался к тощей груди жены... А Магда явилась к отцу, села рядом, выпила полный стакан орджа.

– Ты беременна, – отметил герцог без упрёка, просто как напоминание.

– Насрать, – ответила дочь и налила второй стакан. Сказала: – Папа, в Первой Зиме случилось дерьмо.

– Ориджины?

– Нет, не они. Я не смогу объяснить, запутано слишком. Боги, вселенская спираль и все такое... Скажу просто: Великое Древо ордена накрылось.

– Орден уничтожен?

– Нет. Но Древо вырасти не сможет. Конец.

Герцог Морис обдумал ситуацию. О Древе он знал недостаточно много, чтобы принять его падение близко к сердцу. Собственное выживание волновало гораздо больше.

– Ориджины все еще хотят нас убить?

– Нет, поскольку я отдала им Уиндли и Майн.

Даже тут герцог не наорал на нее. Он понимал, что дочь не пошла бы на такие жертвы без веской причины.

– До чего договорились?

Магда рассказала. Почти все, кто видел то дерьмо, лишились самообладания. Но Магда сохранила дар речи и подняла непростой вопрос: как мы все теперь будем? Со стороны Ориджинов выступили леди София и судья, со стороны Минервы – первый секретарь Дориан Эмбер и фрейлина Лейла Тальмир. Герцог Ориджин присутствовал, но едва живой от истощения, так что беседу вели старшие – и Магда. В одном сошлись быстро: резать друг друга никому не хотелось. Видимо, стоит всем согласиться на выборы владыки. Но как дожить до них, сохранив и власть, и лицо? Минерву можно оставить временной владычицей – ее одну все готовы стерпеть в этой роли. Адриан должен отказаться от претензий и признать себя бургомистром Фаунтерры. Это единственный способ узаконить то, что есть по факту: Минерва носит Эфес, Адриан правит столицей. Фактическое положение дел признается и в другом аспекте: Уиндли остается под контролем северян. Однако войска Лабелинов уходят из Майна – по той простой причине, что в Майне им до весны не выжить.

– Ты отдала два города, а что получила взамен?

– Теперь о хорошем, папенька, – и Магда изложила светлую сторону.

Первое: Адриан сохраняет право участвовать в выборах. Второе: человек в гробу передается под личный контроль Мориса Лабелина. Магда не могла допустить, чтобы он достался Ориджинам; Ориджины не соглашались оставить его в руках фанатика из ордена. Решено было передать его на хранение Лабелину, а вопрос о его дальнейшей судьбе адресовать церковному суду. И третье.

– Папенька, насколько я смогла понять, Минерве дико понравилось в Первой Зиме. Она создала свой маленький двор – потешный, зато управляемый. Очаровала Ориджинов, причем всех поголовно. Они теперь с нее пылинки сдувают. В северном болоте Мими – самая важная жаба.

– Рад за нее. И что дальше?

– Если б даже мы отдали Фаунтерру, она бы все равно не спешила туда. Столица в Первой Зиме ее устраивает. Но Земля Короны – домен Династии. Чтобы узаконить положение дел, Мимишке нужен наместник в Фаунтерре. Губернатор Земель Короны, причем такой, которого Адриан не прирежет в первую же ночь.

– Роберт Ориджин?.. – предположил герцог.

– Плохая идея. Батальоны Роберта рядом с полками Адриана. Один солдат чихнул – и понеслось по трубам... Нет, папа, северянам хватило ума назначить другого человечка.

Она подмигнула, но герцог не понял. Она подмигнула вторым глазом.

– Ты?.. Нет, серьезно. Ты – правитель Земель Короны?! Чтоб мне сдохнуть!

Магда обняла отца.

– Правда, ты должен за меня поручиться. Ориджины не сильно доверяют той, кто спит с Адрианом. Если я нарушу договоренности, они получат повод для новой войны с тобой.

Он расхохотался:

– Святые ж боги! Они совсем размякли, если думают, что для войны нужен повод!..

Конечно, Морис поручился за дочь. Лично ударил по рукам с герцогом Севера и стал фактическим гарантом сделки. Морис выдрал из лап Адриана хрустальный гроб, позволил Ориджинам взглянуть и плюнуть на замороженную белую морду. Морис снял блокаду с Уиндли и передал Ориджинам один из самых доходных городов герцогства. Зато и выжал кое-что взамен: Династия в лице Минервы официально признала свои долги перед ним. Бургомистр Адриан не мог законно распоряжаться владениями Короны, зато Минерва могла. Престольная Цитадель и Воздушный мост, и Адмиралтейство, и еще целый ряд великолепных зданий перешли в его руки. Герцог Лабелин теперь имел больше владений в Фаунтерре, чем сама Блистательная

Династия. А Магда, губернатор всех Земель Короны, очутилась выше в иерархии, чем ее муж – правитель единственного города.

Битва за Первую Зиму окончилась полным крахом Кукловода, растоптанной гордостью Адриана, тяжкими потерями Ориджинов – и триумфом Лабелинов, не потерявших ни одного солдата! Герцог оставил сыновей наводить порядок в Южном Пути, а сам вместе с Магдой поехал осваивать столицу. Теперь он души не чаял в дочке. Он говорил:

– Помнишь сказку о золотой кошке, которая исполняла желания? У меня тоже есть такая!

– Мур-мау, – отвечала Магда.

Нежданная Владычица – так прозвали Магду столичники – управляла бюджетом Земель Короны. Половину налоговых сборов она пересылала «наверх» – Минерве в Первую Зиму. Вторую половину использовала на свое усмотрение для финансирования дворцов, Адмиралтейства, искровых полков, протекции и трех оставшихся в Фаунтерре министерств – Науки, Земель и Искусств. «Свое усмотрение» Магды согласовывалось с папенькой. Герцог очень любил дочь, но больше не желал получать сюрпризов, вроде ее проделок в Шиммери. Он связал ее финансовым поводком – самым прочным из возможных.

Отец и дочь проживали теперь в Престольной Цитадели, наполнив верхние этажи роскошью, а нижние – рыцарями барона Хьюго. Во дворец Пера и Меча Магда навещалась изредка, для исполнения супружеского долга, а на ночь возвращалась в Цитадель. Так велел папенька, да Магда и сама предпочитала быть подальше от мужа. Она не предполагала за Адрианом способности забыть унижение. Правда, Адриан вел себя корректно, исполнял обязанности бургомистра и мужа, добросовестно играл по чужим правилам. Но это еще больше настораживало. Вежливость Адриана намекала на тайную игру, исход которой может быть страшен. И герцог Морис, и его дочь создали сети шпионов, следящие за ратушей и дворцом. Каждый день за обедом они обменивались полученными сведениями.

Одним весенним вечером герцог показал дочке «Вестник науки»:

– Изобрели какую-то штуkenцию. Якобы, записывает речь.

Магда прочла статью.

– Звучит забавно.

– Твой сильно заинтересовался этим. Но я не знаю, почему.

– А я догадываюсь, – сказала Магда.

И изложила то, как поняла план Адриана со слов шпионов. Герцог ощутил сильную тревогу.

– Доча, он очумел, или как?

– Папенька, прости, я не лажу к нему в голову. Меня пугает то, что я там нахожу.

– Нельзя допустить эту затею.

– Прикажешь остановить финансирование университета?

– Зачем же? Остальной университет ни в чем не виноват... Пригласи лучше к нам этого профессора, пусть покажет свое устройство. Я очень надеюсь, что оно не работает.

Читатель должен понимать: это была чистая фигура речи. Герцог Лабелин никогда не пускал надежды на самотек. Если бы устройство работало, он был готов исправить положение.

Через день пара изобретателей предстала перед герцогом и его дочкой. Профессор в нелепом сюртуке имел подавленный вид. Нетрудно понять причину: его привели в самую мрачную крепость столицы, сквозь три кордона стражи, вооруженной до зубов. Впрочем, герцог знал, что шансы ученого на спасение довольно высоки: достаточно будет, чтобы устройство не включилось.

– Профессор Николас Олли, – представился ученый.

– Рода Софыи, – добавил герцог, пожав руку профессора. – Я горжусь тем, что гений науки принадлежит к моему роду. Величаяя Праматерь снова утерла нос Агате.

– Ваша радость преждевременна, милорд, – сказал ученый. – Сразу скажу: прибор работает очень скверно.

То бишь, именно так, как мне нужно, – подумал герцог и собственной рукою налил вина профессору и студентке.

Далее состоялась сцена, подобная той, которую читатель уже наблюдал в столичной ратуше. Профессор Олли точно так же стыдился, а смышленная Элис столь же умело провела демонстрацию прибора. Отличалась лишь реакция зрителей. Если Адриан игнорировал недочеты, то Лабелины, напротив, сразу заговорили о них.

– Омерзительный визг! Чуть уши не отсохли!

– Я согласен, милорд, – кивнул профессор.

– А когда громко, то хрипит, как подышающий пес.

– Справедливая оценка.

– И сборка устройства слишком сложна. Тут прикрутить, там соединить, еще проверить провода... Неученый человек убьется током, если попытается включить.

– Ваша правда, милорд, устройство очень сырое.

Герцог улыбнулся:

– Но не печальтесь, профессор. Прделана огромная работа, я это ценю.

– И потеряна, – ответил ученый. – Вчера чертежи украли из моей лаборатории.

– Как – украли?

– В самом прямом смысле этого слова. Взломали дверь и забрали чертежи.

Герцог с большим трудом скрыл довольную мину.

– Какая жалость! Сочувствую вам! Полагаете, вор сможет разобраться в чертежах и воссоздать устройство?

– Очень маловероятно.

– А вы сумеете восстановить чертежи?

– Конечно, это же мое изобретение. Но уйдет много времени...

Лабелин просиял:

– Не торопитесь, любезный! Наука не терпит спешки. Спокойно восстановите чертежи, затем исправьте недочеты. А когда доведете до ума, я охотно куплю изобретение.

– В нем большой потенциал, – сказала Магда. – Например, можно устраивать невиданные развлечения в салонах.

– Отправлять голосовые письма, которые нельзя подделать, – продолжил герцог.

– Любовные послания с ахами и вздохами, – добавила дочь.

– Заверять договоры и свидетельские показания.

– Мы сможем производить и продавать дюжину в месяц.

– Две дюжины, – поправил герцог. – Словом, профессор, мы обещаем купить изобретение, когда оно будет готово, пускай даже через год. Десяти тысяч эфесов достаточно?

– Д-д-да, милорд, – лягнула Элис Кавендиш с нехарактерным для нее заиканием.

Тут следует отметить, что последнюю свою агатку Элис истратила позавчера. Вчера она поужинала куском сыра, похищенным у соседки по кампусу, а нынче после утренней лекции постыдно взяла пирожок из рук студента, безответно влюбленного в нее.

– Д-да, милорд, десять тысяч – прекрасная сумма. П-правда, двенадцать – более счастливое число, да и мы бы работали быстрее...

– Элис, прошу! – осадил ее профессор. – Милорд, вы очень щедры, но я обязан уведомить: вчера бургомистр Адриан уже дал нам заказ. Он рассчитывает получить устройство в свои руки, и как можно скорее.

Оба Лабелина, конечно, были в курсе дела, но не собирались высвечивать источники информации. Изобразив удивление, они расспросили ученого. Узнав обо всем как бы впервые, Магда сказала:

– Мой любимый муж немного преувеличил свои возможности. Видите ли, профессор, я, как наместница императрицы, управляю финансами всех Земель Короны. А муж располагает лишь незначительными сборами с цехов и гильдий Фаунтерры. Говоря проще: он не даст вам денег, если я не дам ему.

Профессор потемнел лицом.

– Миледи, я же не смогу ответить ему подобным образом. Указание на бедность и незначительность оскорбит его.

– Но это факт, профессор. Бюджет министерства науки, а значит, и вашего университета контролирую я.

– Миледи, вы требуете от меня нанести обиду либо вам, либо Адриану. Прошу, увольте от такого выбора.

Герцог Морис выступил миротворцем. С высоты своего положения он мог позволить себе доброту:

– Профессор, вы неправильно поняли мою дочь. Она не давит на вас, просто уведомляет о положении дел. Для серийного производства прибора нужны деньги, коих у Адриана нет. Зато они есть у меня. Вот, возьмите для начала – без никаких обязательств, просто как знак моего расположения.

Он протянул профессору пачку банкнот – примерно на полтысячи эфесов. Ученый не прикоснулся к ним, но студентка взяла и присела в реверансе:

– Благодарю за щедрое пожертвование!

– Именно так, милое дитя, это пожертвование. Я ничего не требую взамен, кроме одного: не торопитесь. Не позорьте себя и факультет, доведите прибор до совершенства, а уж затем передайте кому захотите. Мне или Магде, или Адриану – за вами полная свобода. Но ни в коем случае не раньше октября. Иначе, боюсь, мы с дочкой будем расстроены.

Когда изобретатели ушли, Магда поклонилась отцу:

– Красиво, папенька. Отдаю должное.

– Благодарю.

– Но позволишь мне одно замечание?

После шиммерийской авантюры, которая могла кончиться очень и очень скверно, Морис больше не позволял дочке забыть первую заповедь: «Свое место в мире прими с достоинством». Магда больше не поступала вопреки отцовской воле, не орала на него и даже не говорила без его разрешения. Однако она была умна, и герцог, как правило, хотел ее услышать.

– Ага, валяй.

– В адриановом плане есть свой резон. Народ действительно любит его больше, чем Мими и Нетопыря. Дай беднякам лизать сапоги Адриана – они заблестят, как стекло.

А вот чего добились Магда своею шиммерийской выходкой: уважения со стороны отца. Да, она говорила лишь с его согласия, но он слушал внимательно и не велел ей прочистить мозги или засунуть язык в жопу. Ответ герцога всегда содержал разумные аргументы.

– Дорогая доча, неважно, кого любит народ. Он не участвует в выборах владыки, и да спасут нас боги от такого мира, где он будет в них участвовать.

– Славно сказано, – улыбнулась Магда. – Я не предлагаю дать черни право голоса. Но она может оказать давление на своих лордов и склонить их выбор в пользу Адриана.

Герцог обрадовался возможности поучить дочку политике:

– Послушай-ка меня. Многого добивается лишь тот, кто умеет беречь достигнутое. Возможно, ты считаешь нашей целью возвести муженька на трон. Я полагаю иначе. Наша главная цель – сохранить то, что имеем. Мы с тобой фактически правим Землями Короны, и я не откажусь, чтобы так было всегда.

– Я тоже, – ввернула Магда.

– Тогда пойми, что Минерва ничуть не хуже для наших целей, чем Адриан. Разумеется, до тех пор, пока она сидит в Первой Зиме. Мы можем убедить лордов Палаты возвести на трон Адриана – это будет в наших интересах. А можем устроить Мимишке сказочную жизнь на севере, чтобы она никогда не надумала вернуться сюда. Этот вариант даже имеет преимущества: пока Адриан в ратуше, а не на троне, нам легче держать его жопу в узде. И только один исход выборов пойдет нам во вред. Угадываешь, какой?

– Ориджин.

– Вот именно! Он-то уж точно припрется сюда и начнет наводить порядки. Этот хлыщ обожает красоваться. Он не просто усядется на трон – с ногами на него залезет! А если вдруг когда-то и уедет из Фаунтерры, то назначит наместницей сестричку или любовницу, или ту же Мими – но точно не тебя.

– Я понимаю, папенька. Но к чему ты ведешь?

– К тому, глупышка моя, что идиотские игры с народом подарят корону не Адриану, а нетопырю! Только представь: сотня тысяч холопов соберется в Фаунтерру и начнет учить своих лордов, за кого им голосовать. Палата озверевает от такой картины! Свиньям не место на балу, холопам не место в политике! Лорды возненавидят Адриана, который спустил быдло с цепи. И Минерве перестанут доверять: она давеча тоже цацкалась с чернью. Дворяне сбегутся к тому, кто может усмирить холопов. К Ориджину и его кайрам!

– Дворяне боятся нетопыря... – отметила Магда не слишком уверенно.

– Сейчас – да, и нужно укреплять этот страх. Воспевать его великие победы – как он, значит, лично зарезал сто шаванов, а малахольная дура перебила еще тысячу, а ханидам засунули Персты в жопы и стрельнули раз по десять... Но все это не поможет, если Адриан призовет чернь. Презрение к быдлу пересилит любой страх. Палата выберет Эрвина.

Магда погладила живот, мечтая о том, как было бы все-таки неплохо родить наследного принца. Но доводы отца звучали весомо: похоже, Адриан совершал глупость.

– Ты прав, папенька... Вот только одна странность: неужто сам Адриан этого не понимает?

– А ты спроси его при случае. Не стесняйся, спроси.

* * *

Профессор Николас Олли погрузился в тяжкие думы, упершись лбом в оконное стекло кареты. Ровно сутки назад, после встречи с бургомистром, он почему-то сетовал на жизнь. О, какая ошибка! Ход событий начисто опроверг его мнение. Вчера-то профессор был редким везунчиком. Несчастливым он стал теперь.

Сидя напротив, Элис снова и снова пересчитывала деньги. Она просто не могла удержаться – хруст новеньких бумажек завораживал.

– Я только что совершила открытие: счет бумажных денег – самое успокаивающее занятие на свете! Попробуйте, учитель!

Он отмахнулся:

– Хорошо, что существование Темного Идо недоказуемо. Иначе я назвал бы эти деньги идовскими.

– О, полно! Давайте заедем в шоколадницу, побалуем себя. Самой маленькой бумажки хватит, чтобы неделю питаться шоколадом!

Профессор принял за шутку. Но юмор студентки предназначался лишь для того, чтоб защитить ранимую надежду. Элис надеялась когда-нибудь набраться духу и пригласить наставника в кафе. Вместе пойти в театр – было даже не надеждой, а сказочной мечтой.

– Только послушайте. Я знаю шоколадный салон с очень особенной славой. Минерва Стагфорт ходила туда в те времена, когда еще и не мечтала стать владычицей. Эрвин Ориджин

водил туда свою даму, когда был не герцогом, а всего лишь студентом. Прошлым летом туда заходила Карен Лайтхарт – опять же, до того, как была признана в свете и вернула свой титул. А теперь зайдем мы – и через год вы станете министром науки, а я... например, помощницей министра.

И снова шуточный тон маскировал трепетность ее надежд, и снова профессор не понял этого.

– Элис, я опечален вашей игривостью. Она выдает непонимание беды, в которой мы очутились. А может быть, вы радуетесь тому, что данная беда – скорее, моя личная, чем наша общая.

Со стороны мягкого профессора это был неожиданно колкий выпад. Элис расстроилась, ученый принес извинения.

– Простите меня, но поймите ситуацию. Адриан ждет от нас срочного завершения работ и уже выдал аванс в виде обещания оплатить сто приборов. Герцог Морис, напротив, желает, чтобы прибор не был готов до выборов. Он также выдал аванс, а вы по неосторожности взяли. Теперь два могущественных человека считают, что мы работаем на них, но ставят противоположные задачи. Чей гнев вы предпочтете испытать – герцога или бывшего императора?

– Я счастлива, наставник! Я тоже смогла хоть чему-то вас научить: теперь вы мыслите немножко по-дворцовому. Однако простите, есть изъян в вашей логике. Не забывайте, что чертеж пропал.

– И это только усложняет положение!

– А по-моему, облегчает. Ведь мы никому не говорили, сколько времени займет восстановление чертежей. Теперь мы можем выбрать либо Адриана, либо Лабелина, а второму отказать, сославшись на кражу. Адриан желает поскорее – но увы, из-за кражи мы никак не успеваем! Лабелин хочет подольше – но и ему можно отказать: скажем, чертежи неожиданно быстро нашлись, и Адриан забрал их в работу. Все теперь зависит от нашего желания!

– Но это будет нечестный поступок.

– Честность – это верное служение сеньору, не так ли? Наш с вами господин – наука. Мы выберем тот вариант, который будет лучше для него.

Профессор подумал минуту. Взял у Элис пачку денег, отделил две банкноты. Одну положил себе в карман, другую дал студентке:

– Это вам на шоколад.

Остальные пересчитал, мысленно вписал в бюджет проекта.

– Будьте добры, запишите. Для нового усилителя необходимо заказать следующие детали...

Элис со вздохом достала блокнот и принялась писать.

Уже у входа в здание факультета Николас Олли заметил неладное. Косматый привратник отсутствовал на месте, зато на ступенях толклись студенты, совершенно лишние здесь во время лекции.

– Что произошло? – спросила Элис.

– Там такое!.. Неслыханное дело! Позорище!..

– Да что же?

– Обыск!

Профессор влетел в здание. У дверей лабораторного крыла его попытался задержать агент с дубинкой.

– Прочь с дороги! – рыкнул Николас, оттолкнув негодяя.

Еще из дальнего конца коридора он услышал омерзительные звуки. В коридоре толпились студенты и преподаватели, но их гомон не мог заглушить ужасные скрипы и скрежет, и

лязганье металла. Агенты двигали мебель и оборудование, переворачивали лабораторию вверх дном.

Николаса встретили свои:

– Коллега, тут беда творится...

– Слышу. Где декан?

– Умчал в министерство. На этих никакой управы нет.

– Уж я найду управу!

Дрожа от ярости, профессор вбежал в лабораторию. У него потемнело в глазах. Все было сдвинуто и перевернуто, запертые ящики – взломаны. Ничто не разбилось лишь по единственной причине: медное оборудование не бьется. Хозяинчал тут Рука Додж с пятеркой мордоротов. Полковник Бэкфилд надменно стоял в сторонке, периодически указывая шпагой:

– Вон там, за обивкой проверьте...

Треск! Драпировка оторвана, темнеет голая стена.

– А в углу половица топорщится...

Подважили фомкой, нажали – хрусь! Половица слетела, открыв дыру.

Профессор лишился дара речи. Так и замер перед Бэкфилдом, хлопая ртом, пытаюсь выдавить:

– В-вы... п-по какому...

– Здравия, профессор, – ухмыльнулся негодяй.

Рука Додж подал голос:

– Полковник, скажите этим енотам ученым, чтоб не лезли!

Бэкфилд подмигнул профессору:

– Я бы выразился иначе, но суть-то вы поняли. Служивые люди находятся при исполнении долга. Прошу не мешать.

– В-вон отсюда! – процедил Николас. – Я требую убраться!

Бэкфилд не принял его всерьез. Указал Доджу шпагой:

– Под подоконник загляните. Там бывают щели.

Додж воткнул под плиту кинжал, со скрежетом прошелся.

– Вроде, ничего...

– А тыльную стенку шкафа проверили?

Один из подонков рубанул по шкафу топором.

– Уже проверили, господин полковник. Ничего.

Как бы ни было неприятно, читателю стоит задержать внимание на этой мерзостной сцене, чтобы постичь ее суть. Университет Фаунтерры никоим образом не подчинился протекции, а тем более – головорезам Доджа, чистой воды наемникам. Свидетелями погрома являлись несколько десятков высоко образованных людей, в том числе дворян. Душа каждого кипела при виде вопиющего скотства. Но ни один не находил возможности вмешаться! Все протесты выражались в отдельных возгласах: «Беззаконие!», «По какому праву?», «Вы за это ответите», и тому подобных. Эти жалкие потуги лишь сильнее подчеркивали беспомощность ученых.

Вовсе не дубинки погромщиков и не шпажонка Бэкфилда так напугали ученую братию. Некоторые из студентов сами носили шпаги (в данный момент сданные в гардероб, но сбегать туда – минутное дело). И подавляющее численное превосходство было за людьми факультета. Но их шокировала и парализовала дикость происходящего. Интеллектуалы беспомощны перед грубостью и хамством. В их опыте и картине мира такого просто не может происходить – а потому и не выстроено способа защиты.

Сказанное станет особенно наглядным, если посмотрим на одного человека. Косматый привратник тоже стоял в коридоре среди ученых. Это был мужик, повидавший достаточно дикости, насилия и хамства. Он смотрел на погром без трепета, с чисто практическим расче-

том: вмешаюсь – побьют, а оно того не стоит. Но тут в кабинете появился Николас с саквояжем в руке, и взгляд привратника переменялся. Мебель и драпировка – дело наживное, а вот прибора будет жаль. Так что он подошел к профессору и сказал спокойно:

– Дайте поклажу, я вынесу.

Это была здравая мысль. Но спокойствие слов отрезвило профессора, и он придумал идею получше. В три шага очутился у окна, распахнул стекло и выставил руку с саквояжем:

– Прочь отсюда, или брошу.

– Кому хуже, осел? – ухмыльнулся Рука Додж. – Свое ж добро ломаешь.

– Твой господин хочет этот прибор. Я разобью. Нового не сделаю. Адриан ничего не получит.

Теперь Додж и Бэкфилд приняли угрозу всерьез.

– Профессор, ты полегче-то, – сказал полковник. – Пойми, что и твоя жизнь после порчи прибора сильно убавит в цене.

– Пошли вон, – повторил Николас.

– Отдай чертежи – уйдем. Сам понимаешь: мы все знаем. Ты служишь Минерве, скользкий хрыч. Тиснул статейку, чтобы она прочла. Но первым прочел Адриан и захотел чертежи. Вот ты и послал привратника за полицией, а сам их спрятал, пока был один. Отдай поздорову, а иначе...

Пока Бэкфилд говорил, внимание Николаса сфокусировалось на нем. Рука Додж увидел свой шанс и резко бросился к профессору, дабы схватить саквояж. Но привратник прытко подставил ногу, и Додж растянулся во весь рост. В сторону отлетела фомка. Один из студентов подобрал этот грубый инструмент, взвесил на ладони – и тут осознал верный способ общения с дикарями.

– Бей их, братцы!

С криком студент метнул фомку в ближайшего гада. Другие гады подняли дубинки и атаковали. Привратник, увернувшись от удара, сшиб одного из них. А студенты хлынули в лабораторию и вступили в драку. Оружие валялось прямо под ногами: раскиданный инструмент, штативы, детали, обломки мебели. Все это обрушилось на головы негодяев. Стыд за недавнюю трусость придал студентам сил. Молодчики Доджа успели нанести несколько ударов, но потом их обошли со всех сторон и принялись колошматить.

– Бей подлецов, братцы! Получайте, негодяи!

Дама из числа преподавателей завизжала:

– Прекратите, нельзя же так!

Ответила продавщица булок:

– Так и надо! Чтоб неповадно было!

Молодчиков разукрасили по первому классу. Наставили столько синяков, что мать родная не узнает, потом опрокинули на пол и добавили ногами по ребрам. Пора было окончить бой и удалить врага из кабинета.

– Братцы, окно... – как бы невзначай сказал привратник.

– Э, нет, нельзя! Скоты безрогие!.. – завопил Додж.

Его раскачали за руки и ноги и вышвырнули в проем. Потом остальных, одного за другим. Молодчики образовали стенающую кучу под окном лаборатории. Студенты издали триумфальный клич:

– Так их! Во славу науке!

Но полковник Бэкфилд еще оставался в кабинете. Все время драки он простоял в углу, отгородившись шпагой. К нему не приближались, но и он не смел прорываться с боем. Теперь студенты и преподаватели окружили его стеной. Стало тихо.

– Вашу шпагу, полковник, – произнес старший из профессоров.

– Я требую прохода.

- Сдайте оружие и идите.
- Именем Короны приказываю расступиться!
- Вы не можете приказывать. Университет не подчиняется никому, кроме ее величества.

Шпагу!

Бэкфилд угрожающе поднял острие, но никто даже не пошевелился. Десятки свирепых взглядов сверлили его. Бэкфилд выдержал с полминуты. Пожалуй, это долгое время в такой ситуации. Потом он дрогнул и швырнул шпагу на пол. Один из студентов положил ее наискось и ударом ноги сломал, а рукоять швырнул в окно. Люди расступились, Бэкфилд прошел между ними, втянув голову в плечи.

Еще долго студенты гомонили, праздную победу. Поздравляли друг друга, соболезновали Николасу, высмеивали поверженных врагов, обдумывали коллективное письмо владычице. Элис никак не проявила себя в драке, но все равно стала героиней и была осыпана комплиментами, а кто-то даже признался ей в любви. Затем студенты водрузили обломок шпаги на стену в качестве символа победы, спели бравый гимн факультета физики, и лишь тогда были разогнаны по аудиториям. Элис тоже ушла, поскольку начиналась лекция по ее любимейшему предмету – философии мироздания. Она поклялась, что после занятий вернется наводить порядок.

В оскверненной лаборатории остался лишь Николас – и привратник. Бородач сказал:

- Да я, пожалуй, это... Пора мне. Дверь-то сама за собой не присмотрит.
- Пойдите...

Профессор хотел поблагодарить его, но запнулся о незнание имени. Обругал себя: какое высокомерие! Честный привратник уже несколько месяцев открывает дверь для Николаса, помогает с багажом – а ученый так и не удосужился познакомиться.

– Простите меня, бога ради. Как вас зовут?

– Эжен.

– Красивое имя.

– Это да. У меня еще прозвище есть, очень забавное... – Мужик хихикнул в усы. – Но оно не для ученых кругов. Зовите просто Эженом.

– Я вам очень благодарен, Эжен. Возьмите, пожалуйста.

Профессор дал ему банкноту из пачки.

– Ого!.. Ну, это... Мне неловко. Лучше не того, помельче бы...

– Прекратите спорить. Вы спасли мою научную работу, она для меня гораздо дороже этой бумажки.

Тут у привратника блеснули глаза.

– А позволите, ваша милость, задать вопрос? Может, оно дерзко, но больно уж любопытно.

– Спрашивайте, конечно.

– Что было в том украденном блокноте?

– Чертежи этого устройства, – профессор поднял саквояж.

– Ну да, это я догадался, но что за прибор-то?

Николас Олли колебался недолго. Вернул на место один из опрокинутых столов, собрал прибор и произвел показ – в третий раз за последние два дня. Эта демонстрация оказалась единственной, что доставила ему удовольствие.

От звуков голоса Эжен пришел в бесхитростный восторг.

– А можно снова поставить?.. А еще разок?.. Простите, ваша милость, а можно в самый последний?..

Голос Эжена был низким и размеренным, прибор воспроизводил его, почти не срываясь на визг.

– Это чудо, ваша милость. Взаправдешнее чудо. Я-то поколесил по свету, несколько чудес видал. Ваше – ничуть не хуже любого из них!

– Благодарю вас, – ответил Николас растрогано.

– Знаете, ваша милость, у меня дочурка в пансионе. То бишь, приемная дочурка. Вижу ее редко, скучаю... Как бы славно было, если б такие приборы появились везде. Я бы мог записать ей пару слов и отправить. А в ответ она мне своим голоском...

Эжен шмыгнул носом:

– Пойду лучше, пока совсем не расквасился. Дверь-то открыта, заходи кто хочешь...

И, шагнув в коридор, он чуть не налетел на женщину. Белая сутана и медальон в виде пера не оставляли сомнений: факультет посетила монахиня Светлой Агаты, причем не самого низкого ранга. Правда, она держала на сгибе локтя мокрую шубу, что портило величественный вид.

– Профессор Николас Олли?.. – уточнила монашка.

– Да, святая мать.

– Ради всех богов, что здесь произошло?

Она испуганным взглядом обшарила лабораторию. Профессор развел руками:

– Пути науки извилисты и полны угроз.

– Какой-то эксперимент прошел неудачно?..

– Смотря что считать экспериментом. Если ставить целью познание человеческих душ, то опыт был весьма информативен.

– Надеюсь, вы не пострадали?

– Моя вера в людей была жестоко изувечена, но тут же исцелена... Святая мать, чем могу служить?

– Я аббатиса Изабелла, пришла к вам по поручению высшей матери Алисии. Ее светлость заинтересовалась вашим изобретением и просит произвести показ для представителей Церкви.

– Завтра утром, я полагаю? Или прямо сегодня вечером?

– Это было бы вполне...

И тут профессор Олли испытал сильное желание отказать ей. Нужно было именно так поступить позавчера, и вчера тоже – отказать. Адриана, Мориса с дочкой, всех вельмож – отложить на май. Пускай сидят и ждут момента, когда прибор будет окончен!

– Из наблюдаемой вами картины, святая мать, легко сделать вывод, что я занят. Для начала мне нужно повторить первое деяние богов и сотворить из хаоса порядок. Убрать разгром и провести несколько дней в полной тишине, чтобы вернуть минимальный контроль над собственными мыслями. Затем наверстать долги по лекциям, коих накопилось четырнадцать часов. Потом перечитать свои бумаги и хотя бы отдаленно вспомнить, чем я занимался. Только после этого – если больше ничего не приключится – я смогу что-нибудь кому-нибудь показать.

Аббатиса подняла руки жестом смирения:

– Конечно, профессор. Я не хотела торопить. Назначьте удобную вам дату...

– А также, изволите видеть, наш факультет наилучшим образом подходит для демонстрации. Кто желает увидеть мой прибор, пускай приедет сюда в назначенное мною время.

– Да, профессор, именно так и предполагалось. Мы не желаем вас обременить...

– Вы ничуть меня не обремените, если приедете на показ. В то время, которое я сообщу позже.

– Благодарю вас. Пришлите записку в здание капитула для аббатисы Изабеллы. Буду ждать.

Монашка удалилась, Эжен поглядел вслед и улыбнулся в усы:

– Ух вы ее!

Взмахом кулака он показал, как именно «ух».

– Слишком жестко?.. – смутился профессор.

– Да не, в самый раз. Я пойду, ваша милость. А то дверь же, заходят всякие...

* * *

Есть сословие, коему по роду службы полагается питать надежду. Конечно, речь о духовенстве. В виду близости его к богам предполагается, что последние сами разрешат все проблемы, стоящие перед служителями. Более того, если священник слишком погружен в мирские дела, слишком деловит или практичен – это почитается простым человеком за порок. Какой он божий слуга, коли так суетится? Хороший церковник спокоен и безмятежен, а его дела решаются сами собой.

Но так может думать лишь тот, кто мало знаком с духовенством. А посвященный человек знает, как много проблем встало перед обеими Церквями в начале сего года. И боги, увы, даже не подумали чем-нибудь помочь своим слугам. Наоборот: именно боги-то и вызвали те беды, разгрести которые пришлось смертным.

Для начала, обе ветви Церкви лишились головы. Архиматерь Элина выжила из ума, ее правая рука Корделия была убита Гной-гантой, а патриарх Галлард погиб буквально через неделю. Ситуация осложнилась тем, что оба расстались с жизнью, сражаясь за противоположные цели. Корделия билась против Гной-ганты, Галлард дружил с ним и величал Праотцом. Какой из этого вывод? Боги все-таки за Ориджинов или за Кукловода? Паства желала знать, священники не имели однозначного ответа.

Затем стало хуже. Епископ Амессин, предводитель Боевого братства, повел монахов на Первую Зиму и лично благословил стрелков с Перстами. То есть, нарушил табу Праотца Вильгельма и попытался переписать святой закон. Монахи были разбиты, большинство ханидов погибло, что напоминало праведное возмездие. Другие епископы ветви Праотцов, по горло сытые доминированием вильгельминцев, обвинили Амессина в ереси. Но тот справедливо заметил, что на стороне Ориджинов также бились два носителя Перстов, один из коих, ни много ни мало, – Северная Принцесса. Сам-то Амессин Перста в руки не брал, так что выходил он более святым, нежели Ориджины. А доблесть и отвагу вильгельминцев признали даже северяне... Ну, и как тут разберешься – на чьей же стороне божья истина?

Еще был некий малоизвестный юнец, который дерзко называл себя богом – и ряд уважаемых людей почему-то ему верили. Затем, Гной-ганта – не то дух степи, не то чудище из шаванских легенд. И, конечно, Избранный – этот белолицый тип, который слетал на Звезду, поболтал с Ульяной и вернулся живехоньким. По общему итогу, возникло штук пять версий того, чья правда правдивее, и кто кому отныне должен поклоняться. Каждая из ветвей Церкви распалась на фракции, между которыми вспыхнули конфликты и политического, и религиозного свойства.

Вильгельминцы Амессина и примкнувшие к ним ордена упорно стояли за святость Галларда и Пауля. Их позицию пошатнула бесславная гибель обоих святых, но Амессин отстреливался выпадами в адрес порочной Ионы и прославлял мученичество Галларда.

Максимианцы и эвриановцы во главе со Вторым из Пяти нарекли богом этого странного паренька, а святым делом объявили то, чем занят Адриан. Им сильно вредило логическое противоречие: ведь Нави помогал не Адриану, а Минерве, Адриан же преследовал их обоих.

Могучий культ Павшей, распространенный на северо-западе, обожествил и Пауля, и Нави: дескать, они оба – павшие боги. Некоторые закятники даже молились на Рихарда Ориджина – а что, он тоже был великим перстоносцем, павшим в бою.

А вот шаваны живо отреклись от Гной-ганты: раз погиб, то не так был велик, как казалось. Они могли бы сплотиться вокруг Избранного, но тот пропал без следа, и шаваны рассыпались в бесчисленные стаи. Самая крупная примкнула к ганте Корту, который нарек себя –

ни много, ни мало – воином Праматери Елены. Дескать, она долго жила с Духами Степи и дала обильное потомство, и все великие шаваны – Пауль, Моран, ганта Корт – происходят от нее.

Праматеринский капитул казался островком порядка в этом бурном океане. Монахини тоже путались в понимании событий, но, по крайней мере, они сделали верную ставку. Корделия сражалась на стороне Ориджина, а Эллина благоволила к нему – бывало, гладила по голове и называла Мурчиком. И Ориджин достиг триумфа – разумеется, как раз потому, что Праматери ему помогали. Верховные монашки наслаждались своею правотой ровно два месяца: от Сошествия до второго февраля. Стояла холодная ночь, служанка в покоях архиматери сильно вкрутила отопление. И дряхлая старушка Эллина не вынесла духоты. Дернулась во сне, перекадилась на бок, обняла маленькую подушечку, сказала ясно:

– Ну, здравствуй, котик... – и улетела на Звезду.

Верховные матери четыре дня истово молились за ее упокой. Но когда крышка саркофага закрылась над Эллиной, капитул погряз в склоках. Следовало избрать новую архиматерь, а как ее изберешь? Очевидно, что новая владычица Церкви должна стать знаменем святой истины... Но что теперь, тьма сожри, святая истина?! Вариантов истин насчиталось четырнадцать штук – на одну меньше, чем живых верховных матерей, и то лишь потому, что мать Орланду свалила легочная хворь.

А Праотеческая ветвь тем временем переживала такой же кризис, еще и отягченный поражением в войне. Святая Церковь стремительно тонула в хаосе, ее авторитет погибал.

«Боги не сделают за нас работу. Нам нужен герой», – говорил персонаж одной древней легенды. Это была именно та ситуация. И, о счастье, герой явился!

Герой был мудр, благороден, властен и не чужд обаятельной самоиронии. Мы могли бы прямо сейчас поведать о том, как он за месяц решил большинство проблем обеих Церквей. Но излишек монотонного текста утомит читателя. Лучше сперва полюбуемся героем в действии.

Он вошел в демонстрационный зал факультета физики последним, пропустив вперед себя всех: и мать Орланду в пурпуре и золоте, и мать Алисию в белизне с серебром, и грозного Амессина, и по-южному надменного Второго из Пяти, и даже всех помощников. Машина звукозаписи уже была готова к показу, но профессор Олли оробел от такого числа важных персон. Герой тепло поприветствовал его, дал высокую оценку оранжевому сюртуку ученого и сделал комплимент Элис, найдя в ней утонченность Праматери Эмилии. Элис залилась румянцем, Олли растерял слова. Герой сказал:

– Согласен, нас много, но не робейте. Вам же случалось читать лекции толпе недоучек.

Все улыбнулись от этой шутки, кроме Амессина, который зло поджал губы. Профессор вернул дар речи и рассказал о машине. Затем спросил, можно ли начать показ. Важные персоны переглянулись, и почему-то никто не дал ответа. Герой развел руками:

– Уж простите, профессор: мы понятия не имеем, кто из нас главный. Не ждите позволения, а просто начинайте, когда вам удобно.

Элис приступила к делу, но от смущения выронила цилиндр, и тот укатился к ногам матери Орланды. Святая мать не пожелала нагнуться, считая это ниже своего достоинства. Ее помощница боялась цилиндра, как и всей искровой машинерии. А Элис не посмела подойти и взять – ведь цилиндр лежал у самой ноги, считай, под краем сутаны.

Герой будто не заметил затруднения – просто нагнулся и подал цилиндр студентке:

– Прошу, милая барышня.

Элис сочла нужным сказать:

– Я правда умею, клянусь вам!

– Никто не сомневается, – герой подарил ей улыбку.

Она успешно запустила устройство и предложила всем сказать по фразе. Каждый из священников выбрал строку из писания. Орланда процитировала Глорию – о ценности живого

слова. Второй из Пяти вспомнил строки Эвриана про тернистый путь науки. Алисия сделала выпад против Амессина, отчеканив Вильгельминское табу: «Да будет проклят тот, кто силу Перста обратит...» Епископ в долгу не остался, ответил строками Агаты: «Знающий неизбежно принимает решение, и ничья воля не властна над ним, если знание его достаточно».

Ну, а герой сказал:

– Знаете, у меня радость: внучок родился. Глазки узкие, он же наполовину шаван. Воин Вильгельма растет.

Это было сказано без выпада, с иронией над самим собою. Напряжение между Алисией и епископом разрядилось.

Студентка включила воспроизведение, предупредив, что возможны визги, и нужно беречь уши. Визги, действительно, имели место. Второй из Пяти спросил, откуда они берутся, и профессор дал пояснения. Герой сказал со своей стороны:

– Я думаю, боги намекают, кто же из нас более святой. Мать Алисия, мои поздравления: у вас визжало больше других.

Чопорным Амессину и Орланде его шутки не всегда приходились по душе. Однако даже они понимали, что делает герой: разгоняет тучи, создает такую обстановку, в которой невозможно устроить яростный спор о вере.

Были заданы вопросы и получены на них ответы, каждый зритель удовлетворил любопытство. По просьбе Второго из Пяти был сделан еще один показ. Несмотря на визги и хрипы, каждый священнослужитель похвалил устройство. Все признали талант профессора, а герой отметил также и талант студентки.

– Перейдем к самому приятному, – он потер ладони. – К вопросу о будущем применении прибора.

Напряжение первых минут развеялось настолько, что ученый сказал напрямик:

– Признаться, для меня этот вопрос самый неприятный. Уже два вельможи твердо намерились купить изобретение. Я бы не хотел спровоцировать конфликт.

– Думаю, эти вельможи – миряне? – Благодушно, но твердо сказал Амессин. – Их цель – производство и продажа прибора. Интересы святой Церкви стоят выше, чем доходы каких-то дельцов.

– Ваша светлость, как же мой прибор способен помочь Церкви?

И тут, что любопытно, епископ польстил своей противнице – Алисии.

– Мы уже обсуждали этот вопрос, и мать Алисия высказала мудрое суждение. Прошу ее повторить его.

Алисия помедлила, не уверенная, что стоит посвящать мирян в дела Церкви. Но епископ повторил просьбу, а герой сделал приглашающий жест, и священница заговорила:

– Мрачные события минувшего года и две тяжких утраты, понесенных Церковью, пошатнули порядок. Нам не хватает сплоченности, и прихожане теряются, слыша разные смыслы в речах проповедников. Необходимо как можно скорее дать людям единую правду, которая положит конец конфликтам. Но теологи еще не пришли к ее полному пониманию, потому мы решили начать хотя бы с одной незыблемой истины, вокруг которой сплотятся все.

Она слегка кивнула Амессину, как бы смягчая жесткость слов:

– Применение Перстов – страшный грех. Табу Вильгельма должно соблюдаться.

Епископ продолжил ее речь:

– Однако все мы признаем, что сложная обстановка от многих требовала трудных решений. Не всегда Персты применялись по злобе. Нередко к ним прибегали люди обманутые, либо отчаявшиеся, либо загнанные в тупик. Мы решили дать носителям Перстов шанс раскаяться. Кто придет к нам и падет на колени, и исполнит епитимью, которую мы назначим, – тот будет прощен и очищен перед богами. А за головы тех, кто не сделает этого, мы назначим щед-

рую награду. Каждый, кто запятнал себя грехом, так или иначе предстанет перед судом святой Церкви.

И вот теперь настал идеальный момент, чтобы описать один из подвигов героя.

Это случилось в Первой Зиме, как раз тем днем, когда Адриан рвал на себе волосы от досады, а Магда вела трудные переговоры со старшими ориджинскими волками. Герой тоже был приглашен на встречу, однако опоздал. Он рассудил, что в замке имеется один человек, больше прочих достойный внимания.

– Я желал бы увидеть леди Иону Ориджин, – сказал герой кайру Обри, охранявшему покой принцессы.

Лицо солдата выразило замешательство.

– Видимо, вы пришли с целью переговоров. Не смею отказать столь важному послу, но и впустить никак не могу.

– Вы ошибаетесь, кайр. Передайте леди Ионе: я пришел не как посол Шиммери, а как друг, который понимает, что с нею творится.

Обри скрылся в комнате, а парой минут позже впустил героя.

– Я останусь рядом, – сказал кайр принцессе и занял пост у двери.

Леди Иона подняла бледное лицо, взглянула на гостя красными заплаканными глазами.

– Ваше величество...

Король Франциск-Илиан сел подле нее.

– Миледи, вам трудно говорить, и я не требую ответа. Просто выслушайте. Знаю, что вы задаетесь одним вопросом: «Что же мы наделали?» Знаю потому, что сам задавался им. Вы – человек тысячи достоинств. Я понятия не имею, отчего боги проявили ко мне больше милосердия, чем к вам. Вероятно, они знали, что вы способны вынести все это, а я ломаюсь, если не получу поддержки. Так или иначе, боги мне помогли.

– Как?.. – пролепетала Иона.

– Они дали ответ. Заранее, еще девять лет назад, боги послали вещий сон, который был ответом на мучительный вопрос. Что же мы наделали? Предотвратили гибель мира. Наш мир был бы уничтожен, если б вы и я, и еще несколько человек не совершили определенных действий.

– Боги?.. – выдавила принцесса.

Пророк ответил иносказательно, поскольку не знал, насколько посвящен в тайну Обри.

– Да, боги. Не те, о которых мы много слышали в последние дни, а иные, высшие и подлиннее. Все мои сны сбылись. Последний из них сообщал даже о таких мелочах, как деревянная конструкция, к коей крепится ваше Орудие. Но полное значение снов я оценил лишь теперь. Они не только предостерегали об опасностях, они сделали больше: доказали существование... кое-кого.

Смысл начал достигать сознания принцессы. В глазах зажглись робкие искорки надежды.

– Они существуют?..

– Именно это я и говорю. Кто еще мог показать мне вещие сны? И кто сказал бы вашему брату точное время атаки?

Иона поморгала:

– А откуда вы знаете про это?

– Уже поговорил с ним. Подумал, лорда Эрвина тоже порадуют мои слова. И не ошибся.

– Ой... – Она изменилась в лице. – Я замкнулась, совсем забыла про него! И про Минерву тоже, мне так стыдно... Как справляется Эрвин?

– Ему легче, чем вам. Праматерь слишком часто говорила с ним, чтобы он в ней усомнился. А еще, его развлекает прелестная Магда гениальными идеями о политике империи Полари.

Иона выпалила не то в шутку, не то всерьез:

– О, боги! Эрвин в лапах врага. Я должна прийти на помощь!

– Дослушайте, миледи. Вам станет легче, когда тоже поверите в то, во что верю я и Эрвин. Однако личный демон останется с вами, и имя ему – вина. Вы убивали Перстом. Сомневаюсь, что вы скоро себя простите.

– Быть может, вы и тут дадите совет?

– Дам. Не примите за высокомерие, это всего лишь опыт – то богатство, которое я охотно выкинул бы в Бездонный Провал, если б мог. Опыт говорит, что вам нужно искупление. Исповедайтесь и примите епитимью. Чем строже она будет, тем легче станет на душе. Исповедником должен быть уважаемый вами человек, при этом абсолютно беспристрастный. Это, конечно, не ваш брат, и не я, и не кто-либо другой в Первой Зиме. Полагаю, на сто миль вокруг не найти человека, равнодушного к вам. Пошлите письмо в Фаунтерру, в капитул высших матерей.

Иона поднялась:

– Ваша правда. Именно это и нужно!

– Не сейчас, – отрезал пророк. – Сперва навестите владычицу – ей больше нужна помощь, чем вашему брату. Потом выпитесь и соберитесь с мыслями. А уж тогда...

Как показали дальнейший события, принцесса в точности исполнила совет.

Тем мрачным днем в Первой Зиме пророк еще не думал о реставрации Церкви и не искал политической выгоды. Как подлинный сын Юга, он просто хотел помочь красивой девушке, попавшей в беду. Соблюдая рыцарские правила, пришел и спас принцессу из башни. Именно поэтому, а не по какой-либо иной причине, мы зовем его героем.

Но покаянное письмо леди Ионы Ориджин, состоявшее из восьми страниц, благополучно достигло капитула и стало ключом к спасению Церкви. Оно подсказало духовенству идеальный способ вернуть авторитет. Наложить суровую епитимью на принцессу Севера, а от прочих стрелков тоже потребовать покаяния. Церковь восстановит моральный вес, обретет влияние на одних перстоносцев и уничтожит других. Каждый стрелок с первокровью в жилах склонится перед духовенством – либо погибнет. Вскоре вся Церковь объединилась вокруг этого плана. Не было среди высших отцов и матерей того, кого не радовала такая перспектива.

– Мы объявим всему миру нашу волю, – продолжал речь епископ Амессин, возвращая себе внимание читателя. – В полугодовой срок все перстоносцы должны принять епитимью. По истечении срока за головы нераскаявшихся будет назначена награда. Учитывая важнейший смысл сообщения, мы хотим, чтобы наш голос прозвучал на сей раз особенно мощно. Мы покупаем ваше изобретение, дабы с его помощью огласить свою волю.

Собственно, и без помощи устройства голос епископа звучал могуче. Профессор мог бы пошутить на сей счет, если б не был оглушен смыслом сказанного.

– Как – покупаете?.. Оно уже продано...

– Не имеет значения. Мы дадим большую цену. Только назовите.

За прошедшую неделю ученый с помощницей сосчитали все расходы и сложили себестоимость изобретения. Элис помножила ее на четыре: «Назовем это коэффициентом нашего таланта», – и записала результат на листке. Сейчас она поднесла и с поклоном отдала листок епископу. То было глупо: профессор не мог продать изобретение Церкви ни за эту цену, ни за любую другую. Двое обидчивых покупателей и так уже рвали его на куски.

Епископ мельком глянул в листок и попросил Элис:

– Передайте его матери Алисии. Я уступаю Церкви Праматерей право этого приобретения.

Алисия кивнула:

– Мы весьма признательны. Но не смеем отнять у вас эту честь, когда идея покаяния принадлежит монаху Церкви Праотцов. Сударыня, верните листок епископу.

Вмешался Второй из Пяти:

– С другой стороны, сама проблема Перстов исходит от Праотеческой Церкви. Будет правильно, если святые матери получают почести, связанные с ее решением. Право на покупку – ваше, мать Алисия.

Еще оставалась крохотная вероятность, что две Церкви так и не договорятся меж собою. Но нервы профессора дрогнули:

– Глубочайше прошу простить, но я никому не смогу продать чертежи. Во-первых, они уже проданы, а во-вторых – украдены.

– Мелочь, недостойная нашего внимания, – отрезал Амессин. – Обратитесь к шерифу, пусть разыщет.

– Уже обратился. Бургомистр Адриан запретил шерифу искать чертежи и послал на дело агентов протекции.

– Значит, пускай ищут они.

– Протекция обвинила меня самого!

– Так это вы украли?

– Нет, тьма сожри! – в отчаянье вскричал ученый.

– Не смейте призывать тьму! – отчеканила мать Орланда. – Избавьте нас от мирских сует.

Неважно, кто украл чертежи. Вы составили их, верно?

– Да, святая мать.

– Так восстановите и передайте нам.

– Это займет много времени.

– Молитва поможет вам трудиться быстрее.

– Другие покупатели придут в ярость!

– Они нас не заботят, – рубанул Амессин. – Даже Иона Ориджин, хозяйка Перста и принцесса Севера, склонила пред нами колени! Мы не станем считаться с каким-то бургомистром!

От волнения у профессора задрожали руки. Епископ скорчил насмешливую гримасу:

– Не тряситесь вы так. Если боитесь Адриана, мы обеспечим защиту. Дюжина монахов Боевого братства будет вас охранять. Денно и ночью, дома и в университете.

– Нет, помилуйте!.. – В порыве отчаянья Олли схватился за последнюю соломинку. – Зачем вам мое устройство? Во всех городах и весях есть ваши проповедники! Просто прикажите – они всюду объявят, что нужно!

Священники переглянулись, полные презрения к упрямству ученого. Король Франциск-Илиан попробовал вступиться, но мать Орланда перебила:

– Я скажу. Коль господин профессор желает знать, мы удовлетворим любопытство. К несчастью, в прошлом году имела место печальная разобщенность в церковных кругах. Священники разных орденов излагали разные теории, что подорвало доверие прихожан. Они больше не уверены, что слова местного проповедника отражают мнение капитула. Именно потому так важно записать наше обращение на устройство. Во всех храмах Полариса оно повторится слово в слово, устранив любую тень разобщенности. Церковь заговорит единым голосом.

– Теперь вы видите, – добавила мать Алисия, – сколь глубокое доверие мы вам оказали. Отныне вы посвящены во внутренние дела капитула. Не подведите нас. Мы ждем устройство.

– Но оно очень дорогое... – безнадежно пролепетал Олли.

– Деньги не имеют значения! – припечатал Амессин.

Затем священники покинули демонстрационный зал.

Профессор закрыл лицо ладонями. Он был загнан в тупик. Раньше ему грозила только месть феодалов, теперь сами боги занесли свой меч. Ответственность была чудовищной: машина должна сплотить Церковь и призвать к покаянию перстоносцев. А если этого не произойдет, что тогда?.. Страшно даже представить последствия!

– Зато они приняли нашу цену, – попыталась подбодрить его Элис. – Это даже больше, чем обещал Лабелин. А кроме того, мы получим почетный караул из монахов! Разве не круто?

– Вы что, не понимаете?.. – тихо выдавил Олли. – Я не смогу.

– Что не сможете, наставник?

– Воссоздать изобретение.

– То есть как?..

– Моя жизнь превратилась в кошмар. Все мысли заняты поиском спасения. Я уже не способен думать о науке. Вчера попробовал пересчитать первую ступень – и запутался в расчетах.

Элис сникла.

– Ну, я тоже могу... Я постараюсь...

Она сама знала, как жалко звучит. Вероятно, Элис сможет повторить работу профессора, но у нее это займет больше года. Церковники и лорды разорвут их на части.

– Вижу лишь один выход, – сказал профессор. – Уеду в Первую Зиму и попрошу убежища у ее величества. Только там я смогу закончить работу.

Студентка обмерла. Наставник озвучил худший из ее страхов.

Элис давно знала: всем другим кандидатам на трон Николас Олли предпочитает Минерву. Она умна, она любит науку и не мешает ученым работать, она отменно играет в стратегии. Когда-то Олли даже выстраивал на своей доске знаменитую партию Минервы против Адриана... А еще был случай, когда Олли попросил Элис узнать стоимость проезда до Первой Зимы. Тогда она испугалась. Элис не сможет поехать с ним – у нее же занятия. Молодой профессор – ему и сорока-то не исполнилось – обязательно найдет в Первой Зиме другую помощницу. И уж ей точно хватит смелости позвать его в кафе и в театр!

В тот раз тревога оказалась ложной. Олли не думал взаправду ехать на Север, спросил о цене так, из любопытства. Он сказал тогда: «Ну, что я забыл на Севере? Здесь факультет, коллеги, оборудование. Здесь удобно работать, а не там».

И теперь Элис повторила его слова:

– Зачем вам в Первую Зиму? Здесь факультет, коллеги, оборудование... я. Вам здесь удобней работать, а не там, у Минервы!

– Работать здесь? – он издал болезненный смех. – Меня довели до края, милая Элис. Голова забита хламом, никаких мыслей о науке. Я могу поменяться местами с привратником, и то больше толку выйдет.

– Но вам не нужно ехать, все наладится! Монахи нас защитят!

– Как я смогу работать, когда истуканы в рясах будут пялиться через плечо? Север спасет меня, только Север! Минерва – единственная, кто умел не мешать мне.

У Элис перехватило дыхание.

– Оставайтесь, пожалуйста... Хотя бы взгляните на подарок...

– Подарок?

– Я вам купила... В верхнем правом ящике лежит.

– По какому поводу?

До чего же он непонятлив, святые боги!

– Я не знаю, по какому поводу. Я не придумала. Хочу, чтоб вы не уезжали, – вот по какому!

– Нерациональное желание. Для науки гораздо лучше, чтобы я уехал.

– А для вас лучше остаться! И для меня тоже. Я только затем и сделала все это, чтоб вы не уехали в Первую Зиму!

Профессор посмотрел ей в глаза:

– Сделала – что?

Но Элис не успела ответить. Внушительный кашель раздался от входа.

– Кха-кха. Простите меня, господа. Я вернулся сказать кое-что, но теперь вижу, что пришел не вовремя.

– Нет, нет, ваше величество пришли в идеальный миг! – воскликнула Элис. Явление короля помогло ей замаять оплошность.

– Благодарю, юная леди, – южанин приложил руку к груди. – Позвольте мне принести извинения за жесткость моих спутников. Мать Алисия и мать Орланда, и Второй из Пяти – вовсе не бездушные чурбаны, какими кажутся. Просто многие беды двух Церквей сделали их нервными и склонными к гневу. Не принимайте к сердцу их угрозы.

– Мы и не думали, – ответила Элис. Отъезд Николаса – вот что она приняла близко к сердцу. А церковные дела почти ее не волновали.

– Касательно вашего изобретения, тоже не тревожьтесь. Его куплю я.

– Вы?..

Король склонил голову:

– Да, я.

Профессор Николас Олли разразился истерическим смехом.

– Вы тоже купите?.. А ваши друзья, а дети, а внуки?.. А степные шаваны?.. А мартышки из Литленда, жабы Дарквотера?.. Есть ли в мире хоть кто-нибудь, кто даст мне покой?!

– Извините его, ваше величество, он на нервах, – прошептала Элис, краснея.

– Понимаю, – благодушно кивнул король. – Излишек спроса так же изматывает, как и недостаток. Надеюсь, я смогу избавить вас от этой проблемы. Начну с епископа Амессина. Говоря, что цена его не волнует, он имел в виду простой факт: платить он не собирается. Ни у епископа, ни у матери Алисии, ни у кого из высших чинов Церкви нет достаточно денег.

– Церковь бедна?! – поразилась Элис.

– Именно так, милая леди. В прошлом году Церковь Праотцов понесла огромные затраты на военный поход, а ветвь Праматерей руками Корделии выдала ссуду императрице на чудовищную сумму. Кроме того, обе Церкви лишились лидеров, потому центральная казна обеих ветвей недоступна к использованию. Алисия, Орланда, Амессин и прочие располагают только небольшими средствами своих орденов.

– Как же они собирались купить устройство?

– За мои деньги. Именно это имел в виду епископ.

– То есть, он требует у вашего величества кучу монет? Но это же вымогательство! Вы можете отказать!

Король улыбнулся:

– О, нет, я соглашусь. Приятно знать, что мои деньги попадут в руки прекрасным и талантливым людям.

И ученый, и студентка смутились, а южанин добавил:

– Кроме того, моя посильная помощь матери-Церкви позволит мне поучаствовать в выборах.

– В каких, ваше величество?

– Боюсь показаться нескромным... я претендую на мантию приарха.

Профессор хлопнул глазами, у Элис отвисла челюсть.

– Простите, ваше величество, а так можно?..

– Ну, отчасти это против правил. Мой духовный сан очень низок: я всего лишь рядовой монах. С другой стороны, весь мир знает меня как пророка, я сумел помирить Праотеческую ветвь с Праматеринской, я же подал идею покаяния для стрелков. Что особенно важно, за все время войны я не сказал ни одной глупости с кафедры собора. Редкий церковник может похвастать таким достижением. Полагаю, шансы быть избранным у меня есть.

– Ваше преосвященство, мои поздравления!

Элис исполнила реверанс, южанин покачал головой:

– Благодарю вас, но пока что не преосвященство, а всего лишь величество.

Уверенные речи короля слегка успокоили ученого, но тут вспомнилось прежнее горе.

– Хорошо, что проблема епископа снята. Но как быть с Адрианом и герцогом Лабелином? Каждый из них придет в ярость, если я продам изобретение вашему величеству.

– Приятно, что вы спросили об этом. Как раз имею наготове ответ. Побеседовав с Адрианом и герцогом, я убедился, что их планы исходят из ложных предпосылок. Вы же знаете, сколь важно строить вычисления на фундаменте верных аксиом. Адриан жаждет получить устройство как можно скорее, чтобы созвать в Фаунтерру простой люд, который окажет ему поддержку. Лабелины же боятся этого, думая, что в таком случае лорды Палаты пойдут за помощью к Эрвину Ориджину. Так вот, оба тезиса станут неверны, если в выборах императора примет участие еще один кандидат. Видите ли, есть человек, которого народ уважает не меньше, чем Адриана. И к этому человеку лорды Палаты обратятся за помощью столь же охотно, как к герцогу Эрвину.

Король выдержал паузу, ожидая догадок. Элис додумалась первой:

– Ваше величество?..

– Правильно. Этот человек – я.

– Вы будете избираться на владыку?!

– Отчего бы и нет? Я обратил внимание, что три других кандидата молоды. Я совершенно не против юных парней, а тем более – барышень, однако люблю, когда есть альтернатива. Пускай молодежь не расслабляется.

– Но вы же... вы претендуете на приарха?

– Именно так.

– И на владыку тоже?!

– Хотя бы одни из двух выборов я точно выиграю. Правда, скверно выйдет, если оба сразу. Сложно будет совмещать два таких хлопотных дела.

– Bravo! – воскликнула Элис. – Жаль, что я не лорд Палаты. Я бы точно голосовала за вас!

– Премного благодарствую, милая леди. Профессор, надеюсь, теперь ваши трудности развеяны? Возвращайтесь к работе и ни о чем не тревожьтесь. Завтра я объявлю о своей кандидатуре, и, поверьте, герцог с бургомистром сразу забудут о вас.

Король показал ученому листок с ценою и пожал ему руку, скрепив сделку.

* * *

Весьма эффектно смотрится такой поворот повествования: казалось бы, враги повержены, воцарились мир и любовь – как тут на голову падает новая беда и обращает счастье в пыль. В виду драматизма, данный ход применяется часто, и мы были бы рады избежать его. Но увы, факт – вещь упрямая, против него не попрешь. А факт состоит в том, что Николас Олли не забыл горячих слов студентки: «Я это сделала, чтобы вы не уезжали!»

Когда все проблемы решились по мановению руки короля, и Элис готова была плясать от радости, профессор убил ее на месте вопросом:

– Так это вы украли блокнот?

– Я?..

– Вы, Элис. Кто же еще.

Она замахала руками:

– Нет же, нет, вы не так поняли! Я дала статью в «Вестник», чтобы вы не уезжали. Хотела найти меценатов здесь, в Фаунтерре. Деньги кончились, я испугалась, что вы обратитесь к Минерве... Но блокнота я не брала!

– Все улики сходятся, – сухо возразил ученый. – Вы понимали: окончив работу, я могу продать ее Минерве. Тогда владычица пригласит меня на Север, а этого вы допустить не могли.

И вы похитили блокнот, чтобы задержать меня здесь. Бэкфилд верно сказал: кражу совершил свой человек. Вы отперли замок ключом, но поцарапали скважину своею шпилькой, чтобы изобразить взлом. Правда, настоящие отмычки не оставляют царапин, вы этого не знали. Зато вы точно знали, где лежит блокнот. Вор не рылся в моих вещах – я бы заметил беспорядок. Вор сразу открыл нужный ящик. Кто еще мог знать его, кроме вас?

Элис задыхнулась, глаза наполнились слезами.

– Вы не можете... Это не правда... Я же все для вас!..

– Вы меня безмерно разочаровали. Я верил, что любовь к науке для вас важнее женских хитростей... – Профессор тяжело вздохнул. – Верните блокнот или оставьте себе, значения не имеет. Старая схема плоха, я создам новую. Без вашей помощи.

– Я... – Элис всхлипнула. – Я... Я пойду на лекцию!

Она убежала, обливаясь слезами.

Николас Олли сам разобрал устройство и вернулся в лабораторию. Следы разгрома уже были устранены, повсеместный порядок радовал глаз. Профессор вспомнил, что Элис говорила о подарке, оставленном в секретере. Сперва не хотел смотреть – неприятно было думать про эту девицу. Затем сообразил, какой подарок она имела в виду. Простая логика. Элис украла чертежи, чтобы удержать профессора. Но кража запустила события, которые сделали его жизнь в Фаунтерре невыносимой. Значит, она должна вернуть чертежи – дабы вернуть положение к исходному.

Профессор открыл верхний правый ящик и не удивился, увидев синий блокнот на сорок восемь страниц. Эх. Элис была хорошей помощницей. Очень жаль, что так обернулось...

Олли взял злосчастный блокнот и замешкался – открывать ли его? Не лучше ли сразу начать с чистого листа? В этих чертежах полно ошибок, а еще там наверняка будет сопливая писулька от Элис: мол, простите, учитель, я плохого не хотела, только ради вас... Фу.

Он отложил синий блокнот, и тут заметил: в верхнем правом ящике появилась еще одна вещь – пара билетов в театр. Мистерия «Каррог и Лиола», новое прочтение. Олли бережно взял билеты. Год назад состоялась премьера, и он страстно хотел на нее попасть. Но тогда театр посетила Минерва, и все места в партере разобрали придворные, а ложи и так были выкуплены на целый сезон. Все, что досталось профессору, – это страничка из «Голоса Короны» с описанием пьесы.

Ирония, тьма сожри: его лабораторию разгромили из-за ложной улики. Верно, Николас Олли уважал владычицу за ум и интерес к науке, но хранил ее портрет вовсе не от теплых чувств. На обороте той страницы из «Голоса» была напечатана отменная рецензия на пьесу.

Николас Олли был заядлым театралом. Наука давала пищу его уму, но душа тоже требовала питания – чувств и эмоций. Профессор утолял этот голод с помощью искусства. Каким же кретином был полковник Бэкфилд! Если б он внимательно прочел все бумаги из нижнего ящика! Там хранились рецензии, репертуары, памятные билеты, программки, приглашения на те балы, где давались театрализованные номера... Но служивый идиот сразу выхватил портрет Минервы и усмотрел в нем крамолу. А Николас Олли рода Софыи Величавой был слишком горд, чтобы оправдываться перед дураком.

О проезде в Первую Зиму профессор также узнавал из-за театра. Вышла новость, что старшая леди Ориджин готовит феерическую пьесу по мотивам путешествия за край земли. Это было так заманчиво, что профессор замечтался: не взять ли отпуск на пару месяцев, увидеть своими глазами революцию в искусстве... Но цена проезда сокрушила мечты. В то время он уже питался одной кашей, а Элис – стаченным у соседок сыром. Эх, Элис...

Любопытно, – подумал профессор, – откуда взялись билеты на «Каррога и Лиолу»? Элис упоминала лишь один подарок – блокнот. Значит, билеты подкинул кто-то другой? Или все-таки она – в надежде вымолить прощение за кражу блокнота? Весьма наивно. Нельзя простить удар в спину. Что она только думала?

Видимо, придется-таки открыть синий блокнот. В нем будет записка от Элис и хоть какое-то пояснение. Профессор брезгливо раскрыл чертежи и на первой странице, возле общей схемы, обнаружил записку. Разумеется, она начиналась словами: «Простите меня, ваша милость...»

Но дальше шло нечто неожиданное.

Глаза профессора полезли на лоб. Он зажег свет, сел прямо под лампой и перечитал внимательно, чтоб ничего не упустить.

«Простите меня, ваша милость, я сильно напортачил. Ошибся, стало быть. Думал, вы – такой же надменный тип, как все софиевцы. К вам на кривой козе не подъедешь, какие там вопросы. Еще думал, что разберусь в синей тетрадке. Видите, я ж грамотный, не то, что сторож. Эх, переоценил я свои силы. Схемки красивые, а что в них – черт поймет. Но сильно хотелось узнать, я и отважился спросить напрямую. Тут всплыла моя вторая ошибка: вы оказались хорошим человеком. Толком объяснили, показали, я все уразумел и с госпожой поделился. Тетрадку за ненадобностью возвращаю и сильно прошу простить, что шороху навел. А госпожа передала вам пожелания удачи. Сказала: работайте, не волнуйтесь, если машинка попадет к Адриану, то госпожа не против. Еще просила вас зайти в банк Конто и получить от нее приветик денежного свойства. А эту записку вы сожгите – мало ли, кто еще с обыском явится. Эжен».

Спустя полчаса студенты физического факультета смогли наблюдать невероятную картину. Профессор Николас Олли, прославленный нелюдимостью затворник, коего силком не затащишь в учебное крыло, нынче по собственной воле посетил лекционную аудиторию. И не одну, а все подряд! Врывался в первую, вторую, третью, четвертую – и везде спрашивал:

– Виноват, что читают? Для какого курса? Элис Кавендиш здесь? Элис, Эли-иис!

Фантазия вторая: Давайте его поймаем

Часть 1

Июль 1776 г. от Сошествия

Стояла жара, непривычная для Первой Зимы. Леди Иона София Джессика ворочалась без сна в душевной комнате. Леди Иона ненавидела зной. Стояла жара, когда Джоакин Ив Ханна расстрелял ее солдат. По жаре ее возили в клетке и предъявляли кайрам в обмен на провиант. Зной стоял и в тот день, когда ее впервые избили, и в тот, когда она проводила лучшую подругу на смерть. Иона искала в памяти что-нибудь хорошее, связанное с жарким летом. О чем должна думать девушка в такие дни? О красивых парнях, о любовных уладах?.. Ничто приятное не шло на ум. Жара – это время, когда трупы гниют быстрее...

Проливной дождь мог бы примирить ее с июлем. Эрвин когда-то обещал ей прогулку под ливнем... Но осадками даже не пахло. Озеро Первой Зимы мелело на глазах. Казалось, еще неделя – и оно высохнет до дна, обнажив сотни старых скелетов.

Иона сказала себе: «Все окончилось. Мы победили, смерть ушла, костей больше не будет. Лето – хорошее время. Завтра я заставлю себя выйти на пляж». Она отшвырнула липкую простыню и поднялась, чтобы открыть окно, впустить в комнату глоток воздуха. Но окно и так было открыто, а рядом с ним стоял человек.

Еще миг назад его не было. Он возник в течение одного вдоха – белолицый, одетый в серебряную ткань. Он раскрыл объятия и произнес:

– Здравствуй, душенька. Ты скучала по мне?

Ужас прошиб ее ледяной искрой. Но перед тем Иона начала действовать.

В пансионе Елены строго запрещалось хранить оружие. Именно тогда она и привыкла прятать в комнате орудия убийства. Иона выдернула из-под подушки искровый стилет, сорвала ножны, прыгнула за кровать, отгородившись ею от мужа.

– Я тоже тебе рад, – усмехнулся граф Виттор Шейланд и сделал шаг.

Иона сунула руку под кровать, выхватила из крепления арбалет с болтами. Муж пошел к ней, и она шарахнулась назад. Оттолкнулась пятками от пола, откатилась, уперлась в стену спиной. Выставила перед собой двойную защиту: стилет и самострел.

– Душенька моя, он же не заряжен...

Иона сжимала стилет в правой руке. Одной левой попыталась взвести арбалет. Пальцами ноги уперлась в дугу, голой рукой потянула тетиву. Боль пронзила ладонь, убив всякую надежду, что это сон.

– Порежешься, бедняжка, – посочувствовал муж. – Лучше раздевайся и идем в постельку. Жара – время утех...

Для Ионы жары больше не существовало. Холодный пот покрыл ее тело, руки тряслись от мороза. С тихим щелчком тетива встала в захват. Она бросила болт на ложе и выстрелила, почти не целясь. Острие вонзилось в стену, даже не оцарапав Кукловода.

– Дрянь ты, а не жена, – с обидою бросил он и растворился.

Иона судорожно глотнула воздуха и закричала с явным опозданием:

– Кайры, к оружию! Тревога! В замке враг!..

Спустя четверть часа гарнизон в полном составе был готов к бою. Поднялись мосты, заперлись ворота, захлопнулись ставни на окнах. Замок герцогов Ориджин оделся в броню и обнажил клинок. Даже императрица надела Перчатку Янмэй, хотя офицеры гвардии заперли ее в комнате и заявили, что выйдет она не раньше, чем последний из них умрет.

Однако Виттора Шейланда не нашли ни в замке, ни в окрестностях. Ни один перстосец или шаван, или закатник не показался даже в самом дальнем уголке долины. Чтобы убедиться в этом, понадобилось три часа. Иона сидела под защитой лучших иксов и куталась в перину. Ее бил озноб. Получив все донесения, герцог Эрвин пришел к сестре.

– Родная, все хорошо. Никого нет. Видимо, тебе приснилось.

– Я н-не сп-пала...

У нее стучали зубы, было слишком холодно. Эрвин обнял ее:

– Значит, померещилось. Мне тоже видится всякое. Пойми: если б даже Виттор вырвался, в последнюю очередь он пришел бы к нам. Он боится нас, как черт – святой спирали!

– Он – нас?.. – уточнила Иона, дрожа всем телом.

– Хочешь орджа?

Она согрелась, выпив половину фляги. И заявила, что отныне будет спать только в комнате Эрвина. Ни в каком другом месте она не сможет сомкнуть глаз и умрет от бессонницы спустя положенные трое суток. Герцог отметил, что самое защищенное место – это все же спальня владычицы.

– Я не хочу бояться при ней. А с тобой можно... Отнеси меня, пожалуйста.

Эрвин перенес ее на руках и уложил в постель.

На следующий день все занялись поиском объяснений. Очевидно, что таковые могло найтись только в Престольной Цитадели – том месте, где хранилось Чрево с замороженным злодеем. Минерва отправила официальный запрос наместнице в Фаунтерре и неофициальный – надежному человеку. Герцог Эрвин разослал ленты столичной агентуре, Дориан Эмбер – придворным подругам и друзьям. Все письма сводились к одному вопросу: не вырвался ли человек из хрустального гроба?

Но еще до того, как в Первую Зиму стали прилетать ответы, версию случившегося выдвинул кайр Обри. Он играл в прикуп с армейскими друзьями – Фитцджеральдом и Шрамом. Игра шла скучновато: недоставало четвертого. Шрам ностальгировал о том, как здорово было играть с герцогом: у него и деньги, и чувство юмора. Но герцог теперь занят с утра до ночи – к выборам готовится... Фитцджеральд предлагал позвать в игру капитана Шаттэрхенда: раздеть столичника до нитки – дело чести для северянина. Шрам возражал: какой еще Шаттэрхенд, тоже мне замена! Лучше, брат, сходи-ка к герцогу, спроси, вдруг сегодня он свободен... Фитцджеральд отвечал: как раз сегодня точно занят – они с Минервой будут обсуждать версии. Говорят, Минерву хлебом не корми, дай сочинить версию какого-нибудь преступления.

И тут Обри зловещим шепотом изрек:

– Это был призрак.

– Громче скажи, не шушкай.

– К леди Ионе явилось привидение!

Кайры взвесили, не пошутил ли приятель. Но нет, рожа была отнюдь не юморная, да и леди Иона считалась запретной темой для шуток.

– Чтобы стать призраком, надо сначала сдохнуть. А беломордый жив.

– Кто знает, жив ли? Чрево – дело темное. Может, тело хранится, а душа из него вылетела.

– Чушь какая-то. С чего ты взял?

Обри сказал с видом знатока:

– Когда Кукловод летает Абсолютом, то возникает с тихим хлопком, таким вот: пуфф. И прохладой веет, как из колодца. А тут он появился бесшумно, и холод не подул. Не Абсолют это был, а привидение.

– Почем ты знаешь, как он появился?

– Я – личный телохранитель леди Ионы. Я бдительно нес вахту у ее двери.

Шрам и Фитцджеральд заржали:

– Да ты дрых, а не бдил! Вахта – формальность! Для тебя там даже кресло стоит, с подушкой.

– Я сплю чутко, как кот. Если б раздался хлопок или повеяло прохладой, через миг я был бы в боевой стойке.

– А откуда знаешь, что должен быть хлопок? Шейланд никогда при тебе не появлялся.

Обри сделал торжественное лицо:

– Мы с леди Ионой сражались бок о бок в долине Первой Зимы. Шаваны сыпались на нас, словно град. Мой меч рубил так быстро, что я не видел собственной руки. А Кукловод появлялся ниоткуда, хохотал, словно демон, и кричал своим людям: «Уничтожьте их! Дайте мне их сердца!»

– Очнись, брат. Хайдер Лид сказал, что вас даже не заметили.

Обри выпятил подбородок:

– Тебя там не было!

Словом, в тот вечер Шрам с Фитцджеральдом посмеялись от души. А потом стали приходить ответы из Фаунтерры.

«Клянусь Софьей Величавой, белая морда остается там, где ей положено быть. Проверила лично». «В Цитадели не замечено тревожных сигналов. Часовые строго следуют уставу. Присутствуют надзиратели от обеих ветвей Церкви». «Моржи греются на пляже. Никакой деятельности сверх обычной». «Милый, если б знали Дельфины, то знала бы Булочка, а если она, то и я... Ты скоро вернешься? Я соскучилась».

В Первой Зиме отменили усиленную вахту. Осадное положение сменилось вольным, ворота и ставни открылись.

– Дорогая, похоже, тебе просто привиделось. Чего скрывать, с нами такое бывает, – сказал герцог сестре и бережно выдворил ее из своих покоев.

– Я тебе больше не нужна! – Иона с обидой хлопнула дверь.

Потом она сказала кайру Обри:

– Я действительно видела его. Хоть вы-то верите?

Он ответил:

– Так точно, миледи. Это был призрак.

* * *

Прошло несколько дней, и замок снова поднялся по тревоге. Капитан Харви Шаттэрхенд принес владычице отчет по отпускам. Минервы не было на месте, а документ носил формальный характер, и капитану предложили: «Положите на стол». Он вошел в ее кабинет – и миг спустя выбежал с воплем:

– Она мертва!! Владычицу убили!

Минерва сидела в своем кресле, почему-то одетая в пеньюар. Кровь из распоротого горла заливала грудь. Капитан мог бы оценить эстетику зрелища – если б не ужас и гнев.

– Мерзавцы, изменники! Не уберегли!..

Шаттэрхенд накинулся на часовых. Случилась драка, которая чудом не привела к смертоубийству. Подоспели вахтенные кайры, вмешались, разняли.

– Что произошло?

- Минерва погибла... Все кончено... – стонал Шаттэрхенд.
- Кайры зашли в кабинет – и не обнаружили ни трупа, ни пятен крови.
- Проспитесь, капитан. Никого там нет.
- Что вы сделали с телом?!

От буйных криков занялась тревога. На место событий прибыла Минерва – цела и невредима, в строгом платье. Шаттэрхенд не смел поверить глазам. Он схватил ее за руки и ощупывал намного дольше, чем позволяли устав и приличия.

- Уймись, капитан, я жива...

Событие получило разные трактовки. Кастелян Хайрок отчитал Шаттэрхенда:

- Еще раз по пьяни вспошите гарнизон – я вас выкину из замка.

Дориан Эмбер похвалил:

- Красивая работа, капитан. Дерзость к лицу мужчине.

Гвардеец безнадежно оправдывался:

- Клянусь Праматерью, я видел наяву!..

Кайр Обри позвал его сыграть в карты и сказал серьезно:

- Я верю, вы видели. Но не владычицу, а призрака.

Картежники рассмеялись:

- Обри, снова ты за свое!

А кайр Обри спросил у капитана:

- Во что была одета Минерва?

- Покойная или живая?

- Мертвая.

- В пеньюар...

- У нее есть такой?

– Не могу знать, я их величество в белье не наблюдал. Думаю, вряд ли. Владычица невинна, как ребенок, а та вещичка была очень... особого покроя.

- Вот, – поднял палец Обри, будто получил важное доказательство.

- Что – вот?

- Капитан не мог вообразить то, чего никогда не видел. Клянусь вам: это был призрак.

- Обри, ты очумел? Минерва – жива. Шейланд – жив. Какие привидения?!

- Вот увидите, – он приложил руку к сердцу.

Имперский секретариат находился в центре города, как и все здания министерств. Дориан Эмбер квартировался в доходном доме – снимал целый этаж, но не в центре, а ближе к Малому тупику. По меркам Фаунтерры, цены Первой Зимы были просто смешными. Баронет мог позволить себе жилье прямо напротив секретариата, но предпочел поселиться на тихой окраине. Причиной был стратегический расчет: Эмбер не хотел, чтобы придворные видели, кто и в какое время покидает его дом. Молва рисовала баронета коварным хищником, этаким тигром любовных джунглей. Но Эмбер скромно опускал глаза и клялся, что ведет жизнь затворника, день и ночь трудясь над бумагами, согласно воле императрицы. Однажды утром его легенда дала трещину. Художники и маляры, населявшие Малый тупик, проснулись от женского визга. Некая девица выбежала из дома баронета, одетая в плед, с охапкой вещей под мышкой. Эмбер распахнул окно, чтобы крикнуть ей вслед: «Постой же, туфли забыла!», – но девушка умчалась со скоростью и звуками объятых пламенем кота.

Разумеется, Эмбер отрицал происшествие. Конечно, никто ни в замке, ни при дворе не верил его отрицанию. Один кайр Обри кивнул с понимающим видом:

- Снова призрак.

Шрам покривился:

– Прости, брат, но твоя шутка протухла. Не смешно уже, придумай что-то новое.

– Я и не шучу.

– Тогда ответь за слова. Ставлю месячное жалование, что призрак не при чем. Муж этой бабы пришел к парадному входу, она и выбежала с черного.

– Ставка принята, – ответил Обри.

Загадкой осталось то, как он сумел разыскать девицу. Еще большая тайна – как развязал ей язык. Возможно, посулил что-то заманчивое – скажем, приглашение к герцогскому столу. Или впечатлил байками про тысячу шаванов, посланных за сердцами Обри и принцессы. Девушка решила, что на фоне такого вранья ее история звучит не слишком постыдно...

Ее звали Мередит, до войны она была студенткой третьего курса Елены-у-Озера, а теперь стала писарем в отделе анализа новостей имперского секретариата. Именно анализом новостей они и занимались с милордом первым секретарем. А дело-то серьезное: надо все тщательно проанализировать, рассмотреть под разными углами, вывести общие тенденции... Словом, засиделись до полуночи, и у Мередит от усталости слиплись глаза. Милорд проявил заботу, уложил ее в постель и укрыл пледом. Мередит проснулась, когда уже брезжил рассвет, и увидела рядом с собою человека. Он спал, укрывшись с головой. Очевидно, это был баронет – ведь больше-то никто там не жил! Мередит, конечно, возмутилась: «Милорд, что вы себе позволяете? Идите спать в гостиную, нет, даже на балкон!» – и гневно сдернула с него простыню.

Мередит не могла сказать, каким путем покинула дом Эмбера, как вернулась к себе и что кричала по дороге. Зато на всю жизнь запомнила одну картину: под простыней лежал человеческий скелет в гниющих остатках плоти.

– Вы – дворянка, сударыня? – спросил Обри.

– Рода Инессы.

– Дайте слово леди, что увидели скелет.

– Клянусь всеми Праматерями! Это был кошмар, я чуть не умерла от страха!

Бледный вид девушки не оставлял сомнений: она приняла событие очень близко к сердцу.

– Призрак, – припечатал Обри.

Шрам и Фитцджеральд переглянулись. Тут уж не спишешь ни на пьянство, ни на агатовские видения.

– Все это странно, – сказал Шрам. – Если даже верить в призраков (а я не верю), то по слухам они живут в замке и в озере. Малый тупик – далеко отсюда.

Фитцджеральд ответил:

– Да, странно. Но этот явился в виде мертвеца, как и должен. Быть может, на сей раз действительно призрак?..

Когда девушка ушла, Шрам сказал:

– Ее обманули. Это все – какой-то трюк. Баронет подстроил, чтоб от нее избавиться.

– И с леди Ионой подстроил? И с Шаттэрхендом? Ладно, скелет можно достать. А как он прикинулся Минервой?

– Не знаю, но это чушь коровья. Привидений не существует.

– Всем известно: в Первой Зиме есть призраки, – возразил Фитцджеральд.

– Ладно, может и есть, – проскрипел Шрам. – Но они так не поступают.

* * *

То лето в Первой Зиме выдалось очень жарким. Солнце палило так, будто перепутало Север с Югом. Мостовая раскалялась, как сковородка: плюнь – зашипит. Камнеметы пересохли и начали трещать, был издан приказ ежедневно обливать их водой. Замковые псы собирались под ними и хлебали из прохладных луж. Озеро прогрелось, как парное молоко.

Барышни нежились на пляже, а часовые мрачно глядели со стен, заживо варясь в своих доспехах. Глыбы минервиного лабиринта обливались слезами, всем детям города под страхом порки запретили лазить на них.

И в такую жару, когда самым естественным делом видится мирное лежание в тени, Первая Зима кипела работой. Строились десятки новых зданий: жилые дома, цеха, мастерские, больницы, станции, министерства. Росли ветряки искровых машин и столбы линий передач. Поднимались из земли опоры виадук, на который позже лягут рельсы. Привлеченный работой, в город тысячами съезжался мастеровой люд. Под стенами Первой Зимы, словно грибы, вырастали временные жилища.

Лихорадка охватила не только простолюдинов, но и дворян. Тон задавала Минерва. Каждое утро с помощью Перчатки трудилась над виадуком, затем ехала в министерства и принималась за планы реформ, а вечера проводила в совещаниях с герцогом. Эрвин же вел бурную переписку со всеми на свете, рассылал сотни птиц и принимал десятки курьеров. При этом еще успевал радовать своим вниманием войско, а также изучать и критиковать гениальные планы ее величества.

Подвластная примеру императрицы, остальная знать тоже включилась в дела. Леди Иона, вернувшись из покаянного странствия, сразу взялась за открытие больницы. Джемис Лиллидей отправился в Шиммери знакомиться с чудо-невестой и попал в переплет: бесчисленная родня короля устроила ему смотрины. Леди София заправляла культурной жизнью, а также заботилась о семье – раз уж семья не успевала сама о себе позаботиться. Леди Нексия занималась подготовкой свадьбы (вернее, подготовкой герцога к мысли о неизбежности таковой), но была вызвана в Сердце Света... Словом, все вертелись, как волчок – за исключением воинов в плащах с крестами.

В народе говорят: живет, как у Софьи за пазухой. Именно так и зажили иксы после войны. Уважение и слава окружали их, унылые вахты под палящим солнцем достались другим подразделениям. Иксы несли службу почетных стражей – красивую и не обременительную, да еще порою проводили блестящие маневры. На потную суету горожан иксы глядели со снисхождением. Одним словом, Шрам, Фитцджеральд и Обри имели достаточно времени для мыслей о привидениях.

– Призраки утратили покой, – грозно вещал Обри. – Им не нравится, что замок переполнен народом. Хотят выгнать всех, кто здесь лишний.

Отчасти правда была за ним: людей тут, действительно, собралось много. Минерва как бы переехала в городской дворец, но то и дело оставалась ночевать в замке. А с нею дежурные секретари и гвардейцы, и слуги... Однако в подтверждение своей версии Обри приводил сомнительные факты.

– Вы заметили: леди София сняла траур на сто семидесятый день по смерти мужа, но спустя неделю надела вновь? Клянусь вам, это дело призрака! А Минерва постоянно пьет кофе – видимо, ночами не спит от страха. Призрак ее запугал, она стыдится признать.

Фитцджеральд заинтересовался и стал расспрашивать старых слуг о привидениях Первой Зимы. Вечером за игрой пересказывал взахлеб:

– А знаете, когда появилась Распухшая Дама? Уже после Летописца, но еще до Того Кто Воет. Она не смогла подарить ребенка любимому мужчине и от горя утопилась...

– Братья, вы совсем сдурели, – качал головой Шрам.

Он оказался в трудном положении. По логике, легко доказать наличие призраков: нужно просто их увидеть. Но как опровергнуть существование? Что ни скажешь, верящий продолжит верить! Устав искать разумные доводы, Шрам применил неожиданный ход: обратился к авторитету.

– Милорд, позвольте вопрос.

Герцог улыбнулся:

– Я бы с удовольствием, но опять не могу. Ее величество желает плотину на Близняшках. Мы решаем, чье баронство затопить, куда переселить крестьян и что сказать барону. Я предлагаю зайти с вопроса: «Барон, как вы относитесь к рыбалке?..»

– Я не по поводу игры, милорд. Скажите, вы верите в призраков?

– Конечно, нет, – фыркнул Эрвин.

Шрам просиял:

– А сможете повторить это для Обри с Фитцджеральдом?

– Разумеется.

– Буду очень благодарен. В виду некоторых событий, кайрам важно знать ваше мнение.

– О, тогда я могу сделать даже больше: спрошу мнения Светлой Агаты. Позавчера, когда мы виделись в последний раз, она была в хорошем настроении. Полагаю, не откажется ответить.

Шрам нахмурился:

– Намеряете, что видите призрака Светлой Агаты?

– Помилуйте, я не применял бы это слово! Агата – красивая молодая женщина, а призрак – это кто-то страшный и гниющий... Вот Одар Спесивый, например. В первый месяц моей власти он не хотел уступать герцогское кресло. Торчал там безвылазно, не сдвинешь. Приходилось садиться прямо на его бедренные кости. Не самое приятное чувство, знаете ли.

Шрам откашлялся:

– Стало быть, вы в них верите?

Герцог пожал плечами. Шрам сменил тактику:

– А верите ли, что и сейчас виноваты привидения? Шейланд явился вашей сестре, а мертвая Минерва – Шаттэрхенду...

Эрвин рассмеялся:

– Какая чушь! Призраками становятся лишь покойники. Минерва и Шейланд – живы.

– Вот и я говорю! – обрадовался Шрам.

– Иона никак не забудет пережитые ужасы. А Шаттэрхенду просто надо меньше фантазировать.

– Вот и я говорю!

– Порядочные призраки не ходят где попало. У каждого свое место. Одар Спесивый не может уйти от кресла дальше, чем на три шага. А если бы и мог, он точно не поперся бы в Малый тупик пугать эмберовых девиц.

Шрам передал друзьям слова герцога:

– Милорд сказал мне, что все это – не дело привидений. Он высмеял даже самую мысль.

Обри ответил:

– Если кто-то дерзко заявляет, что призраки чего-нибудь не могут, на следующий день он сам становится жертвой. Вот увидите: завтра призрак явится милорду.

Но ни назавтра, ни на второй день, ни на третий никто особенный к герцогу не пришел. Позиции Обри сильно пошатнулись. Даже Фитцджеральд начал сомневаться, а Шрам открыто злорадствовал:

– Друзья, вы слышали новость? Ворон насрал кастеляну на плечо. Это точно был призрак в обличье птицы!

Обри мрачнел, скрипел зубами и просил богов послать нового призрака, хотя бы самого завалящего. Но стояла жара, сияло солнце, дамочки нежились на пляже, работяги пыхтели на стройках... Если судить трезво, какой тут призрак? Привидения бродят, когда холод и тьма.

Лишь одно давало надежду: приближалось полнолуние.

* * *

Без логических причин, просто по причуде богов, младший ребенок в семье часто оказывается наиболее любимым. Родители сдувают с него пылинки и потакают капризам, тем самым подвергая душу малыша серьезному испытанию. Ведь даже если ребенок был рожден скромным и трудолюбивым, такой поток баловства не может не сказаться на нем.

К счастью, Минерва Джемма Алессандра была достаточно закалена судьбой к тому моменту, когда леди София Джессика Августа обрушила на нее испытание любовью. Рихарду уже не требовалась забота. Эрвину требовалась, но София стеснялась нежить великого полководца и своего сюзерена. Конкуренцию Мире могла бы составить Иона, но Церковь услала ее в покаянное странствие – и тогда младшенькой досталось все. Лучшая ложа в театре, самые вкусные сладости, самая мягкая перина, редчайшее вино: «Я берегла для особого случая, но если тебе понравится...» После зимних событий Минерва пребывала в глубоком трауре и не ощущала за собою права ни на что, кроме кофе и ежедневного труда. Это убеждение императрицы пошло бы подданным только во благо. Увы, леди София, потерявшая мужа и сына, испытывала яростное желание любить. «Мия, ты снова забыла пообедать? Какие дела, ничего не хочу слышать! Я принесла горячий суп...» «Золотце, почему ты без шляпки? Так нельзя, солнце напечет голову, и волосы выгорят. Вот, надень мою...» «Мия, позволь войти и пожелать спокойной ночи. А это для тебя пирожное, вдруг захочешь полакомиться перед сном...»

Минерва – отдадим ей должное – упорно сопротивлялась: «Леди София, я очень признательна, но всего этого не нужно. Боги неслучайно сделали меня сиротой. Я обязана служить империи, не отвлекаясь на забавы». Однако к июлю броня все же дала трещину: «Миледи, вы печетесь обо мне, будто я того достойна... Если допустить на минутку, что так оно и есть, то напомните: о каком пирожном вы говорили?.. И еще любопытно, какое вино к нему подойдет? Я просто так спросила, из чистого интереса...»

Как раз в это время из покаянного странствия вернулась Иона София Джессика. Мрачная, аскетичная, поджарая, как рысь, привычная к холоду и лишениям. София попыталась приласкать ее, но не преуспела. А вот избалованная Минерва уже легко давалась в руки. Увидев это, Иона прошипела:

– Хорошо тут у вас. Домашний уют...

И исчезла в своей комнате, где принялась прятать ножи и арбалеты.

Леди София и Минерва задумались, как исправить положение. София попыталась вкусно накормить дочь. Иона сообщила:

– За полгода я повидала тысячи бедняков. Большинство из них болеют от скверного питания. Простите, маменька, я не готова пожирать все это, когда люди умирают.

Мира применила более хитрый подход:

– Леди Иона, медицина – лишь один ваш талант, военное дело – второй. Попробуйте раскрыть третий – инженерии. Вот Перчатка Могущества. Наденьте, и я научу вас тому, что знаю.

Иона питала уверенность, что исцелять людей – гораздо более благородное дело, чем ворочать камни. Но согласилась, поскольку раньше слышала, как Эрвин восхищался успехами Минервы.

– Я попробую, миледи. Лишь для того, чтобы быть полезной, если вы окажетесь заняты.

Сложно описать метафорой степень полезности Перчатки Янмэй на руке леди Ионы. Ведь даже седло на корове может пригодиться при некоторых условиях... Камни от касания Ионы улетали в неведомую высь, и она не знала, как опустить их, никого не покалечив. Топор отказывался падать на полено, зато питал страстное желание лететь к самой Ионе. Хрупкий предмет – горшок или стакан – неминуемо разбивался, даже когда не имел веса. Мира попы-

талась объяснить, что такое центр тяжести. Иона отрезала: «Я знаю». События показали – не знает. Мира побоялась указать на ошибку: лицо Ионы имело такое выражение, как в бою за Лидский замок... Уроки окончились тем, что Северная Принцесса переставила телегу, загородившую проход. Владычица поблагодарила ученицу за старательность, сослалась на неотложные дела, вежливо забрала Перчатку. Затем сняла перевернутую телегу с крыши надвратной башни и, извинившись, вернула хозяину.

Поле этого Иона охотно общалась только с одним членом семьи – братом. София испробовала многое, даже послала на переговоры судью. Дед пришел к Ионе, как всегда невозмутимый.

– Я слышал о твоем непонимании с семьей. Знаю по случаю прекрасную историю...

Он рассказал, Иона внимательно выслушала и поблагодарила:

– Отменная притча, милорд. А я в странствиях тоже слыхала всякие истории и запомнила для вас одну. Она о пожилой вдове, которая решила повторно выйти замуж. Позвольте, расскажу...

Дед выслушал и дал ответ:

– Превосходная история, благодарю тебя.

Вернувшись к Софии, он сказал:

– Дело сложное, другой подход нужен.

И тут, по совпадению, надежду принесло то же самое событие, на которое уповал и кайр Обри: приблизилось полнолуние.

– Мия, золотце, я знаю, что делать! – заявила София. – Давай устроим гадание духов!

– Простите, миледи, не понимаю...

– Грядет полнолуние, а ночами дует ветер. Идеальное время, чтобы вопрошать духов! Это как гадать на картах, только еще интереснее. Я знаю, вы с Ионой впервые подружились, когда гадали.

Мира откашлялась:

– Миледи, не хочу вас расстроить... То гадание происходило в Уэймаре, мы с Ионой ненавидели друг друга. Спустя несколько дней она бросила меня в темницу.

София всплеснула руками:

– Вот именно! Это напомнит ей, как плохо все начиналось, и как потом обернулось хорошо! Вы были врагами, а теперь – почти сестры. Разве не прекрасно?

Здравомыслие владычицы не было отравлено родственными чувствами. Она понимала весь комизм идеи, но слухи о призраках уже достигли ее ушей и возбудили любопытство.

– Вопрошать духов – это значит, призывать привидений?

– Именно так. Лунной ночью при свече можно услышать их голоса в завывании ветра.

– Какая прелесть! А мы Эрвина позовем?

– Ни в коем случае! Они с Ионой вступят в скептический союз против нас. Нет-нет, только женское общество.

– Хорошо, миледи, – не без сожаления согласилась Мира.

И вот особенности положения знати. Минерва убедила Иону словами:

– Миледи, мы сделаем это в тайне, только втроем. Никто не узнает, что скажут нам духи.

Иона согласилась с блеском в глазах. Если что и могло растопить ее душу, так это обещание тайны. Едва Мира ушла, Северная Принцесса вызвала кайра Обри и предупредила:

– Завтра полнолуние, мы с матерью и владычицей будем гадать в сгоревшей башне. Это строгий секрет, о котором никто не знает. Не волнуйтесь, когда я на время исчезну.

Не прошло и часа, как Обри сказал друзьям:

– Завтра леди Иона, леди София и Минерва собираются гадать. Это полный секрет, никто не знает, что они будут в сгоревшей башне.

Ни Шрам, ни Фитцджеральд не нашли бесчестия в его словах. Разумеется, иксам можно знать все, что знают Ориджины! Иначе как иксы обеспечат должную защиту?

- Сгоревшая башня – опасное место, – заметил Фитцджеральд.
- Думаю, мы должны, – сказал Шрам.
- Мы просто обязаны, – согласился Обри.

* * *

Разные народы по-разному удовлетворяют естественное желание поговорить с душами покойных. Шаваны сжигают кости и глядят в огонь; болотники, наевшись грибов, опускают головы в трясину; столичники беседуют с посмертными портретами. Южане кладут на стол доску с написанным алфавитом, а на доску – стеклянный диск. Всей компанией берутся за стекляшку, задают призраку вопросы – и диск начинает скользить по алфавиту, буква за буквой показывая ответ. Очевидно, что это полная нелепица! Во-первых, грамотный участник может подтасовать результат, толкая стекляшку туда, куда ему нужно. А во-вторых, призрак должен уметь писать, что бывает далеко не всегда.

Не вызывает никаких сомнений: северный метод – наилучший. Для него нужны три компонента: свеча, полная луна, шум ветра или воды. Свеча дает душу всему делу. Она стоит посередине стола, и огонек трепещет на сквозняке. Если погаснет – все сорвется, потому участники должны уберечь его. Не допускаются лампы, плафоны, ширмы. Защищать свечу от ветра можно только голыми руками. Ладони участников становятся в кольцо вокруг огня, касаясь друг друга. Таинство наполняется смыслом: круг ладоней – это мир живых, а хрупкий огонек – нить к миру умерших.

Шум ветра или воды нужен призраку, чтобы заговорить. Бесплотный дух лишен легких и гортани, потому не может издавать звуки речи. Но призрак способен использовать силу стихии и сложить слова из ее шумов. Если, конечно, пожелает.

Наконец, полнолуние – это дань уважения к умершим. Скверно, если кто-нибудь станет ежедневно дергать призраков по пустякам: «Что надеть? Эта прическа мне идет? А что обо мне думает такой-то сударь?..» Потому ритуал допускается лишь при полной луне – всего несколько дней в месяц.

Вторая Озерная башня, сгоревшая в день битвы, до сих пор не была восстановлена полностью. Днем велись работы, но вечерами башня пустела. Ветер свистел в черных дырах бойниц, вороны хлопали крыльями на чердаке, старый смрад гари смешивался с приятным запахом свежего раствора.

Три женщины в темных плащах проскользнули в башню во время вечерней смены караулов. Затаились, прислушались, убедились, что не были замечены. Украдкой, на цыпочках, поднялись на верхний этаж. Огня не зажигали, чтобы не выдать себя. Луна давала бледные лоскуты света у бойниц, остальное помещение тонуло во тьме. Строители оставили здесь стол с инструментом, козлы и несколько стульев. Дамы жестами договорились, кому где сесть и куда сдвинуть инструмент.

- Свечу, – велела леди София. То было первое сказанное слово.
- Иона поставила свечу в подсвечнике из черной глины.
- Огниво.
- Мира достала из сумочки зажигалку – удобное, элегантное устройство.
- Иссскровое? – осведомилась Иона.
- Нельзя?
- Вам, конечно, можно.
- Ладони в круг, – сказала София.

Руки соприкоснулись. София прижалась к Мире ребром ладони. Иона едва коснулась кончиком ногтя.

– Огонь!

Мира применила зажигалку. Свеча вспыхнула, искра шелкнула, будто хлыст. На чердаке закаркали вороны. Иона издала вздох, полный осуждения.

София заговорила торжественным тоном:

– В эту ночь полнолуния мы собрались, чтобы задать несколько вопросов душам тех, кто все еще с нами. Мы не будем призывать конкретного духа. Пускай в беседу вступит тот, кто этого захочет.

Подул ветер, огонек задрожал. Мира плотнее прижала ладонь к руке Ионы. Иона развела пальцы, высвободив себе пространство.

– Мы услышали ваше приветствие, – продолжила София. – Чтобы вызвать интерес, мы расскажем о себе. Сперва каждая из нас сама ответит на два вопроса. Затем мы зададим вопросы вам. Мия, золотце, прошу тебя...

София заранее дала инструкции: что и когда говорить. Увы, Мира запомнила не все.

– Что – прошу?..

Иона выразительно вздохнула. Мира задумалась, какая просьба прозвучит вежливее: «Миледи, не будьте сукой», или: «Пожалуйста, перестаньте дышать»?

– Пусть каждая из нас скажет, когда она в последний раз общалась с духом. Мия, начни ты.

Ответ можно было подготовить заранее, но Мира не успела из-за двух тысяч дел.

– Эээ... Я полагаю...

– Не торопитесь, возьмите время подумать, – это Иона, естественно.

– Целыми днями только сижу и думаю...

София цыкнула на них. На чердаке топнула ворона... Пойдите, а разве вороны топают? Видимо, почудилось.

– Ну... Я часто говорю с отцом. Но это не призрак, я просто вспоминаю его и представляю, что он бы мне сказал. Затем, я говорила с любимым человеком, пока считала его мертвым. Но потом оказалось, он не мертвый... хм, и не любимый. Так что, боюсь, я еще никогда не общалась с призраками.

– Духами, – поправила Иона.

– Степи, – не сдержалась Мира.

– Девушки! – упрекнула София.

Ворона каркнула над головой. Мира признала: сценка удалась на славу, в Уэймаре настрой был точно таким.

– Иона, твоя очередь.

– Я – леди Иона София Джессика рода Агаты. Дух являлся мне на Софьины дни. Это был Виттор Шейланд, Кукловод. Я часто вижу призраки мерзавцев: тех, кого убила я, и тех, кто хотел убить меня. Даже после смерти они пытаются отравить мое существование. Я очень хочу когда-нибудь встретить духа хорошего человека: Сеймура Стила или Аланис Альмера. Каждое полнолуние зову Аланис, но она ни разу не пришла.

Так вот у кого Иона этому научилась – у Аланис! Альмера обожала кичиться шрамами и стыдить всех, кто мало страдал. Ничего, я тоже так умею, – подумала Мира.

– Ваш черед, маменька, – сказала Северная Принцесса.

– Я – леди София Джессика Августа рода Агаты. Мой покойной муж, лорд Десмонд Герда Ленор, приходил чтобы осудить мое поведение.

У Миры отпала челюсть. Лицо Ионы претерпело ту же перемену. София продолжала:

– Я точно знаю, что это был дух, а не фантом моего воображения. Я спросила его: правильно ли сделала, что сняла траур на сто семидесятый день? При жизни Десмонд всегда гово-

рил: «Смерть кайра – самое обычное дело. Семнадцати дней траура хватает с головой». Я была уверена, что и теперь он так скажет. Иллюзия, созданная мною, повторила бы привычные слова. Но дух Десмонда заявил иное: он ужасно скучает по мне, а я слишком быстро его забыла. Мне только на благо, что больной муж погиб, и я могу скорее выйти за здорового. Так он сказал. Я спросила: «Ты меня осуждаешь?» Ответ поверг меня в ужас, ибо Десмонд применил сарказм, чего никогда не делал при жизни: «Я только рад, что ты наслаждаешься. Сколько игривости в тебе проснулось – на шестой-то десяток! Любо-дорого посмотреть!» Так он сказал. Я заплакала и рассыпалась в извинениях. Снова надела траур и запретила себе думать о помолвке еще по меньшей мере год.

Иона выпалила, забыв свой томный образ:

– И вы отмените помолвку с судьей?!

– Мы ее и не назначали. Я питала некие мечты, но теперь устыдилась их. Все отложено на год, если не больше.

– И что он сказал об этом?

– Милая, мы собрались, чтобы вопрошать духов, а не живых матерей.

Мира ощутила тепло: пальчик Ионы лег на ее мизинец. Общее чувство – удивление – сблизило девушек, и руки сразу выдали это.

– Теперь ответим на второй вопрос, – сказала София. – Мия, золотце, чего ты больше всего на свете хочешь?

О, здесь Мира имела много готовых ответов, осталось выбрать. Есть ряд отличных желаний в сфере политики и экономики – но любое из них Иона сочтет за хвостовство. Есть фантазия из личной жизни – настолько фривольная, что Мира краснела от одной мысли. Нет, такое нельзя говорить вслух... Нужно что-то простое, забавное, но чуточку в духе Аланис. Пускай Иона вспомнит, что не одна страдала.

– Через две недели будет мой день рожденья. Я хочу хороший праздник! Веселый, красивый, с фейерверками и подарками! У меня так давно не было праздника. Прошлый день рожденья я отметила на борту корабля над полем боя, а позапрошлый – в могиле ульяниных пещер, с лопатой в руке. Пускай на этот раз все будет иначе!

– Прекрасное желание! – восхитилась София.

– Мне очень понятны ваши чувства, – сказала Северная Принцесса и убрала палец. – Семнадцатого марта, в свой день рожденья, я узнала, что Рука Знахарки не лечит черную проказу. Это выяснилось опытным путем. Монахи привели меня в дом, набитый гниющими людьми. «От имени и по воле святой Церкви леди Иона София попытается сотворить чудо. Да помогут ей боги». Обо мне уже слыхали в тех местах, и все больные, кто мог ходить, рванулись ко мне толпой. Язвы покрывали лица и гноились. Я чуть не задохнулась от смрада... Рука Знахарки сказала: «Неизвестная форма лепры. Лечение недоступно». Но больные не поверили, стали хватать за руки, умолять. Я еле выбралась оттуда, как вдруг сообразила: «лечение недоступно» – это касается и меня самой. Если заразились от них, то спасения не будет. Стояла стужа, бани рядом не нашлось. Я мылась в холодной воде, пока не посинела. Мочалкой чуть не содрала с себя кожу... Вышел прекрасный день рожденья. Самый лучший в жизни.

Стало тихо, даже вороны заткнулись. София взяла дочь за обе руки, а та смущенно отвела взгляд. Иона хотела лишь немного прихвастнуть страданием, но увлеклась и перегнула палку. Теперь она стыдилась того, какого мраку нагнала.

Минерва решила ее спасти. Владычице к лицу милосердие, не так ли?

– Леди Иона, давайте выберем время. Например, ваше будет с десяти до одиннадцати, а мое – с одиннадцати до полуночи.

– Простите?..

– Вы получили привилегию жаловаться на жизнь ровно один час в сутки. И я с радостью выслушаю ваши жалобы, но только если потом вы услышите мои.

– С радостью, да? О, я пораду вас множеством своих бед! – Иона не преминула съязвить, но глаза ее смеялись.

– А мне можно хотя бы десять минут? – вмешалась София. – Хочу вам пожаловаться на бездарей-драматургов.

– Свеча гаснет! – воскликнула Иона, и все мигом схватились за руки. Огонек подождал, почти замер, но ожил вновь.

Поглаживая мизинец Миры, принцесса сказала:

– На самом деле, вот мое желание. Хочу, чтобы меня любили.

– А мое только что сбылось, – сказала София. – Я желала, чтобы вы помирились.

Мира не сдержала улыбку:

– А я действительно хочу день рожденья! То есть, я мечтаю о куче всего – из политики, экономики, из интимной сферы... Я тоже хочу, чтобы меня любили, и чтобы вы, леди Иона, позволяли любить вас... Но день рожденья – это же так здорово!

– Мы устроим тебе самый лучший праздник, – сказала София. – Правда, Иона?

– Ну, не зна-ааю... – закатила глаза принцесса, и мать ущипнула ее.

– А теперь давайте все же поговорим с призраками.

Они стали выбирать первый вопрос. Девушки хихикали, леди София требовала торжественной обстановки. Наконец, установился должный настрой.

– Духи умерших, но не ушедших, – сказала София, – если мы позабавили вас, то окажите встречную любезность. Ответьте: кто будет избран владыкой Полариса?

Дамы затаили дыхание, вслушиваясь в звуки ветра. Воздух ворвался в бойницы, прошелся по залу, просвистел в щелях дырявого потолка – и едва различимо пропел:

– эээрви-иин...

– Я услышала: Эрвин, – шепнула Иона.

– Я тоже, – сказала мать.

– А я не разобрала, было слишком смутно. Наверное, призрак не знает ответа.

– Ооориджиин! – пропел ветер яснее.

– Ладно, ладно, я поняла, – огрызнулась Мира. – Давайте новый вопрос.

Леди София спросила о личном:

– Когда мне можно будет снова выйти замуж?

В свистах и завывании ветра проступила пара слов.

– Я услышала: уже скоро, – сказала Мира.

– А я – через год, – сказала Иона.

– Девушки, в моем возрасте вы поймете: через год – это и есть скоро.

Северная Принцесса перехватила инициативу.

– У меня тоже имеется вопрос о браке. Кто станет лучшим мужчиной для леди Минервы?

Дамы наострили уши. И на сей раз, почему-то, услышали совсем разное.

– Роберт, – сказала София.

– Эмбер, – сказала Иона. – Тоже мне!..

На чердаке раздался хлопок, и вороны массово захлопали крыльями.

Мира нахмурилась:

– А я услышала Фитцджеральд, или что-то подобное... Но я не знаю ни одного Фитцджеральда!

– Видимо, духи хотят сказать, что ты можешь выбрать любого мужчину.

– А можно, чтобы он не был мужем? Если, например, я хочу иметь тайного альтера...

Мира с надеждой прислушалась. Ветер не дал ответа. София прокомментировала:

– Духи не возражают. Хотя лично я не могу одобрить такое поведение. От кого ты набралась этого, золотце мое?

От прошлой приемной матери, – чуть не ляпнула Мира.

– Кажется, теперь мой черед спрашивать. Дорогие духи, скажите, будьте добры...
Но еще прежде, чем задать вопрос, Мира увидела кое-что.

Шрам, Фитцджеральд и Обри порядком устали слушать бабскую болтовню. Приходилось лежать плашмя на пыльных досках чердака; было душно и грязно, всюду шастали вороны. Три доблестных кайра пошли на лишения, дабы узнать что-нибудь о призраках. Но вместо этого битых полчаса пришлось слушать перепалку между леди Ионой и столичной пигалицей, а вдобавок – неловкие откровения леди Софии. Одно слово – женщины...

Наконец, дошло до желанного разговора с духами. Но кайры уже так истомились, что не смогли удержаться от шутки. В выборе владыки разночтений не было. А вот когда коснулось мужа для Минервы, каждый сострил по-своему. Шрам назвал Роберта: ведь это кремень, а не мужчина, выдержит любую бабскую истерику. Обри назвал Эмбера – вот уж кто мастер по столичным пигалицам. А Фитцджеральд не нашел ничего смешнее, как назвать себя. Это уж был перебор, Шрам даже хлопнул себя по лбу, отчего всполошилась вся воронья стая. Жестами Шрам объяснил Фитцджеральду, что тот, чертов кретин, сорвет всю маскировку. Фитцджеральд жестами же ответил, что императрица недостаточно развита умом, дабы раскрыть засаду трех гениев тактики. А Обри жестом показал: глядите вниз! Они прильнули к щелям между досок – и увидели странное.

Минерва вскочила из-за стола и попятилась, жестом защиты вскинув руки перед грудью. Из центра зала, не наблюдаемого через узкую щель, донесся голос:

– Назови число. Ну, пожалуйста.

Минерва раскрыла рот, но слова застряли в горле. Она молча пятилась, пока не наткнулась на козлы. Замахала руками так, будто тщетно пыталась вдохнуть.

– Скажи число, тогда прощу тебя.

Голос был не то женским, не то юношеским. Кайры так и прилипли к полу, пытаясь увидеть сквозь щель... Но говорящий оставался вне поля зрения.

– А может, и не прощу. Тут одного числа не хватит.

Леди Иона встала перед тем существом, закрыв Минерву собою:

– Вы не имеете права. Не вам ее упрекать.

Голос процедил с презрением:

– Забыл тебя спросить, волчица. Все знают, что ты не имеешь души. Скажешь число, Минерва? Или снова бросишь страдать?

– Ты нас пугаешь! Исчезни! – вскричала София и задула свечу.

Голос расхохотался:

– Думаешь, так легко? От меня избавиться сложнее, чем от мужа. Я прихожу, когда захочу.

– Глория-Заступница, укрепи нашу веру, прикрой щитом наши души, – твердо произнесла София, творя спираль.

– Ха-ха! Глория – босоногая нищенка. Может, еще напугаешь меня шлюхой Мириам?

– Я запрещаю! – выкрикнула Минерва и подняла над головой зажигалку.

Бах – сверкнула вспышка.

И стало тихо. Вороны цокали по доскам когтями. Минерва без сил опустилась на пол.

– Он ушел, – прошептал Шрам.

Вот тут Фитцджеральд догадался:

– Это один и тот же призрак! Он меняет лица!

Часть 2

Август 1776 г. от Сошествия

После гадания императрица впала в тоску. Снова надела траурные ленты, как зимой, не посетила любимую рельсовую стройку, отменила совещание с герцогом – видимо, затем, чтобы выпить в одиночку. Леди София Джессика приняла твердое решение, о коем оповестила всех: устроить большой праздник для Минервы.

До дня рожденья оставалось три недели – в обрез, если учесть масштабы затеи. Леди София запланировала следующее. Переоборудовать большую трапезную и придать ей жизнерадостный вид. Замковый двор превратить в бальную залу, башни украсить цветами, а стены – гобеленами. Дать фейерверк и заказать торт, какого не видывал Север. А в ледяном лабиринте устроить представление – спектакль о любви с иллюминацией из цветных прожекторов.

Вдобавок обитатели замка и двора озадачились подарочным вопросом. Раньше дары владычице устраивались согласно протокола: каждая инстанция преподносила что-либо формальное, лишённое личного смысла. Например, труды Янмэй в дорогом переплете, украшение с символикой Династии, набор цветных перьев и чернил (для подписания указов различного толка), молитвенник, священную спираль... Но теперь леди София ясно дала понять, что не потерпит подобной чуши: «Девушка хочет праздник, а не ритуал! Кто не сможет придумать подарок, займет врага в моем лице». Никто не рискнул перечить, даже герцог. Лишь Северная Принцесса попробовала ограничить пыл матери, но София ловко подкупила ее: пообещала, что день рожденья самой Ионы будет вдвое ярче минервиного. Все жители замка включились в подготовку.

Все, кроме троицы иксов.

Обри твердил, потрясая кулаком:

– Они ничего не понимают! Не будет праздника. Этот гад всех переполошит.

Фитцджеральд соглашался:

– Дело ясное, он так и задумал. Сначала пугает жертв по отдельности, для пробы. А на праздник люди соберутся – и он настраивает сразу всех.

– Теперь-то мы его раскусили. Он воплощается в то, чего жертва боится. Ионе крепко досталось от Кукловода. Шаттэрхенд дрожит от мысли, что Минерва помрет. Леди София трепещет перед покойным мужем. Девица Эмбера – совсем трусиха, с нее и простого скелета хватит. А герцогу он не являлся потому, что у герцога вовсе нет страхов.

– Нам призрак тоже не являлся, – отметил Шрам.

Иксы обменялись значительными взглядами.

– Но что же теперь? – спросил Фитцджеральд. – Мертвый гаденыш так и будет пугать всех, кто менее отважен, чем мы и герцог. А на праздник обнаглеет и прикинется кем-нибудь таким, что все бабы заплачут и разбегутся.

– Гной-гантой, – предположил Обри.

– Точно! Ну, и что нам делать?

Шрам почесал в затылке и изрек:

– Давайте его поймаем.

– Ха-ха. Как, тьма сожри? Духа можно покорить, только если добыть кость из его скелета. Или хотя бы прийти на место смерти и назвать имя. А этот подлец вечно прикидывается кем-то другим! Мы без понятия, кто он.

– Что, кстати, странно. Обычно-то призраки хотят, чтобы их знали...

– Вот именно! А этот пройдоха устроил маскарад. Как мы его поймаем?

– Не знаю, – сказал Шрам. – Но в этом и соль. Мы не знаем – никто не знает. Такого подарка владычице не сделает никто.

Троица переглянулась. Ладно, Минерва – пускай придворные перед нею лебезят, иксам это без надобности. Но утереть нос всем вельможам, которые прибегут с подарками!.. Сделать такой дар, что целое герцогство ахнет!..

– Как говорит лорд Роберт, ага.

– Еще какое ага! Поймаем гада!

Невозможно призвать неизвестного призрака. К счастью, молва описывала несколько известных. Распухшая Дама; Тот Кто Воет; Моррей Летописец, а также король призраков – Одар Спесивый.

– Опросим их, авось что-то знают!

– А с кого начнем?

Хорошо было бы обратиться к агатовцу. Но герцог Одар внушал робость даже отважным иксам, потому решили начать с другого Ориджина – Моррея Летописца. На закате дня трое кайров вошли в городскую библиотеку, звеня мечами и кинжалами. Моррей – Ориджин, хоть и летописец; нехорошо являться к нему без оружия.

– По какому делу, господи?.. – уставился на них служитель библиотеки.

– Желаем ознакомиться, – Шрам оскалил железный зуб, – с литературой.

– Но мы уже закрываемся!

– Вот и славно, нам не будут мешать. – Потомок пиратов вынул ключ из руки библиотекаря. – Ступай домой, сынок.

– П-под вашу ответственность...

Служитель смылся, иксы заперли дверь и принялись за дело. Разыскали две нужные книги, выбрали стол у окна, поставили свечу. Обри, главный мистик среди кайров, дал пояснения. Лорд Моррей Ориджин, прозванный Длиннобородым, посвятил жизнь ведению летописи Полариса. Он не питал надежд, что кто-то еще из Ориджинов захочет описывать историю, а не творить ее, потому после смерти остался в библиотеке, дабы продолжать свое дело. К счастью, он трудился в городской читальне, а не в замковой – иначе пострадал бы этой зимой от Перстов Вильгельма. Говорят, после кончины Моррей написал сорок восемь книг и отрастил бороду длиной в шестнадцать футов. Впрочем, свой самый известный труд Длиннобородый создал еще при жизни – вот этот: «Ошибки полководцев владыки».

Шрам раскрыл фолиант, но Обри подсунул ему другой:

– Моррей не появляется, когда люди читают его собственную книгу. Он думает, это обычное дело. Но если кто-то берет с полки «Историю всех северных земель» монаха Гоблета из Закатного Берега – наш Моррей тут как тут. Отпугивает людей, чтоб не читали чушь.

Они положили «Историю» возле свечи и открыли ставни, дабы появился ветер. Вместе со ставнями открылась и неприятная правда: полнолуние окончилось, на краешке луны появилась щербинка. Фитцджеральд задернул шторой дефект луны.

– Что теперь? Свечу зажечь?

– И руки в круг.

– Как бабы...

Поставили ладони, зажгли огонек. Обри начал на правах мистика:

– Гм-гм... Лорд Моррей Ориджин, известный также как Длиннобородый и Летописец, мы к вам пришли по боевому заданию. Некий призрак творит бесчинство...

– Чины назови, – буркнул Шрам. Обри назвал имена, чины и звания всех троих, затем обрисовал ситуацию с призраком-негодяем.

– Как видите, милорд, он вредит моральному духу гарнизона и безопасности в целом. Просим вашего совета по отлову лазутчика из мира мертвых.

Наступила тишина. Иксы прислушались к ветру. Тот, шельмец, налетел абсолютно бесшумно – и с первого порыва погасил свечу.

– Тьфу, тьма! Что делать?

– Быстро зажги назад. Вдруг он не заметил...

Зажгли, поставили руки плотнее.

– Лорд Моррей, мы просим не от себя, а по долгу службы. Сестра и мать герцога Эрвина, а также владычица пострадали от этого призрака. Помогите поймать его!

Ветер снова не издал ни звука, зато отбросил штору, обнажив неполную луну.

Шрам погладил «Историю всех северных земель»:

– Лорд Моррей, если вы нам не дадите совета, мы начнем искать его в этой книге.

Ветер издал короткий свист. Весьма насмешливый, надо заметить.

– Милорд, мы вас предупреждали.

Шрам стал читать книгу вслух. Злокозненный призрак не отзывался, только заставил дворовую собаку громко звенеть миской. Шрам упорно прочел всю первую страницу. Автор нахваливал закатный народ. Нет людей более гордых и свободолюбивых, чем бывшие рабы, сбросившие цепи. Они узнали подлинную цену свободы и больше никогда не наденут ярмо...

– Чушь какая-то, – не вытерпел Фитцджеральд.

Ветер подул так прицельно, будто плюнул на свечу. Она, само собой, погасла.

Обри вздохнул:

– Дела не будет. Заметил он, что полнолуние кончилось.

Шрам погрозил призраку кулаком и вернул книги на место. Длиннобородый не остался в долгу: когда кайры собрались выходить, ключ намертво застрял в замке. Шрам в сердцах высадил дверь ногой, а на следующий день заплатил за ремонт.

* * *

Во имя богов справедливости мы обязаны сказать: отнюдь не всех придворных радовал грядущий праздник. Вождем черных душ, ненавидящих день рождения, стала фрейлина Лейла Тальмир. Причиной было чистое суеверие: фрейлина считала дурной приметой, если претендентка на трон ест с руки матери другого претендента.

Применив иносказания и намеки, леди Лейла поделилась тревогою с теми, кому доверяла. Минерва отшутилась, приведя Лейлу в плохо скрываемое бешенство. Министры поняли опасения фрейлины, но были по горло завалены работой и не имели времени на интриги. Офицеры гвардии обожали Минерву и не верили, что она способна ошибаться. А старый ассасин, который мог повлиять на владычицу, еще зимой убыл в Фаунтерру. И тогда отчаянье заставило Лейлу искать помощи в стане легкомысленных девиц и непутевых ловеласов – то есть, в секретариате.

– Баронет, позвольте пригласить вас на прогулку.

– Я в ужасе, но покоряюсь судьбе. Куда желаете направиться?

– Мы должны найти подарок для ее величества. Предлагаю объединить усилия.

Погожим августовским вечером они вышли на Купеческую улицу. С переносом столицы торговля в Первой Зиме расцвела. Тут и там блестели красивые витрины, каких еще год назад не видывали на Севере. Продавались фарфор и стекло, яркие шелка, пестрые ковры, изысканные парфюмы, всевозможные сорта чая и кофе. Оружейники и гончары, еще недавно правившие бал, теперь откатились в переулки, уступив видовые места привозным диковинкам.

Впрочем, Дориан Эмбер ни на вдох не поверил, что леди Лейла действительно ищет подарок (и был прав: фрейлина приготовила его задолго до общей истерии). Не обращая внимания на прилавки, баронет задал вопрос:

– Что вас гложет, миледи?

Фрейлина изложила суть. Ориджины нашли уязвимое место владычицы и впились клыками и когтями. Минерва – одинокая сирота. Они дали ей все, о чем она мечтала в детстве: мамкину заботу, милых братика с сестричкой, дни рожденья, подарки, даже забавные семейные ссоры, которые всегда кончаются миром. По просьбе новой мамочки она сделает все, что угодно. А нужно-то всего ничего: отдать свои голоса на выборах.

– Вы ревнуете к леди Софии? – предположил Эмбер. – Хотели бы сами удочерить Минерву?

– Да спасут меня боги! Такое дитя измучит любую мать. Однако это наша законная императрица, а Ориджины манипулируют ею. Снова.

– Или она – ими...

– Ее двор здесь, в ратуше, но она регулярно проводит время в замке. Даже ночует там, в крохотной комнатенке, неподходящей для владычицы. Видите ли, ей нравится северный дух... Нет, милорд, я бы сказала иначе: Минерва стала заложницей.

– Видимо, никто кроме меня, не может ее спасти. Что ж, так и быть. Я соблазню леди Иону и похищу ее сердце, а потом верну Ориджинам в обмен на нашу Минерву.

Лейла всем видом показала, сколь уместны шутки в подобном деле.

– Тьма сожри, милорд! Вы настолько глупы, что не понимаете опасности?

– Ваша опасность – ничто в сравнении с моею. Видите ли, в странном поведении ее величества отчасти виноват я.

– Что вы натворили?!

– Ну, э, с чего бы начать... Пожалуй, дело в том, что я не очень люблю налоги. Я владею недурными винодельнями около Руайльда. И Корона взывает с меня налог даже в том случае, если сама же закупает вино. То есть, часть уплаченных мне денег сразу отнимаются обратно. Я до сих пор не уяснил тайной справедливости этого процесса.

Лейла чуть не споткнулась, подстреленная мыслью:

– И ради освобождения от налогов вы сделали... что?!

– Боюсь, вы не так поняли, – улыбнулся Эмбер, откровенно забавляясь. – Позвольте начать с другой стороны. Помните, зимой какое-то время ходила сказка, будто в небе есть много Звезд? Некоторые дворяне даже смотрели в подзорные трубы... Потом мода прошла, и все затихло. Но однажды ее величество спросила моего мнения о выборах. Знаете поговорку: «Есть лишь одна Звезда»? Я взял и перекрутил: «Есть не одна Звезда». Владычица узрела в моих словах глубокую мудрость и, кажется, именно тогда придумала новый план.

– Какой еще план?

– Из числа этих ее грандиозных идей, которые обычно не срабатывают, но выходит очень потешно.

Леди Лейла прокляла себя за то, что доверилась самому несерьезному мужчине двора. А между тем, Эмбер успешно справлялся с нелегкой задачей: всеми силами корчил дурака, чтобы Лейла не догадалась, как глубоко он посвящен в планы Минервы. Фрейлина задала еще несколько вопросов, секретарь снова ответил полушутками и скабресными намеками. Но фрейлина почуяла долю правды и начала понемногу загонять Эмбера в тупик. Он вывернулся неожиданным способом:

– Смотрите, книжный магазин! Давайте пойдем!

– Зачем?

– Не забывайте, миледи: мы ищем подарок.

Хозяин лавки радостно напустился на них:

– Чем могу порадовать ценителей литературы?

– Хотим подарить книгу девушке на день рожденья. Ей исполняется двадцать лет.

– Нужен труд об искусстве любви? – просиял торговец.

– О, нет! Это хмурое дитя Севера, равнодушное к уладам. Нужно что-нибудь жуткое – о призраках, возможно.

Торговец ушел на поиски, а Лейла снова взялась за Эмбера:

– Кстати, объясните мне эту историю с привидениями. Тоже манипуляция Ориджинов?

– Ни в коем случае. Последние события – типичный пример того, что я называю летним помешательством. Обратите внимание: призраков встречают лишь те, кто обделен близостью с противоположным полом. Успешные в любви люди, вроде меня или лорда Эрвина, ничего подобного не видят.

– Пф!..

Владелец лавки положил перед Эмбером фолиант, вызывающий уважение своею чернотой и тисненным серебристым черепом на обложке.

– Мегара Эстель Мила, «Тайные ужасы Первой Зимы». Истории о призраках, но не та расхожая чушь, известная всем: про Летописца или Распухшую Даму. Здесь настоящие секреты загробного мира, каких не встретишь в других книгах. Оцените для примера. Одна юная девушка очень хотела понравиться молодому лорду. Она научилась кататься на коньках и стала выделывать пируэты на зимнем озере. Но лорд не смотрел на нее. Девушка старалась все сильнее, забыла осторожность и заехала на тонкий лед. Провалилась. Ее вытащили, но не смогли откачать: испустила дух тою же ночью. Если бы лорд пришел на похороны, то рассмотрел ее хотя бы мертвой. Однако мать не пустила лорда: «Эта девушка не настолько высокородна». Мертвое тело закопали, а душа девушки осталась бродить по свету. Она не обретет покоя, пока не получит хотя бы взгляд от того самого лорда. Но как же он увидит ее, если она – призрак?

Эмбер дал оценку:

– Жидковато. Поймите, сударь, наша именинница – суровая северянка. Воспитана медведицей, удочерена волками, дружит с головорезами, купается в проруби.

– О, тогда ей придется по душе такая история! – Торговец раскрыл книгу на другой странице. – Один славный воин пал в бою далеко от дома. Его сын был рядом и подобрал отцовский меч, но не защитил мертвое тело. Враги утащили покойника, чтобы поглумиться. А сын был родом из суровой земли. Даже его, лорда, строго наказали бы за то, что не смог уберечь тело героя. И сын побоялся сознаться. Вместе с оруженосцем он нашел другого мертвеца, подходящего по росту, размозжил ему лицо, чтобы сделать неузнаваемым. Обмотал просмоленными бинтами для защиты от червей, одел в парадный мундир павшего отца, вложил в руки фамильный меч – и повез в родовой замок. Стояла жара, как сейчас. Несмотря на бинты, тело быстро разлагалось. Сын привез домой чудовищного трупа, одетого в гербовый мундир. Стоило бы как можно скорее захоронить этот ужас. Но сын знал, что отъявленную ложь следует прятать на виду. И тогда...

Дориан Эмбер уже сам заглянул в книгу и узнал конец истории.

– Ложь, интриги, трупы, черви – то, что нужно! Именинница придет в восторг.

Леди Тальмир поджала губы:

– Милорд, вы ужасны. Уточняя: это не комплимент.

* * *

Позорный провал в библиотеке заставил иксов изменить тактику.

– Нужно что-то сделать с луной, – сказал Фитцджеральд и показал друзьям круглый фонарь. – Заклеим стекло бумагой, будет белый свет – точно лунный.

– Еще нужна девушка, – добавил Шрам. – Бабы чутки на все потустороннее.

Обри разыскал Мередит:

– Сударыня, вы нужны войску Первой Зимы. Помогите нам поймать призрака.

– Как – поймать?..

- Изловить, допросить и поместить в темницу душ – то бишь, на службу к Минерве.
- Простите, сир, но я боюсь...
- Поймаем гада – и у вас наладится с Эмбером.
- Уже не наладится, он меня считает истеричкой.
- Тем более, отомстим ему!.. В смысле, призраку, а не баронету.

Кайр сломил сопротивление барышни и привел ее вечером в надвратную башню замка. По слухам, именно здесь обитал Тот Кто Воет. Греи ночной вахты нередко слышали его жалобные стоны. Нынешний часовой показал иксам помещение, где они раздавались, – комнату с подъемным механизмом моста. Часовой предупредил, что кроме духов в башне водятся крысы и коты – все они тоже умеют издавать унылые звуки. Пожелал удачи и ушел в караулку. Кайры взялись за дело.

Прикрыли створки на бойницах, чтобы спрятать надгрызенный месяц. Подвесили лунную луну в виде фонаря, поставили свечку. На сей раз начал Шрам:

- Тот Кто Воет, мы призываем тебя...

Фитцджеральд встрял:

- Имя назови.
- Я и говорю.
- Думаешь, его зовут Тот Кто Воет?
- Меня зовут Шрам, и что теперь?
- Ладно, давай.

– Тот Кто Воет, срочно на верхнюю палубу. Я, кайр капитан Шрам, командир второй иксовой роты, имею к тебе вопрос. Явись и расскажи про того духа, который всех пугает.

Ветер не издал ни звука, только что-то скреблось внутри подъемного механизма. Вероятно, мышь.

- Я слышала, нужно сказать о себе что-нибудь интересное, – шепнула Мередит.

- Так назвал же имя и чин, чего еще?

– А можно, я попробую? Когда училась на третьем курсе, вышел забавный случай. К нам в пансион приехали двое сыщиков...

Обри стал ее слушать. Шрам и Фитцджеральд, уверенные в неспособности девицы сказать что-либо ценное, глазели по сторонам. И тут Фитцджеральд заметил странность: огонек свечи клонился не к бойнице, и не от нее, а в сторону. Где-то в стене имелась щель, создававшая сквозняк.

- Дайте-ка...

Лейтенант сам взял свечу в обе руки, обошел подъемный механизм, приблизился к стене. Язычок пламени находил путь, словно нос ищейки. Один камень в кладке стоял неровно, и раствор выкрошился, образовав черную щель. Огонек тянулся туда.

- Помолчите, сударыня.

Мередит умолкла, и все услышали тонкий свист из щели между камней. Кайры наострили уши. Ничего особенного: там свистело, тут скребла мышь.

- Ну, призрак, говорить будешь?

И вдруг Мередит изменилась в лице:

- Он уже говорит...

Кайры разинули рты:

- Что?! Где?!

- Тихо! Он еле шепчет... Достаньте... достаньте... достаньте...

- Кого достать? Кончайте шутить, сударыня.

Она явно не шутила. С ужасом и вниманием девица смотрела на щель между камней.

- Достаньте... помогите...

Обри всадил кинжал в щель. Шрам помог с другой стороны. Выскребли остатки раствора, поддели камень, налегли.

– Достаньте! Достаньте!.. – повторяла Мередит, точно замороженная.

Камень со скрежетом выдвинулся из кладки. Кайры ухватили его и вытащили прочь. Мередит охнула. В нише находился череп человека. Он был обращен затылком к иксам, его покрывали комки волос, отпавших при гниении плоти.

– Холодная тьма, его замуровали!

Под черепом виднелись верхние позвонки хребта. В толще стены находился целый скелет, но через проем виднелся только череп. Он припадал лицом к наружным камням кладки. Так, будто пытался сквозь камни увидеть что-то за пределами замка.

Обри указал острием кинжала:

– Смотрите, там еще одна щель!

Верно: между наружных камней стены, как раз перед глазницей черепа, имелся просвет. Он-то и породил сквозняк, затронувший свечу. Неведомое число лет мертвец провел в стене, глядя сквозь щель на дорогу перед замковыми воротами.

– Зверство, – сказал Фитцджеральд. – Прямо как в Лиде.

– Это и есть лидец... – пролепетала Мередит.

– Почему знаешь?

– Он говорит... Молчите, молчите... Он – лидский генерал, пытался захватить Первую Зиму... Его разгромили и замуровали. По лидскому обычаю... Оставили щель, чтобы видел ворота, в которые никогда не войдет враг...

– Ну и ну! Вот так дела...

– Ужасно!

– Ага... Спроси его: это он всех пугает?

– Нет. Он не может покинуть стену... Дух намертво прикован к костям. Пока скелет не похоронят, или пока кто-нибудь не возьмет штурмом этот замок.

Фитцджеральд повернул череп лицом к себе:

– А не врешь? Поклянись Агатой, что это не твоя работа!

– Он клянется Глорией... – прошептала девушка.

– Лидец, – буркнул лейтенант.

– Он просит... – сказала Мередит. – Похороните... Достаньте и предайте земле...

Иксы переглянулись. Лейтенант постучал рукоятью кинжала по стене. За исключением вынутого камня, она смотрелась весьма прочной. Обри налег плечом. Какое там! Даже Персты Вильгельма не проббили эти стены...

Шрам поднял извлеченный камень и аккуратно вставил на место. Мередит ахнула:

– Ничего нельзя сделать?!

Фитцджеральд отряхнул руки:

– Ну, я поставил его лицом в другую сторону. Увидит что-то новенькое.

* * *

Двое всадников поднимались мощеною дорогой по склону горы Агаты. Их фигуры выдавали близкое родство, а посадка в седле – сходную верховую выучку. Первая Зима осталась внизу, за спинами. Всадники то и дело оборачивались, чтобы полюбоваться на город, купающийся в закатных лучах.

– Мы с мамой сегодня потрудились на славу! Украсили две стены, придумали роспись для въездных ворот, вызвали маляров, выбрали место для музыкантов. Завтра попробуем расставить инструменты и сделать репетицию.

– Наша матушка неудержима. Похоже, сестрица, тебе достались две епитимьи вместо одной.

Иона шлепнула брата по плечу.

– Между прочим, я ужасно устала.

– Но усталость как рукой сняло, когда я предложил прогуляться, правда?

– Ты чудесно придумал навестить Роберта. Всем нам весело, а он взаперти.

– Стараниями твоей новой... прости, я запутался: подруги или сестрички?

– И нечего потешаться: Мия прекрасно вышла из положения. Назначила каторгу, но такую почетную, что Роберт даже не в обиде.

– Тебе сегодня все прекрасно, – со смехом отметил Эрвин.

Иона не стала отрицать очевидное. Лучась от счастья, они подъехали к воротам монастыря Светлой Агаты. Привязали коней, вошли во двор, сказали монахиням о себе. Помолились в храме, держась за руки, как в детстве. Тепло и покой переполняли Иону.

Настоятельница вышла к ним, брат и сестра с поклоном попросили благословения. Святая мать осенила Эрвина спиралью, а перед Ионой сама склонила голову:

– Боги дали вам силу творить чудеса. Почту за честь, если вы благословите меня.

Смущаясь, Иона сотворила спираль над седою головой аббатисы. Когда вышли из храма, она опустила глаза – ждала от Эрвина пусть не злой, но иронии. Однако он шепнул ей на ушко:

– Я очень горжусь. Слово чести.

Они поднялись в гостевой дом. Три этажа занимали паломники, которые летом толпами сходились к гроту Косули. На четвертом, в мансарде, располагалось место каторжных работ. Монастырь – женский, мужчинам нельзя находиться в dormitorio. Поэтому келью для Роберта выделили под крышей гостевого дома. Половину небольшой мансарды занимали кипы бумаг, во второй половине находились нары, стул и стол. Дверь была снабжена самым прочным из замков: клятвою Ориджина не покидать этого места, пока не позволит императрица.

Иона тепло обняла кузена, Эрвин крепко пожал руку. Вернее, Эрвин думал, что крепко, пока Роберт не ответил на пожатие.

– Полегче, кузен, руку сломаешь!

– Прости. Я хотел показать, что еще не размяк здесь над пером.

Они кое-как разместились в тесноте и повели разговор. Иона рассказала новости: дела в городе, приготовления к празднику, задумки матери. Эрвин доложил о подарочной истерии. Как приготовить неформальный подарок всего за пару недель?! В другую землю гонца не пошлешь, шедевр у мастера не закажешь, цеха завалены работой. Но Эрвин придумал блестящую идею! Ее величество хотела фейерверк и торт – отчего не совместить? В гигантский торт шести футов диаметром будут вставлены двадцать шутих, стилизованных под свечи, только фитилями вниз, а под слоем глазури замаскирована хитрая система запала. Сладкий стол разместят во дворе, в кульминационный момент Эрвин украдкой подожжет фитиль, и под крики: «Слава Янмэй!» – торт жажнет в небо двадцатью огненными цветами.

– И весь его засыплет зола от фейерверка, – хихикнула Иона.

– Не весь, а только верхнюю глазурь, на которой изображен лик Минервы. Жрать императрицу все равно нельзя, так что глазурь снимут перед поеданием торта.

Иона похвасталась, что придумала нечто получше. Бесстыдно пользуясь своею славой, Северная Принцесса отгеснила всех прочих клиентов и разместила заказ у лучшего художника Первой Зимы, подлинного гения. Он обещал выполнить портрет Минервы в новомодном метафорическом стиле. Владычица предстанет в виде коллажа из ее любимых символов: искра, Перчатка Янмэй, летающий корабль и цветок эдельвейса.

– Клянусь тебе, она ни черта не поймет, – рассмеялся Эрвин.

– Напротив, Мия скажет, что я изобразила ее душу! А лицо на торте – это пошлость для купеческих девок. Знаешь, кто оценила бы? Даю намек: хрю, хрю...

Кузен, однако, остался хмур. Иона и Эрвин уже не раз навещали его и знали, что каторга не слишком печалит Роберта. Да, ему пришлось сидеть взаперти, с утра до ночи сушить мозги и слепнуть над бумагами. Но заключение проходило не в подземелье, а на вершине горы, в святом месте, еще и с допуском к важнейшим документам Короны. По сути, каторга являлась почетною службой, и Роберт нес ее без нареканий.

– В чем дело, кузен? Что тебя огорчило?

– Ко мне приходил Деймон...

Три дня назад, на закате, Красавчик появился в келье. В его глазнице сидел обломок стрелы. Деймон сказал Роберту: «Я погиб из-за тебя. Ты мог быстрее прийти в Фаунтерру. Я ждал, но не дождался». Однако Роберт Ориджин – не из тех, кого легко завиноватить. Он указал призраку брата на крайнюю сложность наступления зимой и усталость воинов после двойной битвы в Лабелине. Он также отметил горячность Деймона, которая делала его безрассудным в бою. «Ты смеешь винить меня?!» – вскричал призрак. «Нет, – ответил Роберт, – но и ты меня не вини. Я бы не стал, если б был на твоём месте». Деймон еще позлился немного и исчез. Роберт лег спать, а уж на следующий день его накрыло.

– Понимаете, я думал, Деймон живет на Звезде, пирует в чертогах Светлой Агаты вместе с лучшими воинами Севера. Но он бродит тут, неприкаянный, несчастный. Как старый Одар прикован к креслу, так и Деймон – к своим костям...

Эрвин ответил:

– Мы не можем рассказать всего, но кое-что важное открылось в ту ночь, и теперь я сомневаюсь, что Звезда – лучшее место на Спирали. Возможно, это и хорошо, что душа Деймона осталась здесь.

Иона подтвердила:

– Я тоже так считаю. К матери приходил наш отец. Он был расстроен, упрекал ее... Но я порадовалась, что он все еще с нами.

Она рассказала подробно, и Роберт выразил облегчение:

– Ну, если так... Лорд Десмонд хотя бы присмотрит за Деймоном. Но я поговорю с аббатисой и попрошу большой молебен за упокой их душ. Возможно, тогда они простят меня и леди Софию...

Чтобы замаять тяжелую тему, Эрвин с Ионой поинтересовались работой кузена. Эрвин уже был в курсе дел, Иона многое пропустила и лишь теперь вникла полной мерой.

Почетная каторга Роберта включала безумное количество расчетов. Имперский секретариат и министерства снабжали его кипами бумаг с исходными данными. Роберт должен был вычислить, сколько стоит прокладка одной мили путей, содержание одного гвардейца или кайра, или одного чиновника. Во что обходится обучение одного инженера, врача, ученого, преподавателя. Чего стоит день существования двора, или полка имперской армии, или университета. А затем – самое трудоемкое – разделить все это на численность населения каждой земли и составить гигантскую таблицу. Один средний альмерец отдает в день: столько-то звездочек – на императорский двор, столько-то – на армию, министерства, университеты... А средний путевец отдает ежедневно на те же нужды... А средний закатник...

Работа была чудовищна по масштабу, ведь все данные подавались врозь, без системы. Следовало упорядочить их, просуммировать, свести к общим знаменателям, и лишь тогда вычислять. Что самое главное, все это не имело никакого практического смысла.

Согласно налоговой реформе, которую задумал еще Адриан, а затем поддержала Минерва, каждый работающий житель Полариса обязан был платить в казну от шестнадцати до тридцати двух процентов дохода (в зависимости от вида деятельности). Из этих денег формировался бюджет, который Корона тратила по своему усмотрению. Для сбора налогов не нужно вычислять, сколько пойдет на двор, армию, образование. Достаточно знать, сколько получает в месяц, например, путевский гончар – и какой процент из этого причитается Короне.

Словом, Роберту досталось трудоемкое и бесполезное дело – идеальная каторга.

– Сочувствую тебе, кузен. Но завидую тому, каким умным ты станешь через год вычислений. Я побоюсь сесть с тобою за стратемный стол.

Однако Иону что-то встревожило. Она попросила Роберта повторить объяснения, внимательно выслушала, покусывая ноготь.

– Дорогой, тебе не кажется, что Мия замышляет против нас?

Эрвин усмехнулся:

– Это говорит девушка, которая целует Мию при встрече? Ты, наконец, овладела высшим мастерством лицемерия?

– Не скрою: она симпатична мне, и, похоже, взаимно. Но твои с нею отношения всегда были окрашены узором взаимных интриг. Конечно, Мия не желает тебе большого зла, но может считать новую интригу чем-то вроде изящной партии в стратемы. В ее глазах это – проявление любви.

– Прошу тебя, сестрица! Нет никакой интриги! Она доверяет тебе Перчатку Могушества – самое дорогое, что имеет. А я через день ужинаю с нею, пью дурацкий ночной кофе и выслушиваю планы реформ. Мия столько думает о плотинах и рельсах, что у нее просто не остается умственных сил на заговор!

– Либо она умнее, чем ты полагал...

– Ты говоришь, как Тревога. Кстати, благодарю: она давно не появлялась, но ты успешно ее заменяешь.

Иона потрогала бумаги на столе Роберта:

– Кузен, скажи: что здесь написано?

– Бывает... Я же только объяснил.

– Ты объяснил поверхность. А что это по сути, в глубине?

– Бесполезное дело для развития ума и очищения души. Когда выйду отсюда, стану лучшим финансистом, чем прежде.

Иона погладила кузена по плечу. Вышло немного снисходительно – к счастью, Роберт этого не заметил.

– Милый братец, а ты что думаешь?

Эрвин пояснил Роберту:

– Прости сестру, она успела стать чуточку святой. Сама аббатиса просила у нее благословения... Иона, не умничай, а скажи прямо: что увидела в бумагах?

Принцесса кротко развела руками:

– Не знаю, честно. Никогда не любила и не понимала финансы... Просто чувствую подвох. Эрвин, посмотри, пожалуйста.

Только ради сестры он склонился над таблицами и долго, внимательно вникал. Взял чистый лист, выписал несколько чисел, перемножил, высчитал проценты. Шестнадцать процентов, тридцать два... Покусал кончик пера, перепроверил расчеты... И вдруг расхохотался:

– Милая сестра, здесь точно нет интриги. Это пустой труд во благо души, как и сказал Роберт. Едва Мия получит эти бумаги, она сожжет их в печке.

– Почему ты так думаешь?

– Перед нами доказательство того, что династия Янмэй – бесполезный паразит. Что еще, тьма сожри, может сделать с ним янмэйская императрица?

* * *

– Распухшая Дама живет в нашем озере, – излагал первый мистик Обри. – Если девушки заплывают на середину, она хватает их за пятки и тащит под воду. Обычно потом отпускает, а иногда нет. По всему видно: Распухшая Дама – утопленница, и кости ее до сих пор лежат на

дне. Просто так она с нами не заговорит: мы не знаем имени, и полнолуние прошло. Но если вытащить со дна хотя бы одну кость...

Иксы внимательно слушали, а Мередит вертела головой. Посмотреть таки было на что: весь двор бурлил подготовкой. Слуги забивали крючья и развешивали гобелены по крепостным стенам. Воины гарнизона, построенные в блестящую шеренгу, слушали наставления леди Софии о нормах поведения на праздник. Герцог и кастелян улыбались, но не перечили герцогине. На боевой галерее репетировал хор, лошади подпевали из конюшни. Леди Иона, вооружившись Перчаткой Могущества, поднимала на стрелковую площадку клавесин.

– О, боги, все так!.. Здесь они все!.. И на ней та самая!.. – Мередит никак не могла выбрать главную цель для своего восторга.

– Как мы достанем кости? Там же чертова глубина...

– Я знаю, кто нам поможет!

Обри увлек иксов за собой – вверх, на стрелковую площадку. Леди Иона трудилась, напряженная до предела. По благородному челу стекали капли пота, губы сжались добела, рука, казалось, превратилась в камень. С большим усилием Иона направила клавесин куда нужно, повернула ножками вниз и опустила на площадку.

– Получилось!.. – воскликнула принцесса, еще не веря в успех.

– Миледи, позвольте обратиться.

– Скажите, он по центру стоит?.. Вроде, не совсем. Ничего, сами подвинут, я сделала главное! – Она расцвела в улыбке. – Слушаю вас.

– Миледи, нам требуется ваше содействие, – сказал Обри.

– Во имя Агаты, – веско вставил Шрам.

– Нужно поднять со дна озера кости утопленницы. Только вы способны помочь.

Леди Иона посмотрела на Перчатку – отнюдь не так уверенно, как хотелось бы кайрам.

– Вы были знакомы с покойной?..

– В некотором роде.

– Хотите предать ее земле?

– Так точно.

– Славное дело, но... – Иона перевела взгляд на синюю воду. – На дне лежат сотни скелетов, как я найду нужный?

Лица иксов обрели торжественный вид:

– Агатовское чутье подскажет вам. Никто, кроме вас, не сможет. Даже Минерва.

В вассальной присяге отсутствуют слова: «Клянусь не манипулировать чувствами своей сеньоры, о которых узнал, подсматривая за гаданием». А зря.

– Ну, если я – ваша последняя надежда... Видимо, мой долг – оказать помощь.

Иона решительно нацелила Перчатку на озеро. Раздался шорох и стук, что-то взмыло к небу.

– Миледи, стойте!

Поздно. Иона забыла отцепить лучи от клавесина. По взмаху руки инструмент взлетел, как ядро из камнемета, описал красивую дугу и плюхнулся точно в центр озера. Утки разлетелись с криканьем, купальщицы завизжали. Клавесин погрузился по ватерлинию и лег в дрейф, блестя скрипичными ключами на бортах.

– Ой...

К несчастью, именно в этот момент леди София решила проявить заботу и обратила взгляд вверх:

– Как ты там, доченька? Но зачем... Куда... Аааа! Что ты творишь?!

Герцогиня-мать ринулась к лестнице на стену.

– Простите за беспокойство, миледи. Служим Агате.

Кайры отсалютовали принцессе и исчезли ровно за вдох до прибытия леди Софии.

– Что ж, применим резервный план, – постановил Фитцджеральд.

Одинокая лодка бесшумно скользила по ночному озеру. Приятная прохлада поднималась от воды. Звезда и замковые огни отражались в зеркальной глади. Ледовый лабиринт таинственно мерцал на дальнем берегу.

– Как романтично!.. – восхитилась девушка. – Спасибо, что пригласили меня!

– Леди Мередит, слушайте задачу. Сейчас вы падаете в воду. Утопленница хватает вас за пятки и тянет на дно.

Кайр Обри ловко поймал девичью ножку, скинул туфельку и надел на лодыжку петлю.

– Что?.. Зачем?!

– Распухшая Дама схватит вас, а мы вытащим обеих. Так-то она и попадетя.

– Нет, я не согласна!

– Сударыня, посмотрите на меня. Вы – очень красивая девушка. А красивые девушки всегда упорно идут к цели.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Красотки славятся упорством.

– Но я боюсь!

Обри стащил с нее вторую туфельку.

– Сударыня, посмотрите мне в глаза. Вы хотели отомстить призраку. Он разбил вашу любовь с баронетом.

– Не такая уж и любовь. Просто...

– Просто или нет, но он вас оскорбил! Выставил истеричкой, такое нельзя прощать. Мечь – это блюдо, которое нужно подавать холодным.

– И мокрым, – добавил Шрам и столкнул девицу за борт.

Она вскрикнула, погрузилась с головой. Вынырнула, отплеываясь.

– Что вы себе позволяете?! Поднимите сейчас же!

– Еще рано. Она еще не схватила.

– Не надо меня хватать!..

Мередит потянулась к борту. Шрам совершил гробок, и лодка на ярд отплыла от девицы.

– Тьма сожри! Это уже полное хамство!

– Если она будет ругаться, ничего не выйдет, – отметил Фитцджеральд. – Распухшая Дама хватает тех, кто плавает в удовольствие.

– Твоя правда, брат... Сударыня, наслаждайтесь!

– Что?!

– Купайтесь с удовольствием. Поплещитесь, скажите: «Какая водичка!»

Она задохнулась от негодования и гневно поплыла прочь от лодки. Прошла минута. Обри не совсем равнодушно наблюдал за девицей. Фитцджеральд и Шрам обсудили судьбу клавирина:

– Думаешь, он причалил или разбился о рифы?

– Скучно мыслишь. Его взяли на абордаж, разграбили и потопили.

– А вода и вправду хороша!.. – донесся голосок Мередит.

Девушка вошла во вкус и плавала туда-сюда, грациозными движениями рассекая озеро.

– То, что нужно, после жаркого дня! Кайр Обри, а вы не... Оох!

Внезапно она ушла под воду. Бултыхнула руками, показалась на миг – и исчезла вновь.

Шрам схватился за веревку:

– Клюет!

Фитцджеральд придержал:

– Погоди, пусть заглотит покрепче.

Мередит перестала биться и исчезла в глубине. Несколько пузырей воздуха всплыли на поверхность.

– Тяни!

Иксы дружно потащили веревку.

– Раз-два!.. Взяли... Раз-два!..

Либо утопленница крепко держала Мередит, либо девушка оказалась не такой худой, как виделась на первый взгляд. Тянуть было трудно. В какой-то миг Обри даже запаниковал и собрался прыгнуть в озеро. Но вот из воды показалась ножка, за нею вторая, а там уж рукой подать до остальных частей тела. Мередит затащили в лодку, Обри кинулся делать искусственное дыхание, а Шрам приказным тоном отчеканил:

– Распухшая Дама, мы тебя поймали! Ответь на наш вопрос, не то тебе несдобровать!

Фитцджеральд спохватился:

– Тьма, так она не услышит. Надо же свечу зажечь!

– Сам и зажги, ты младше по званию.

– Огниво у тебя.

Достали огниво и свечку. Последняя оказалась мокрой – девушка забрызгала, падая за борт. Шрам стал вытирать, но лишь измазал рубаху воском.

– Распухшая Дама, – сказал Фитцджеральд, – давай в этот раз как-нибудь без свечи. Ты же слышала, как Мередит наслаждалась, вот и нас услышишь. Один дух проказничает в замке. Хотим знать, не ты ли это?

– Не смей хитрить! – грозно добавил Шрам. – У нас есть леди Иона, а у нее – Перчатка Могущества.

– Кха-кха-кха... Это не она... – прокашляла Мередит.

– Откуда знаете?

– Она сказала... под водой. Кхе-кхе... Сказала: та, другая... Кха...

Несмотря на явные признаки жизни пострадавшей, Обри норовил продолжить искусственное дыхание. Шрам строго отодвинул его.

– Барышня, скажите толком: какая другая?

– Распухшая Дама сказала, кха-кха, дайте мне покой! То этот морозил воду Эфесом, то смолу жгли на льду, то шаваны тонули с конями, теперь вы рыбалку затеяли... Она сказала, кха-кха, устала я, отвяжитесь. Я подумала: тогда сама отвяжись и не пугай нас! А она прочла мысли и говорит: это не я пугаю, а Мерзлячка.

– Мерзлячка?

– Девушка упала в прорубь и замерзла. Но ее вытащили перед смертью и унесли в замок, скончалась уже там. Ее кости не в озере, а где-то еще.

– Мерзлячка... – повторил Шрам.

– Ни костей, ни настоящего имени, – вздохнул Фитцджеральд. – А времени в обрез, послезавтра праздник.

– Но вы отлично поработали, Мередит! – сказал кайр Обри. – Больше того, совершили подвиг.

– Правда?

– Абсолютная. Посмотрите мне в глаза!

Шрам покачал головой:

– Придется идти к Одару. Остальное испробовано.

– Одар пошлет нас во тьму, – ответил лейтенант. – Нас даже лорд Десмонд послал бы, а в Одаре было спеси, как в трех лордах Десмондах.

– Эхх-ма... Значит, добудем аргумент.

– Братья, нас могут разжаловать за это, – сказал Фитцджеральд, и низкий каменный свод эхом отразил слова.

– Бери больше, могут и лишить плащей. Обри, нельзя как-нибудь иначе?

Первый мистик отрицательно качнул фонарем:

– Сам знаешь, что нет. Или место смерти, или косточки. Одар Спесивый погиб под Лабелином, туда нам до завтра не успеть.

Фитцджеральд поднял лом. Таким движением зеленый грей поднимает меч перед дракой с наставником.

– Не хочется, братья... Ох, не хочется...

– Кайры славятся упорством, почти как красотки, – мстительно напомнила Мередит.

– Тьма меня сожри! Ладно, начали.

Три лома со звоном вонзились под крышку саркофага...

Часть 3

24 августа 1776 г. от Сошествия

День рожденья начался великолепно. Блестящий кортеж доставил императрицу из городского дворца в замок, где и намечались празднования. Минерва хотела воспользоваться Перчаткой и перелететь по воздуху, но первая фрейлина заранее изъяла Перчатку. Владычица и так ежедневно порхает туда-сюда, а образ воробья не к лицу августейшей персоне. Тогда Мира захотела провести ночь прямо в замке, но и это было запрещено.

– Уж сегодня вы переночуете в городе, а утром оденетесь к празднику под моим приглядом.

Леди Тальмир выделила ударением «сегодня» и «моим», давая понять: в торжественный день она точно не допустит, чтобы владычицу одевала какая-нибудь Иона.

В светлом утреннем платье, усыпанном жемчугом, владычица села в открытую карету и степенно пересекла город. Перед нею ехала почетная дюжина лазурных гвардейцев; позади – почетная дюжина алых. Кони – под праздничными попонами; гвардейцы – при полном параде, на подбор высоченные, хоть заглядывай в окна вторых этажей. К слову, низкорослую Минерву фрейлина обула в туфли на здоровенном каблуке: «Пора вашему величеству расти над собою».

Горожане почти не кричали приветствий, просто глазели на роскошный кортеж, поразивав рты. Они привыкли видеть владычицу вечно занятой, на бегу и в удобном платье. Нынешний пафос ошаршил всех, что было Мире весьма приятно.

Вдоль замкового моста выстроилась почетным караулом рота иксов. Владычица проехала мимо шеренги безмолвных воинов, чьи черные плащи колыхались на ветру. Ворота замка встретили ее яркой росписью: рассветное солнце встает из-за моря. Известный символ новой жизни служил метафорой: новорожденная Минерва входит в замок Ориджинов, будто в жизнь. Лейла Тальмир буркнула нечто язвительное.

Во дворе Мира ахнула, увидев интерьер. Башни были украшены цветами и лентами, каждая напоминала букет. Стены спрятались под флагами и полотнищами гобеленов. Журчал фонтан – настоящий фонтан! Мира даже не догадывалась о его появлении: прежде его маскировали мешковиной.

– Как восхитительно! – владычица прижала руки к груди.

Фрейлина скрыла за веером недовольную мину.

Ориджины тепло поприветствовали владычицу и пригласили к столу с закусками, размещенному у фонтана. Леди София дала бой традиции пировать с утра до ночи и разбила день на несколько актов. Утро: легкие вина и закуски, вручение подарков, невинные игры. Дневная песня: обед, крепкие вина и танцы. Вечерняя песня: сладкий стол и особые игры, а после заката – представление в лабиринте.

Согласно плану, Мира проследовала к закускам и с первых шагов сделала открытие: ходить по брусчатке на высоком каблуке – нетривиальная боевая задача. Зато я чуточку выше Ионы, – утешила себя владычица.

Игристое вино разлилось по бокалам, и Эрвин сделал попытку сказать первый тост, но был осажен матерью. Лорды на празднествах обычно говорят в порядке старшинства, из-за чего прим-вассалы грызутся за место в очереди, а секунд-вассалы упиваются в хлам прежде, чем до них дойдет слово. Леди София положила этому край: бросила в шлем пятьдесят бумажек, на каждой значились слово и номер. В начале дня все тянут бумажки, а затем говорят тосты в порядке номеров, причем в своей речи необходимо упомянуть указанное слово. Гости вытащили номерки, леди Софии досталась единица и слово «эксплорада».

– Хуже эксплорады может быть только Темный Идо, – отметил герцог.

Но герцогиня-мать, не моргнув глазом, выдала такое лестное четверостишие, что именинница покраснела.

– Мошенница, – заявил Эрвин.

Мира выпила до дна, заслужив острый взгляд Лейлы Тальмир. Затем все проследовали в большой зал, где именинницу ждали подарки. Их было множество, и самых разнообразных! Мира просто не могла изучить все и решила посвятить этому завтрашний день. А нынче запомнились лишь самые яркие.

Леди Иона подарила очень красивую и совсем непонятную картину.

– Это сюжет какой-то книги? Я должна угадать название?.. Спасибо, миледи, обожаю загадки!

Иона почему-то поджала губы, а Эрвин захихикал.

Дориан Эмбер подарил книгу с черепом на обложке и жуткими историями внутри. Мира раскрыла наугад и не смогла оторваться, пока не прочла страницу до конца.

Подарком леди Софии был сам день рождения, и, по всем признакам, она постаралась на славу.

Первая фрейлина преподнесла платок, который вышила сама. Это было очень трогательно: никто другой не изготовил подарок своими руками.

Старейшины гильдии воздухоплавания сделали потрясающий дар: нарядную летающую карету! Она была идеально приспособлена для полетов с помощью Перчатки: в полу имелись стеклянные окна, чтобы видеть, куда целятся лучи, а в центре кабины – устройство с гириями, чтобы балансировать нагрузку при разном весе седоков.

– Чудесно! Испытаю прямо сейчас!.. Ах нет, я же не взяла Перчатку.

Мира с упреком глянула на Лейлу, и та шепнула в ответ:

– После игристого вам только летать.

Но больше всех запомнился капитан Шаттэрхенд – поскольку явился с пустыми руками. Прошел строевым шагом через зал, встал навтыжку перед владычицей и отчеканил:

– Ваше величество, приношу поздравления и извинения. Мой подарок не был доставлен вовремя. К вечеру будет всенепременно. Прошу простить.

Мира ответила, что ему не стоит волноваться, она вовсе не желала подарков ото всех. Если бы каждый гвардеец вручил что-нибудь, она бы задохнулась под грудой вещей.

Капитан скуксился от слов «каждый гвардеец», буркнул:

– Виноват, честь имею, – и удалился.

А Эрвин подмигнул ей с хитрым видом:

– Мой подарок тоже прибудет позже, и вы его ни с чем не перепутаете.

За подарками последовали смешные тосты по заданным словам, а потом закуски и утренние невинные игры. Все шло забавно и легко, Мира веселилась от души. Лейла Тальмир пыталась ограничить ее пыл, но владычица призвала на помощь гвардию. Чтобы защитить ее величество, капитан Уитмор принялся спаивать фрейлину. Его зычный голос то и дело взлетал над двором:

– По пор-ррядку номеров! Кто следующий? Какое слово?

– Министр Лиам Шелье, номер семь. Барсучок, с вашего позволения...

– Приступайте!

– Ваше величество, барсучок – он жирный, пушистый и на вид приятный. Так пусть казна империи под вашим руководством будет такую же плотной, густой и радующей взгляд!

– Засчитано. Пьем до дна. Леди Лейла, команда была – «до дна»!

Гостей собралось порядка двух сотен, и естественным образом все стали разбиваться на группы. Прим-вассалы Ориджина затеяли спор на вечную тему: как можно было еще лучше выиграть битву при Первой Зиме? Для полноты дискуссии применили три стратегических поля

и бочонок орджа. Секунд-вассалы (младшие офицеры) привлекли сотрудниц секретариата к игре в шарады по особым правилам. Мира попыталась узнать таковые, но офицеры ушли от ответа, сославшись на военную тайну. Дориан Эмбер и Уильям Дейви окружили вниманием леди Иону. Каждый действовал из чистых дружеских побуждений, как же иначе? Однако Иона решила, что ее соблазняют, и с видом торжества стала поглядывать на Миру. Владычица тем временем посматривала на лорда-канцлера. А на кого поглядывал бы он при естественном ходе событий – мы не узнаем, поскольку герцога отвлекло прибытие официальных гостей.

Послы из Фейриса и Закатного Берега, а также южный вельможа по имени Ней-Луккум не нашли ничего лучше, как явиться с поздравлениями сегодня, прямо в день рождения. Редкое невежество! Прием официальных делегаций и формальных поздравлений – тяжкий труд для императрицы, не имеющий ничего общего с празднованием. Особый день назначается для этих целей. Но отказать во внимании послам, проделавшим дальний путь, было никак нельзя. Чтобы соблюсти вежливость, герцог лично принял их в своем кабинете и застрял на добрых три часа.

Тем временем гости проголодались, и была подана трапеза. Не дав обеду перерасти в ужин, леди София вскоре выдворила гостей из-за столов и объявила танцы. Владычица хотела одарить герцога честью первого танца, но этот хам до сих пор не явился, и честь досталась генералу Дейви. Замковый двор оказался неплохим местом для бала: высокие стены спасали от жары, а музыка звучала прекрасно, отражаясь от древних камней. Если б только не брусчатка под ногами... Мира на каблуках дважды попыталась подвернуть лодыжку, чередуя стоны боли с заверениями: «Ах, не волнуйтесь, все прекрасно!» Генерал Дейви оказался не только понятливым, но и сильным. Приподнял императрицу, покружил, пока звучала музыка, а затем опустил на землю. После этого Мира забыла про бальную карту и выбирала партнеров сугубо по ширине плеч: барон Стэтхем, кастелян Хайрок, даже Роберт, сосланный ею на каторгу.

– Милорд, вы же не станете смеяться, если я приглашу вас?

– Бывает...

Худосочному Дориану Эмберу было отказано, и он нашел утешение в танце с леди Ионой.

Эрвин София Джессика наблюдал за событиями из окна кабинета, ведя разговор с послами трех земель. Дозорные кайры встретили послов на границе герцогства больше недели назад. Эрвину ничего не стоило устроить их прибытие в Первую Зиму днем раньше или позже. Однако большим влиянием на герцога всегда обладала сестра. В данном случае сказалась ее идея о том, что изящная интрига – это признак любви. Эрвин приказал дозорным доставить послов в тот единственный день, когда владычице не до них.

Много любопытного было сказано в ходе беседы, но вот герцог увидел через окно, что в замок привезли чудо-торт. Пропускать фейерверк Эрвин не желал, потому выделил послам комнаты и распрощался. Он вышел во двор и сразу был пойман теми, кто ожидал его внимания. Генерал-полковник Стэтхем жаждал показать герцогу на стратегном поле новую расстановку битвы. Фитцджеральд и Шрам просили внести изменения в план праздника. Эрвин не успел понять, какие именно, когда в беседу влез баронет со странными вопросами касательно мужской и женской дружбы...

– Господа, увольте! Какие битвы и какая дружба, когда меня ждет торт! Лучше скажите, куда подевался сладкий стол?

– Леди София решила, что во дворе мороженое растает, и перенесла десерты в трапезную.

– Как – в трапезную?..

Герцог вбежал в помещение, движимый нехорошим предчувствием. Первым делом он увидел огромный торт, увенчанный батареей из двадцати взрывчатых свечей. Императрица любовалась портретом на глазури:

– Это же я, какая прелесть!

Иона всем своим видом сигналила: «Без-вкуси-ца». А Дейви склонился над тортом с искровой зажигалкой, и офицеры хором кричали:

– Поджигай! Поджигай!

И что-то еще было неправильно в этой картине, очень неправильно, но Эрвин не успел понять. Раздался крик: «Поберегись!» – и он шарахнулся к стене, а в трапезную въехал конь.

Точнее, не конь, а белая лошадь. Роскошная, мускулистая, пышногривая – из тех кобыл, которых жеребцы чувят за милю. Верхов на ней Харви Шаттэрхенд лихо проскакал всю трапезную, опрокинул несколько стульев и до визга напугал служанок. У дальней стены развернул кобылу и, гарцуя, подъехал к Минерве.

– Вот мой подарок! Если в мире есть лошадь, достойная императрицы, то теперь она ваша!

Хладнокровие при кавалерийской атаке выдает опытного воина. Дамы ахали и визжали, министры пучили глаза, слуги разбежались от копыт... а бывалый генерал Дейви спокойно продолжал свое дело: поджигал свечи на торте. И лишь теперь Эрвин понял, в чем проблема: они стояли фитилями кверху! Некто заботливый перевернул шутихи и воткнул так, как подобает настоящим тортовым свечам: остриями вниз, хвостиками вверх.

– Дейви, нет! Это фейер...

В следующий вдох свечи изрыгнули снопы искр и зарылись в толщу крема. Гости устались на торт, который выбрасывал к потолку хвосты пламени.

– Прячься! – крикнул герцог и присел за спинку ближайшего стула.

Пуффф! Торт взорвался почти бесшумно, сдобная масса поглотила грохот. Просто он был – и не стало. А вокруг стола вместо людей возникли сорок снеговиков, украшенных ягодами и цветной глазурью.

Первой опомнилась кобыла Шаттэрхенда: издала ржание и ринулась прочь из этого жуткого места. Белый седок, мчащийся на белой лошади, оставлял за собою шлейф из белых капель, словно хвост кометы.

Затем императрица облизнула губы и сказала:

– Вкусно...

Тогда гости начали хохотать. Так всегда бывает: чем сильнее удивление, тем громче смех. Люди чуть не падали, заливаясь и таращась друг на друга.

А Эрвин София восславил свою предусмотрительность – ведь никому, кроме Роберта с Ионой, он не сказал о секрете торта. В чистейшем мундире он прошел мимо жертв своей проделки, подобрал на пробу немного крема с шеи сестры, признал правоту владычицы: вкусно. Когда гости устали хохотать, герцог объявил с авторитетным видом:

– Полагаю, это наш призрак поздравил ее величество. Благодарим за подарок!

Последовал новый взрыв смеха. Кто-то спросил:

– А что теперь, милорд?.. Мы же того...

Эрвин едва сдержал хохот: еще как «того», у некоторых только глаза видны.

– Купание намечалось на рассвете, но мы изменим план. Кастелян приготовит для гостей сменное платье, а вы разделитесь на две группы и отправитесь купаться. Сперва мужской отряд, затем женский.

Возникло движение: часть барышень попыталась примкнуть к мужскому отряду, часть мужчин, напротив, затаилась среди кремowych дам. Леди Иона заявила брату:

– Я буду в твоём отряде.

Эрвин повел бровью:

– Я не вхожу ни в какие отряды. Как видишь, я чист душою и телом... Эй, что ты задумала?!

Герцог бросился наутек. Сестра погналась за ним и с помощью пары горстей крема привела в подобающий вид. Мира тоже хотела поучаствовать в охоте на волка, даже приготовила боеприпасы, но фрейлина оказалась тут как тут:

– Время переодеться в вечернее платье. Проследуем в ваши покои, там примете ванну.

- А купание в озере? Я хочу купаться!
- Умение сдерживать себя – ценнейшая черта правителя.
- Они ушли, переругиваясь по пути.
- Леди Лейла, вы отравляете мне праздник.
- Когда наступит мой день рождения, сможете отомстить.
- Я не запрещаю вам развлекаться. Нельзя запретить то, чего человек никогда не делает.
- Ха-ха-ха, как тонко. Владычица, у вас мармелад в волосах.

* * *

Но три человека не поддавались общему веселью. Напротив, с каждым часом их тревога росла. Только в большой трапезной иксы могли исполнить задуманное, а она постоянно была занята то гостями, то слугами. Даже сладкий стол, который планировался во дворе, тоже перенесли в зал. Когда торт внезапно взорвался, иксы признали: лихо придумано, леди София не лишена пиратского духа. Они ни на миг не поверили, что взрыв – дело рук привидения. Призрак нанесет удар позже, когда стемнеет. Если воины герцога не остановят его!

Одни гости убежали купаться, другие, не задетые кремом, выпили орджа и затеяли игру в фанты. Полководцы вернулись к стратегической доске. Владычица спустилась во двор в ослепительном вечернем платье и делала вид, будто интересуется игрой, а на самом деле собирала комплименты. Трапезная же оставалась занята: слуги убрали последствия взрыва.

Лишь после заката зал, наконец, опустел. Как и весь замок: знать ушла смотреть представление; слуги, окончив уборку, убежали следом за знатью. Тогда скрипнула дверь большой трапезной, и шаги трех кайров прошуршали по коврам. Фитцджеральд, Обри и Шрам подошли к старинному резному креслу во главе стола. Мередит с ними не было.

- Будет опасно, – ранее сказал ей Обри. – Если герцог узнает, нам несдобровать.
- Полно, я видела герцога с сестрой, милейшие люди.

Мередит жаждала узреть финал охоты. Лишь один довод смог убедить ее:

– В ледовом лабиринте – представление. Мерзлячка пойдет в атаку: это лучший момент. Она прикинется Гной-гантой и ворвется в лабиринт, как он тогда. Один из нас должен находиться там, чтобы успокоить людей.

Скрепя сердце, девушка ушла на представление. А трое иксов вступили в трапезную, и их решимость улетучилась, как дым.

- Братья, мы готовимся шантажировать герцога Ориджина.
- Он давно мертвец.
- И живым Ориджинам на него наплевать – ты об этом ведешь речь?
- Давайте начнем по-доброму. Вдруг выйдет...

Обри поставил запертый сундучок у стены, возле склада минервиных подарков. Шрам зажег свечу, шесть ладоней окружили ее.

- Говори...
- Ты говори!
- Герцог Одар Ориджин, просим прощения. Мы обращаемся к вам по важному делу. Фитцджеральд перечислил имена и чины. Сказал, что речь идет о безопасности замка.
- Один мятежный дух разводит смуту и пугает личный состав. Нужно найти на него управу.

Ни звука. Занавеска тихо болталась на открытом окне. С потолка упала капелька крема.

- Милорд, прямо сейчас дух готовится нанести удар по собранию женщин в лабиринте.

Моральный ущерб будет огромен.

В ответ – тишина.

Шрам процедил:

– Ладно, чего уж...

Подошел к креслу, ощупал, будто боясь обжечься, и поместил зад на краешек.

Ничего не произошло. Кайры наострили уши – ни одного шепотка в звуках ветра. Шрам поерзал ягодицами по старинному креслу, покашлял, надеясь привлечь внимание. Призрак ничем не выдал своего бытия.

– Придется, – выронил Обри. – Иначе никак.

Он отпер сундучок и достал человеческий череп. Тот выглядел паршиво: лицевые кости были проломлены, трещины покрывали верхнюю челюсть. Обри искал места для него. Обеденный стол не так давно был залит кремом, и все вокруг хохотали. Чтобы не осквернить череп герцога, кайр применил подставку: взял книгу из числа подарков – благородного вида, темную с серебром. Книга легла возле свечи, череп разместился на черной обложке, озаряемый тусклым светом.

– Герцог Одар, простите, что мы прибегли к такому средству. Дело очень серьезное. Ответьте нам.

Колыхнулись занавески. Порыв ветра донес отзвуки музыки из лабиринта. Но ни одно слово не достигло слуха кайров.

– Герцог Одар?..

Тишина.

– Братья, – признался Шрам, – я чувствую себя кретином. Что, если нет никаких призраков?

– Как – нет?

– Мы же не видели никого из них. И Дама, и лидский генерал говорили через Мередит. Может, она просто нас разыграла?

– Мередит – честная девушка! – вступился Обри.

– А мы – честные парни. Но шутили же над Минервой в день гадания...

Свеча сгорела уже на треть. От бывшего азарта не осталось и следа. Становилось тоскливо.

– Пойдем-ка в гробницу, вернем череп, пока не поздно, – предложил Фитцджеральд.

– Нет, стойте! – Обри озарила мысль. – Вспомните: надо что-то интересное сказать. Приманить духа какой-нибудь историей.

– Ну, приманивай...

Шрам встал из герцогского кресла и принялся глядеть в окно. Фитцджеральд смотрел на Обри, но без особенной надежды. Первый мистик задумался:

– Э... Ну... Я вот что расскажу. В день великой битвы я, леди Иона и Хайдер Лид...

– Да брось, – вмешался Шрам. – Хоть духа не смести, если он существует.

– А лучше как ты, дурную летопись читать? – обиделся Обри.

Однако он глянул на книгу, служившую подставкой. Она называлась: «Тайные ужасы Первой Зимы», и сочинительницу звали подобающе: Мегара Эстель. Типичное имя для ведьмы... Обри решил: попробуем, терять уже нечего. Раскрыл книгу там, где лежало ляссе, и в дрожащем алом свете принялся читать вслух.

Сын лорда знал, что отъявленную ложь следует прятать на виду. Он мог быстро похоронить труп, сославшись на скверное его состояние. Вместо этого сын оказал великому отцу посмертную почесть: выставил тело для прощания на трое суток в большом зале родового замка. Труп не лежал в гробу – он был усажен в кресло во главе стола. Сын первым упал перед ним на колени и поцеловал гниющую руку, с которой едва не сплывала перчатка. Затем подошли братья покойного и другие сыновья. Вдова и дочери, и племянницы. Вассалы и рыцари, и главы городских гильдий. Бинты покрывали лицо трупа, но все же нельзя было смотреть без содрогания. Чудовищный смрад не давал дышать. Дамы плакали, выходя из зала; воины прикладывались к флагам.

Однако все без исключения восхищались сыном. Ему хватило мужества не только спасти покойного, а и довести до родного замка, и воздать отцу почести, невзирая на страх! По меньшей мере трое могли претендовать на наследство павшего лорда, но после такого проявления железной воли никто не посмел перечить этому сыну. На четвертый день он похоронил гниющего чужака в фамильной усыпальнице, велел отмыть кресло и воссел на него, чтобы править землей. История запомнила его великим и славным лордом, лишь немного уступавшим отцу.

А труп отца достался дикарям, был изрублен на куски и отдан свиньям и собакам. Из черепа сделали чашу, немногими уцелевшими костями украсили щиты и рукояти мечей. Душа покойного не смогла улететь на Звезду и рухнула обратно на землю, словно птица, пронзенная стрелой. Покойный лорд не питал иллюзий относительно шаванов: в их обычаях – глумиться над телами врагов, и по их меркам ничего особенного не сделано. Но вот сын... Родной сын из страха перед наказанием усадил на трон омерзительный труп чужака! И заставил всех, включая вдову, кланяться ему! Душа лорда переместилась в родовой замок и навеки приковалась к оскверненному креслу – чтобы никто чужой больше никогда не сел в него. Несколько веков он провел в этом кресле и около, неспособный покинуть пределы зала.

Обри начинал тихо и слегка стыдливо, ожидая насмешек Шрама. Но по мере чтения голос становился крепче и холоднее, и вкрадчивей. Наполнялся льдом, пробирал до костей, как сквозняк зимою. Фитцджеральд оставил свечу и обхватил себя руками за плечи. Шрам начал постукивать зубами. Да и сам Обри уже дрожал от стужи, но продолжал читать.

И вот в чем жуткая ирония. Среди его потомков были и тонкие люди, способные услышать голос призрака. Лорд мог рассказать обо всем, попросить разыскать ту самую чашу-череп и заменить кости в фамильной гробнице – тогда его душа улетела бы на Звезду. Но для этого следовало сознаться в том, каким трусом и лжецом оказался любимый сын. Призрак не мог стерпеть такого позора. Столетиями он ждал иного способа обрести покой...

– Смотрите! – вскричал Шрам.

На окнах появилась изморозь. Узор инея покрыл стекла. Занавеси больше не дрожали – подернулись льдом и задубели в неправильной форме.

Дзинь – раздался звон. Замерзшая капля крема упала с потолка на стол и разбилась от удара.

– Герцог Одар?.. – изо рта кайра вылетело белое облако.

Внезапно окна захлопнулись разом. Одна из занавесок разлетелась ледяной крошкой. Шрам ринулся к двери, но створки накрепко примерзли друг к другу. Все щели запечатались полосами льда.

– Свеча! – крикнул Фитцджеральд.

Над огоньком возник крохотный смерч. Маленькая воронка вьюги неспешно опускалась на свечу. Ее медлительность оставляла кайрам вдох или два...

Они бросились к свечке. Оледеневшие мышцы противились движению. Неуклюже подбежали, упали локтями на стол, накрыли огонек ладонями. Сперва Обри и Фитцджеральд, потом подоспел шрам. Пламя укусило пальцы, но это ерунда. Вот что страшно: воронка смерча окружала их руки, хлестала по коже, морозила суставы, рвалась между пальцев, силясь добраться до свечки.

– Если погаснет, нам конец, – прошептал Обри.

Иней покрыл уже весь зал. Стояла такая стужа, какой не видывали даже январские ночи. Одежда на кайрах ломалась и хрустела, волосы поседел от снега. Единственное тепло излучала свеча. Маленький огонек давал кайрам силы сопротивляться морозу.

– Г-герцог Одар, – выдавил Шрам, – п-простите, что я сидел в к-кресле. Но у нас в-ваш череп, вы д-должны подчиняться...

– Эт-то не его ч-череп, – простучал зубами Обри.

И тогда – впервые – они услышали голос призрака.

Со звоном лопнули бутылки вина, оставленные слугами. Красная жидкость стала быстро замерзать, и в треске возникающего льда проступили слова:

– Вы не должны были знать. Никто не должен.

Воронка вьюги плотнее обхватила ладони. Кожа побелела, кайры уже не ощущали рук. Еще пара вдохов – и мороз доберется до свечки.

– Милорд, мы к-к-клянемся беречь т-т-тайну. Ник-кто не узнает...

Бах – разлетелась еще одна бутылка. Вино замерзло за миг, только два слова успели прозвучать за треском:

– Вы знаете.

– М-милорд, слово к-кайров! Мы иксы отб-борной роты, служим в-в-вашему роду!

Стало еще холоднее. Судорога свела руку Обри, пальцы растопырились, вьюга рванулась к огоньку.

– Книга! – крикнул Фитцджеральд.

Они увидели: во всем зале лишь один предмет не покрылся инеем – фолиант в черной обложке.

– Она м-может г-гореть! Жгите!

Обри не сумел дотянуться, руки не слушались его. Шрам прикрыл свечу левой рукой, а правой потянулся к тому, схватил, сунул страницу в огонь. В тот же миг вьюга ударила по свече и затушила, лишь кончик фитилька еще теплился алым. Рука дрожала слишком сильно, книга ходила ходуном. Шрам схватил переплет зубами, а рукою приложил угол страницы к фитилю.

Обри и Фитцджеральд уронили ладони. Воздух замерзал в легких. Едва держась на ногах, иксы смотрели на свечу. Фитилек продолжал тлеть, источая последние крупинцы тепла. А страница не занималась.

Дух Одара Спесивого принимал решение.

И вдруг бумага шевельнулась – и вспыхнула. Огонь побежал по странице, весело треща, и трое кайров услышали разом:

– Читайте.

Как же прочесть, если книга сгорает?! Но они присмотрелись и увидели чудо: горела не бумага, горел воздух в дюйме над страницей! А книга оставалась нетронутой, и воля призрака была теперь кристально ясна: он хочет, чтобы кайры узнали все.

Перевернув страницу, Обри стал читать, и голос сразу окреп, избавился от дрожи.

Однажды, уже в не столь давние годы, в замок принесли девочку. По глупости своей она провалилась под лед. Ее вытащили, но не смогли спасти. Когда лихорадка остановила сердце, душа девочки выползла из тела и сказала жалобно:

– Я только хотела, чтобы он меня увидел...

– Тебя вижу я, – прокрипел старый лорд.

Он состоял из костей, обглоданных собаками и свиньями. Девочка в ужасе завизжала, кинулась бежать... Но воля лорда, закаленная веками мучений, поймала ее дух, словно мелкого жучка, и поставила перед собой.

– Ульяна тебя не взяла на Звезду. Что-то держит тебя здесь. Кое-что держит и меня. Ты поможешь мне, я помогу тебе.

– К-к-как?.. – проблеяла пигалица.

– Где-то в Степях есть чаша, сделанная из моего черепа. Ты ее найдешь.

Затем найдешь человека, который сокрушит степняков и вернет мою голову в родовой склеп. А потом я помогу тебе, и вместе уйдем на Звезду.

– Я... я... я не смогу, я всего лишь...

– Мелкая дура. Но я сделаю из тебя свою руку. Как зовут?

– Даллия Рейвен...

Двенадцать лет она служила мертвому лорду. Он был великим человеком: властным, жестоким, умным, упрямым. Даллия была куском мягкой глины. Ей было некуда деться из-под пресса, и стальной характер лорда зеркально отпечатался в ней. Его свирепость стала ее тонкою иронией, его упрямство стало ее гибкостью, его холодный воинский ум стал ее ловким умом любовницы и шпионки. Она познала все виды мастерства, известные ему, овладела тактикой и стратегией, дипломатией и политикой... Даллия сделалась лучшим инструментом, который может изготовить мастер.

Спустя двенадцать лет представился случай. Среди живых сменился правящий герцог, и новый лорд оказался достаточно чутким, чтобы свободно видеть и слышать ее. Он был хитер и, вероятно, смог бы разыскать чашу-черепа... А еще, он был тем самым дворянином, который когда-то не удостоил Даллию одного взгляда.

Первым ее желанием стала месть. Она пошла за ним на войну и без конца нашептывала гадости. Пускай усомнится в себе и совершит ошибку, пускай дрогнет меч в его руке. Пусть он окажется тут, в мире призраков, и уж тогда Даллия скажет все!.. Но шло время, и молодой лорд не желал погибать. Он оказался отважным и упорным, но не железным, как остальные, а гибким, как сама Даллия. Нельзя сказать, что она любила его: влюбленность развеялась очень давно – тем днем, когда он не пришел на ее могилу. Но Даллия с ним сроднилась, привыкла ценить его самоиронию, потешаться над смешными метаниями, восхищаться нелепым героизмом... Он был очень неплох, как для живого.

За время войны молодой лорд видел Даллию сотни раз. Оковы проклятья распались, лишь одно теперь держало ее в подлунном мире: обещание найти чашу-черепа. Даллия не сказала молодому лорду о чаше: ведь если он вдруг найдет ее, пора будет уйти на Звезду.

Обычные призраки неспособны лгать. Однако Даллия получила воспитание уже после смерти и умела то, что даже не снилось другим духам. Она соврала сюзерену: «Наш мелкий волчонок пока не смог разыскать чашу. Скоро он предпримет новый поход, нужно только подождать». Старый лорд поверил. И Даллия осталась спутницей молодого смертного, который умел ее смешить.

Обри окончил чтение, и стало до жути тихо. Вьюга пропала, огонь вернулся на фитилек свечи. Окна избавлялись от изморози, вино на столе оттаивало и начинало капать на пол.

– Милорд Одар, мы прощены? – уточнил Фитцджеральд.

Ответ на этот вопрос не вызывал сомнений. Другое оставалось неясно.

– Что нам теперь делать? Разыскать череп-чашу?

Одно из окон распахнулось, теплый летний ветер ворвался в зал.

– Можем ли мы рассказать лорду Эрвину?

Новый теплый порыв ветра, отзвук веселой музыки издалека.

– Как быть с Даллией, милорд? Она обманула вас, а также пугает всех. Мы хотели ее поймать.

Было тихо, лишь со двора донеслись голоса. Стэтхем и Блэкберри, наплевав на спектакль, остались в замке, чтобы славно сразиться в стратемы. Один из них сказал:

– Серпушка ваша, милорд.

– Это и есть ответ? – уточнил первый мистик Обри.

– Хорошо сыграно, – ответил кто-то. Либо призрак – первому мистика, либо Стэтхем – полковнику Блэкберри.

Иксы попрыгали на месте, охлопали себя, чтобы согреться. Подкрепились орджем из уцелевшей бутылки. Закрыли окна, чтобы не мешать игре полководцев.

– Ну что ж... Зови ее.

– Зови ты.

– Даллия Рейвен! Явись!

С минуту ничего не происходило, и Обри счел нужным пригрозить:

– Даллия Рейвен, ты лишилась покровительства сеньора. Мы знаем, где твой скелет: на одном из трех погостов в окрестностях замка. Явись по-доброму, или возьмем за лопату.

И тогда глаза у воинов полезли на лоб, ибо впервые в жизни они увидели призрака.

Около кресла герцога возникла женская фигура. Она была наполовину прозрачна, но все же прекрасно различима. То был не хладный синеющий труп, а соблазнительная девушка в платье с короткой юбкой и огромным декольте.

– Что говор-рили славные кайр-ры? – промурлыкала Даллия.

– Она умеет делаться видимой! – сказал Обри.

– Больше нет сомнений: это она всех страшала, – согласился Фитцджеральд.

– Говорить в третьем лице – очень некрасиво. Извинитесь, или я уйду.

Обри отчеканил:

– Даллия Рейвен, ты натворила бед. Мы намерены наказать тебя.

Вдруг платье на ней треснуло и упало к ногам, обнажив прекрасное тело.

В следующий миг лопнула и кожа. Стала сползать кровавыми лоскутами, обнажая мышцы и сухожилия. Мясо позеленело, покрылось липкой слизью, по нему поползли черви. Кишки выпали на пол из раскрытого живота...

– Перестань, – рыкнул Обри. – Нас этим не напугаешь.

Она поднатужилась и приняла облик однорукого Гордона Сю. Фитцджеральд сказал:

– Мы знаем, ты любишь перевоплощаться. Что гораздо хуже, ты обманула своего сеньора. За это ты понесешь кару.

Даллия снова стала собою.

– И как же вы меня накажете?

– Подарим тебя владычице Минерве. Ты прослужишь ей до тех пор, пока мы не разыщем череп-чашу. Будешь исполнять все ее прихоти, а в свободное время сидеть тихо, как мышь.

Даллия скривилась:

– Ах, прошу вас! Прислуживать этой скучнейшей особе? Смеяться над теми штампами, которые она выдает за остроты? Слушать пьяную болтовню? Поддакивать фальшивым похвалам, когда у нее приступ самолюбования? А от ее попыток соблазнять мужчин меня просто тошнит! Лучше продайте меня самому грубому из шаванов!

Обри усмехнулся:

– Это можно устроить. Мы знаем имя и год смерти, найти могилу не составит труда. Мы выкопаем скелет и продадим... но не шавану, а закатникам для ритуалов. Твои косточки раздадут жрецам. Они изгрызут их, как собаки, и получат такую власть над тобою, какой нет даже у крысы над собственным хвостом. Будешь рабыней тысячи лет, пока твои кости не распадутся в прах.

Даллия расхохоталась. Заявила, что более смешной угрозы не слышала ни в жизни, ни в смерти. Сказала, что такие трое ослов нипочем не найдут чашу-череп. Они не найдут даже пятно от выпивки на своем плаще! Даллия потешалась, как могла, а кайры спокойно смотрели.

Когда она выдохлась, Фитцджеральд произнес:

– Лорд Десмонд писал: война на треть ведется клинком...

– А на две трети – лопатой, – подхватил Шрам. – Идем за инструментом, братья.

И они зашагали к двери. Даллия переместилась, заслонила дорогу.

– Он действительно отрекся от меня?

– Сама скажи: ты его видишь?

Даллия повертела головой, лицо стало тревожным.

– Нет...

– Это потому, что он не хочет тебя видеть.

– Он простит меня, если подчинюсь вам?

– Не знаю, – ответил Обри. – Но точно не простит, если не подчинишься.

Она замерцала, растворилась в воздухе.

Спустя вдох возникла вновь.

– Ладно, зовите вашу Минерву...

– Сама к ней ступай! – рыкнул Обри, но Шрам его одернул:

– Тогда владычица не узнает, что подарок от нас. Приведем Минерву сюда. Даллия, сиди и жди.

– Может, мне еще ленточкой обвязаться?

Она преобразилась и действительно осталась в одной ленте в качестве одежды.

– Шутки – это хорошо, шутки мы уважаем, – неспешно произнес Шрам. – А теперь слушай приказ, тьма сожри. Ты поступаешь на службу к ее величеству. Не офицером, не шутком, и не этой, праматерь ее за ногу, фрейлиной. Ты будешь послушной придворной псиной. И да спасет тебя Темный Идо, если гавкнешь не в ту сторону.

Даллия переделалась в строгое платье и села на стул, смиренно сложив руки на коленях.

Иксы задумались над тем, как же доставить подарок. Времени прошло изрядно, но и пьеса была задумана с размахом: сама леди София постаралась. Видимо, представление еще длится. Пойти туда и вызвать Минерву под каким-либо предлогом? Неловко. Дождаться, пока все вернутся в замок? Но шумная толпа может помешать. Такой подарок требует особой обстановки.

– А может, Минерва уже у себя в покоях? – предположил Фитцджеральд.

– С чего вдруг?

– Я слышал, она говорила, что страдает головной болью и вряд ли досидит пьесу до конца.

– Пф!.. – бросила Даллия.

Шрам прошел ее взглядом. Она исправилась:

– Позвольте доложить, командир.

– Говори.

– Из Минервы театрал, как из меня кузнец, – Даллия создала мерцающий молот в своей ладошке и сразу же выронила себе на ногу. – Она сослалась на голову, чтобы одно из двух.

– Что – одно?

Даллия не успела ответить. В коридоре раздался девичий голос: «Скорее же, я жду!» – и в трапезный зал вбежала императрица.

Она была босиком, одну туфлю держала в руке, дислокация второй оставалась неизвестна. Волосы пребывали в хаосе, на щеках играл румянец. Минерва почти налетела на кайра Обри, в последний миг остановилась, выронила туфлю и междометие «ой». Последовала та самая сцена, когда двое наперегонки справляются с удивлением, чтобы первым задать вопрос.

– Что вы здесь делаете, владычица? – Обри выиграл гонку, но Минерва не осталась в долгу:

– Императрица начинает всякую беседу! Что вы здесь делаете, невежда?

– Мы... эээ... приготовили вам подарок.

– Вы тоже?!

– Да, ваше величество, он прямо здесь.

Почему-то Минерва взглянула не туда, куда указывал Обри, а в коридор. Раскрыла рот, будто хотела сказать одно, но уже налету изменила слова:

– И... что же за подарок?

– Владычица, мы изловили призрака!

Вот тут Минерва заметила Даллию.

– Святые боги! Кто это?

– Она – призрак! Даллия, докажи.

Та с неохотой померцала и исчезла, появилась в виде герцогини Альмера.

– Призрак леди Аланис?! Святые боги, я надеялась, что она жива...

Мерзлячка вернула собственное лицо, поджала губы и процедила уголком рта:

– Даллия Рейвен к услугам вашего величества.

Если б здесь была Мередит, она, пожалуй, поняла бы кое-что в странных эмоциях призрака. Но кайры не уловили подтекста.

– Ваше величество, это то самое привидение, которое являлось леди Ионе и Шаттэрхенду, и Софии, и вам тоже. Она меняла внешность, чтобы всех пугать. Но теперь она будет служить вам верою и...

В этот миг на пороге показался герцог Ориджин. Его одежда пребывала в полной исправности, он был изящен и саркастичен, как всегда. Однако что-то неуловимое роднило его облик с обликом Минервы.

– Кайры, извольте видеть, ее величество сильно утомилась. Как всякая усталая девушка, она хочет немного побегать по замку босиком. Не мешайте ей.

– Мы и не думали.

Герцог узрел свечу и череп на столе:

– Тьма сожри, скажите, что это не то, о чем я подумал!

– Если вы подумали про череп Одара Спесивого, то это действительно не он. С вашего разрешения, о герцоге Одаре мы доложим наедине. Сейчас позвольте вручить подарок императрице.

Тогда Эрвин София Джессика заметил Даллию. Его лицо вытянулось, брови полезли на лоб.

– Кайры, вы... вы что, видите ее?!

– Да, милорд, – сказал Шрам.

– Она делается видимой, если хочет, – пояснил Обри.

– Уж мне ли не знать... – пробормотал герцог.

– Будьте осторожны, она – хитрая лиса.

– Уж мне ли не знать!

Владычица утратила терпение:

– Милорд, сейчас же все объясните! Ненавижу быть той единственной дурой, которая ничего не понимает!

Герцог взял ее за голые плечи.

– Миледи, я не знаю, как сказать это пристойными словами... Наши отношения всегда были сложны, надеюсь, вам уже не привыкать... Кайры подарили вам мою альтессу.

Минерва лишилась дара речи. Хлопала ртом и пялилась огромными глазами то на Эрвина, то на призрака. Даллия смотрела в потолок, скрестив руки на груди.

Эрвин сказал:

– Владычица, позвольте, я все объясню наедине. Это долгая история, и в ней не разобратся без чаши-другой орджа.

Его слова успокоили Минерву:

– Что ж, герцог, я готова дать вам шанс.

Вдвоем, в обнимку они направились к выходу. Эрвин сказал напоследок:

– Кайры, премного благодарю за то, что нашли ее. Я волновался. Тревога, больше не исчезай надолго. Завтра жду за утренним кофе, обсудим твои проделки.

Владычица и герцог ушли, а иксы остались в обществе духа.

Фитцджеральд сказал:

– Ну, дела...

– И не говори, – согласилось привидение.

Фантазия третья: Досадные мелочи

По дороге в Алеридан я сломала ноготь. Открывала окно в купе, резко дернула фрамугу – и будьте любезны.

Леди не может жаловаться по серьезным поводам. Нищета, тяжелая болезнь, изломанная жизнь должны храниться в тайне столь же свято, как количество былых романов. Но досадная мелочь, вроде ногтя, дает даме законное право претендовать на сочувствие. Я решила: пожалуюсь мужу. И начала:

– Вот тьма! Ты только посмотри...

Но обожаемый супруг не дал мне развернуться:

– Сломала? Отлично! Надеюсь, теперь ты не сможешь писать.

Здесь требуется комментарий. Недавно я обнаружила в себе талант к литературе и решила начать зарабатывать деньги благородным писательским трудом. Я строю сюжет гениального романа, а для разминки пишу короткие рассказы, вроде этого. Любимый же резко восстает против моей затеи:

– Писательство – не труд, а порча бумаги. И это я, мужчина, должен обеспечивать семью! Твое женское дело – любить и вдохновлять меня.

– Вдохновлять на что, позволь узнать? В последние полгода ты шагаешь к славе пропойцы и в моей поддержке не очень-то нуждаешься.

– Прочисти уши, несчастная! Я же говорил: устроюсь преподавателем в морскую академию.

– Ты не водил корабли двадцать лет.

– Флотоводец – это черта характера, как дерзость или отвага! Невозможно забыть свой характер! А талант к писательству потерять легко, особенно если его нет.

Я отыскала ножнички и срезала обломок ногтя. Палец болел и выглядел отвратно.

– Мы едем в Алеридан, – отметила я, – там сроду не было морской академии. Зато есть несколько больших типографий. Через неделю я получу аванс, а ты будешь клянчить у меня агатку на пиво.

В расфуфыренной столице наглых герцогов Альмера меня встречал Эдгар. «Родной брат, конечно, поймет глубину моего несчастья!» – подумала я и заранее надела печатки. Я скажу: «Поздравляю тебя, новый хозяин Сердца Света!» Эдгар ответит: «Да это пустяки, не будем обо мне. Как твои дела, сестрица?» Я скажу: «Ты представляешь, такое случилось... Больно даже говорить...» – и сдерну перчатку с руки. Он ахнет от ужаса и щедро прольет бальзам сочувствия на раны моей души. Таков был план...

На перроне под бронзовыми вокзальными часами нас, действительно, ожидал Эдгар.

– Добро пожаловать домой, сестра.

Мысли о ногте сразу вылетели из моей головы, замененные ужасным подозрением:

– Братец, ты свихнулся? Наш отец бил герцогов Альмера. Наш дед бил герцогов Альмера. Прадед получал трепку от герцогов Альмера. С каких пор здесь наш дом?

– Гм... Ну, это было раньше, теперь ситуация другая. Ты увидишь, как все изменилось.

На плече у Эдгара сидела чертова крыса. Они переглянулись, чертовка кивнула с таким апломбом: мол, я-то тебя понимаю, не то что дурочка сестра. Любимый пришел мне на помощь: дружески огрел Эдгара по плечу, крыса едва удержалась.

– Приветствую, мелкий. Как тут у вас, в захолустье? Есть где вкусно пожрать?

Сели в экипаж, тронулись. Эдгар повел себя мило: сказал, что мы молодцы. Молодцы, как мы зимой вот это все провернули. Очень удачно получилось. И молодцы, что не остались. Нечего быть там, где нас не ценят. В кругу родичей всегда лучше живется. Крыса кивком выразила согласие.

Любимый ответил, что Эдгар – тоже молодец.

– Я-то тебя птенцом помню, а ты вон как возмужал, ух! Полком командуешь, крысу завел!

– Ее зовут Хартгли, – познакомил брат. Муж ее почесал.

Словом, все со всеми расшаркались, и я было собралась вернуться к главному вопросу, как тут экипаж остановился у гостиницы.

– Ты живешь в гостинице? – удивилась я.

– Ну, гм... За обедом расскажу.

Вошли в гостиничный кабак, и половина присутствующих мужчин пожелала Эдгару здоровья. А раньше-то он был чужд питейного мастерства.

– Растешь над собой! – похвалил его мой супруг.

Сели за стол, любимый заказал лучшего ханти, налил собственной рукой. Взял кубок и вдруг изменился – был насмешлив, а стал серьезен и очень торжественен.

– Мои дорогие, мне больно и радостно поднимать этот тост. Двадцать лет назад ваш род потерял фамильную жемчужину – город Сердце Света. Половина вины за это лежала на мне. Не знаю, как вы пережили утрату. Я бы себе локти отгрыз на вашем месте. И вот теперь Сердце Света – золотой город, неприступный оазис в пустыне – возвращается законным владельцам! Наконец я могу смотреть вам в лица и не корежиться от стыда. Не знаю, как вы, а я готов расцеловать крысу от счастья. За Сердце Света и его хозяев!

С таким чувством сказал любимый, что у меня выступили слезы. Мы вдвоем ударили кубками, хлебнули от души... Но Эдгар как-то странно опустил нос.

– Гм... Понимаете, тут так сложилось... Ситуация очень непростая. Скажи, Хартгли?

Крыса свесила длинный мерзкий хвост. Эдгар описал ситуацию.

Город Сердце Света с окрестными землями – исконный домен семьи Лайтхарт. Генри Фарвей получил наш домен и наш титул двадцать лет назад, после неудачного заговора, устроенного моими отцом и мужем. В прошлом году Фарвей отхватил еще более лакомый кусок: целое герцогство Альмера. Отнюдь не все альмерские лорды охотно покорились ему. Чтобы удерживать власть, Фарвею с войском пришлось переехать сюда, в Алеридан, а кроме того, призвать помощь извне. Он сделал две крупные ставки. Одна сгорела: внучка Фарвея Лаура сперва овдовела, потом была убита. Зато другая ставка сыграла сполна. Фарвей поклялся вернуть нам Сердце Света, если дочка Эдгара, Нексия, выйдет замуж за Ориджина и принесет старому хитрецу Генри поддержку северян. Нексия рискнула собой в опасном путешествии, чтобы помочь Ориджину. Кроме того, Эдгар привел свой полк на сторону Первой Зимы. Северяне оценили это и обещали Фарвею поддержку. Он, по условиям сделки, обязан передать нам город.

– И в чем подвох, тьма сожри?

– В моей дочке, – бесцветно молвил Эдгар. – Весной она прислала мне письмо этакого бабского толка. Дескать, она очень любит Ориджина, а он ее любит не очень. Он, мол, часто любезничает с Минервой, а еще у него с Минервой и с Ионой какая-то тайна. Они втроем столь милы друг с другом, что Нексия не знает, как тут быть честной девушке. И ладно бы дочь терзалась молча, но увы, она пошла дальше и повздорила с императрицей.

– Ты шутишь!

– Ах, если бы... Нексия поговорила с Минервой начистоту. Это она так пишет: «Поговорили начистоту». Уж и не знаю, что она сказала, но день спустя Минерва удостоила Нексию высокой чести: назначила своим послом в центральных землях. Дочка не успела оглянуться, как вылетела из Первой Зимы. Завтра вечером она будет здесь.

– Холодная тьма. И поэтому Фарвей...

– Отложил выполнение сделки. Если Ориджин не женится на Нексии, то сможет жениться на Минерве. А коли Нексия перед этим погрызлась с Минервой, то, ясно, никто из северян не поддержит ни нас, ни Фарвея.

Мы помолчали, размышляя. Я сказала:

– Выходит, старый скряга зол на нашу семью. Поэтому мы не приглашены к нему во дворец.

Муж сказал:

– Больше того: лысый старикан теперь вас боится. Коль он не вернул Сердце Света, вы можете попытаться забрать силой. Если Нексия э... как бы это назвать... вылюбила хотя бы батальончик кайров, да плюс твой, Эдгар, полк – выйдет недурная сила. А Сердце Света стоит пустым, все войска Фарвея в Альмере...

Эдгар обменялся взглядами с крысой.

– Хартли всегда говорила: нечего мечтать. А я распустил слюни... Приедет дочка – будем решать, что делать дальше. Пока же мой полк стоит в постоянной готовности, и я живу в расположении части. Эту гостиницу охраняют мои люди. Сюда поселил вас и Сомерсета, сюда же привезут Нексию.

– Сомерсет тоже здесь?

– Да, но ему лучше не покидать комнату. Страже легче работать, пока все вы остаетесь на месте.

Поднявшись, он сказал громко:

– Бойцы, это моя сестра и ее муж. Беречь, как зеницу ока.

Дюжина мужских голосов ответила с разных сторон:

– Рады служить, милорд.

Эдгар сел за стол и добавил тише:

– Перчинка, я знаю, что у вас беда с деньгами. Буду рад назначить тебе достойную ренту, но лишь тогда, как все уладится. Сейчас у меня целый полк под знаменами, да в чужой земле. Каждый месяц занимаю в банке по три тысячи эфесов на военные расходы. Говоря правду, если не получу Сердце Света, то я разорен. Мои сбережения уже не покроют долгов.

Я потеряла палец перчатки:

– А я тебе хотела рассказать...

– Что случилось?

– Э... Да ничего, у меня все прекрасно. Пишу книгу, надеюсь издать за большие деньги. Половину отдам тебе. Не три тысячи эфесов, но все же.

* * *

Сломать ноготь летом – гораздо хуже, чем зимой. Палец болит сильнее из-за жары. Перчатки требуются белого цвета, они пачкаются быстрее, чем надеваются на руку. А купить запасные перчатки весьма затруднительно, когда в кошельке четыре глории, и три из них алмаз моего сердца отдал за бутылку лучшего ханти.

– Пойду в типографию, – сказала я сразу, как мы поселились в номер.

Любимый запретил:

– Ни в коем случае. Я ж тебя знаю: с дороги всегда устаешь, хочешь лежать и кушать сладкое. Вот и займись этим, а я пушусь на поиски денег.

– Милый, мне так приятна твоя забота!

Я расцеловала его и исчезла из номера сразу, едва он отлучился в уборную.

Пара солдат Эдгара увязалась за мной:

– Миледи, велено – как зеницу ока...

Втроем отправились искать издательство. Коллектив начинающих авторов: два голово-реза при мечях и барышня в грязных перчатках. Теоретически я знала адрес типографии. На практике – это Алеридан, ничто не находится там, где должно. Медный квартал заполнен башмачными мастерскими, с Канальной улицы не видать канала. Памятник Рыцарю-Победителю стоит на площади Святых Дев, а памятник Святым Девам – возле дома Правосудия. Красный бульвар и Красная улица – два разных объекта в противоположных концах города...

Очень быстро я признала правоту любимого: с дороги мне действительно лучше было полежать. Хотелось булочек. В Алеридане булочные имелись на каждом шагу. Запах свежей сдобы, ванили и корицы терзал болью несбывшихся надежд. Единственную глаорию я берегла на новые перчатки. Вдруг я увидела нужную лавку! В витрине белела пара тонких лайковых перчаточек, на взгляд – точно мне по руке.

– Сколько стоят?

– Три глаории, миледи, – ответил торговец и принялся перечислять всех альмерских герцогинь (как покойных, так и ныне живущих), кто носил точно такие.

– Дам одну глаорию, – сказала я.

– Одну? – переспросил продавец.

– Больше у меня нет.

– Одну?

Я покраснела:

– Ну, я надеялась на некоторый торг...

– Одну глаорию?! – он скрестил руки на груди.

Я спаслась постыдным бегством. От стыда палец начал невыносимо зудеть.

Два стражника шагали рядом, один смотрел на меня с большим участием. Весь его вид выражал готовность выслушать. Вот мой шанс! – поняла я и потянула перчатку с руки.

– Сир воин, позвольте пожаловаться вам...

Он сразу же кивнул:

– Прекрасно понимаю, миледи. Это потому, что мы – пустынные.

– Что, простите?..

– Мы с вами рождены в Надежде. Альмерские псы чувят это, потому ведут себя по-скотски. Для местной женщины торгаш скинул бы цену.

– Но я не на это хотела пожаловаться...

– Конечно, миледи. Перчатки – мелочь, отношение людей – вот что ранит. Послушайте, как со мной было. Иду однажды вечером, подходит худенькая девочка: «Добрый сир, проводите меня до дому. Боюсь в темноте одна идти...» Я согласился, довел ее до фонтана. Она поблагодарила, по руке погладила – и шустрь в подворотню. Я только потом заметил: кошелька-то на поясе нет! Воровка она была, вот кто. А в кошельке лежало пять эфесов, жене хотел отправить. У меня в Леонгарде под Сошествие сын родился. Еще ни разу его не видел. Как представлю, так сердце замирает. Помните, миледи, какое чувство, когда рождается первый ребенок?

Я хотела огрызнуться, но прикусила язык. Он же не нарочно...

– Не помню, – сказала я. – Память девичья.

О, счастье! Любому страданью приходит конец! Всего за полтора часа мы разыскали издательство, и еще через час меня принял главный редактор. Нервная худоба, огромные очки, подергиванье глаза – все в нем выдавало ценителя литературы. Пряча ладони под стопкою бумаг, я протянула ему свои труды.

– Сударь, меня зовут Карен Арденская, в девичестве Лайтхарт. Я хочу предложить вашему вниманию...

– Ни слова больше! – редактор бросил бумаги на стол, схватил меня за руку и поцеловал пятно на перчатке. – Миледи, ваш визит – это дар богов! Надеюсь, вы еще ни с кем не вели переговоров? Если вам предложили цену, назовите – я дам больше!

– Весьма польщена... Но вы ведь даже не читали.

– Этого и не нужно! – От возбуждения он принялся рыскать вокруг стола. – Легендарная леди Карен Лайтхарт! Прекраснейшая дама своего времени потеряла все и пропала в ссылке. Но спустя много лет совершила побег, чтобы воссоединиться с мужчиной, которого все еще любила. Можно ли представить что-то более трагичное?!

– Вы предпочитаете трагедии? Боюсь разочаровать вас, но я пишу без лишнего пафоса, с оттенком сарказма и даже иронии.

Он хлопнул в ладоши:

– Великолепно! Так даже лучше! Легкий искристый стиль письма покажет, что лишения не сломили вас. Это тронет любого читателя. Наше время богато яркими женскими образами: покойная герцогиня Аланис, ее величество, Северная Принцесса... Но их истории по трагизму не сравнятся с вашей! А кроме того, ни одна из них не написала мемуаров.

Только тут я поняла:

– Постойте, сударь. Кто говорил о мемуарах? Я пишу художественную книгу, сюжет вымышлен...

Редактор споткнулся:

– Вымышлен?..

– Да, сударь.

Он обмяк и сел на край стола. Пролистал пару страниц, вздохнул. Очки сползли на кончик носа.

– Ох, миледи...

Я стала убеждать:

– Выслушайте же! Один человек из нашего мира попадает в подземное царство богов. У него случилась большая беда, он надеется, боги помогут ее исправить. Но обнаруживает, что боги похожи на детей. Всемогущество сделало их капризными и беспомощными. Богам не нужно преодолевать трудностей, потому всю жизнь они только играют. И наш герой оказывается единственным настоящим взрослым среди множества... Прочтите хотя бы первую главу! Там действительно интересно!

Редактор покачал головой:

– Миледи, сейчас никому не нужен вымысел, даже самый лучший. Посмотрите на то, что творится в мире. Армии бьются Перстами Вильгельма. Корабли летают по небу. Машины говорят человеческим голосом. Императора будут избирать, словно старейшину гильдии. Ну какой вымысел сравнится с этим? За полгода мы сожгли десять тысяч непроданных художественных книг – потому, что обычный «Голос Короны» оказался интереснее. Напишите мемуары, миледи. Вот их я издам за любые деньги.

Я поднялась и собрала бумаги.

– Мои мемуары наполовину состояли бы из боли и отчаянья. Потому гордость не позволит мне их написать.

– Но отчего же?.. Разве вам никогда не хотелось пожаловаться?

– Прямо сейчас хочется, – призналась я. – Но этого повода не хватит на книгу, разве что на маленький рассказ.

Дотемна мы успели посетить еще две типографии. На обратном пути в гостиницу мой охранник подвел итог:

– Альмерские гады, миледи. Они готовы на все, лишь бы нам насолить.

А в номере меня ожидал сюрприз. В одном кресле восседал ненаглядный, в другом – молодой человек студенческого вида, на столике между ними монументально высилась бутылка ханти.

– Иди ко мне, строптивица! Пади на колени и раскайся! – повелел любимый.

– Т-тетя К-карен? – сплел звуки молодой человек.

Я скovyрнула с ног башмаки и свалилась на свободный стул.

– Вы пьяны? На какие средства, позвольте узнать?

– О, глупейшая! Я же обещал, что устроюсь преподавателем. Этот парень имеет деньги. Он платит мне за уроки оболыщения женщин.

– Т-тетя Карен... – пролепетал ученик.

– Неправильно! – рубанул муж. – Лебезить перед женщиной нельзя! Она провинилась: ушла без спросу. Как мы поступим?

– Любимый, это мой племянник, Сомерсет, – представила я.

– Это тебя не оправдывает! Ну, Сомерсет, что сделаем? Думай!

Муж ткнул его пальцем в лоб. Мысли Сомерсета пришли в движение и выразились словами:

– Мы разозлимся!

– Ха-ха, вот и нет! Женщина иногда совершает проделки. Потому что женщина – как кобыла, ей порою надо взбрыкнуть. Трусливые мужчины начинают заискивать: бояться, что уйдет. Тупые злятся и машут кулаками.

– А к-как надо?

– Наказать, конечно. Но без гнева, любя. Совсем бы не наказывал, да приходится. Иначе она ведь бояться перестанет, тогда семье конец.

Любимый грозно зыркнул на меня:

– Ну-ка, сбегай за колбасой, я жрать хочу. А ученику – кофе. Что-то он устал от науки.

Ради крепости семейных уз я исполнила епитимью и сходила в кабак. Пока ученик пил кофе, наставник поинтересовался результатами моего похода в типографию. Я увильнула от ответа. Муж все понял и обнял меня:

– Да не расстраивайся, им же хуже! Кретины очкастые.

Кружка крепкого кофе с колбасой вприкуску слегка отрезвила Сомерсета.

– Тетя Карен, мне н-неловко... Я, наверное, лучше пойду спать...

– Сперва расскажи, зачем тебе уроки. Что-то случилось на любовном фронте?

– А вам правда интересно?..

Мне было не слишком интересно. Я искала повода излить душу. Сомерсет скажет кратко: «У меня случилось то-то и то-то», и я в ответ: «Да-да, какой ужас! А вот у меня...»

Но тут вмешался супруг:

– Никогда не спрашивай женщину, интересно ли ей. Это же ты говоришь – значит, каждое слово из чистого золота!

– А, хорошо. Тогда слушайте.

Долгое время Сомерсет подходил к вопросу отношений романтически: верил в любовь с первого взгляда и Ту Единственную Женщину, которую встретишь – сразу узнаешь. Шли годы, Та Самая не появлялась. Сомерсет ждал истинную любовь, не размениваясь на мимолетные романы. Его сокурсники гуляли напропалую и пачками разбивали сердца. Сомерсет высмеивал их падение нравов и продолжал воздерживаться. Невинный поцелуй или слегка фривольный танец на балу – вот максимум, который позволял себе отпрыск Лайтхартов. Его сбила с пути...

– Да-да, тетя Карен, не смейтесь!

...Нексия. Очертя голову, сестра кинулась в омут страсти с мерзавцем, который даже не думал жениться на ней. И вдруг – о, ужас! – оказалось, что все одобряют ее безумство.

Отец и мать не имели ничего против, даже надеялись на выгоду. Подруги откровенно завидовали. Друзья Сомерсета восхищались: «Вот это твоя хороша! Покорила Север!» Он кипел от гнева: «Так нельзя! Это чисто плотское, он же ее не любит!» Студенты смеялись: «Какая разница, брат? Она соблазнила лорда-канцлера!» Апофеоз наступил в Уэймаре. Нексия свихнулась настолько, что стала расхаживать нагишом, – и даже тогда все ей симпатизировали, а не порицали. И Сомерсет решил: да провались она пропадом, истинная любовь. Раз нравственность уже не в почете, пойду и просто соблазню кого-нибудь.

Скитаясь по Альмере с непутевой сестрой, Сомерсет предпринял несколько попыток. Он был уверен: никаких усилий не нужно. Стоит просто отдаться греху – и грех схватит тебя. Достаточно показать себя падшим мужчиной – и столь же падшая девушка сразу клонет. Трижды получив по лицу, Сомерсет убедился в обратном. Оказалось, грехопадение – это мастерство, которому еще и нужно учиться. Бедный парень приуныл от такой несправедливости, а тут вдобавок началась война. Сначала в Альмеру пришли северяне, потом шаваны. Эдгар отослал дочку в одни края, а сына – в другие:

– Езжай-ка в Фаунтерру, там безопаснее.

Поезд был так заполнен беженцами, что даже в первом классе продавались не целые купе, а места вразнобой. На станции Бэк к Сомерсету подседа попутчица: грустная светловолосая девушка с изможденным лицом.

– Вы едете из Алеридана? – спросила она. – Там все ужасно?

– В Алеридане всегда ужасно: люди пожирают булочки и не умеют номеровать дома. Но война туда не дошла, шаваны двинулись на Флисс.

– Отчего же вы так мрачны?

Попутчица совсем не имела груди. Сомерсет не стремился очаровать ее, потому ответил так:

– Я хотел быть честным романтиком, но распущенный мир не позволил мне этого. Теперь я – не более, чем падший грешник.

Девушка проболтала с ним всю дорогу до Фаунтерры, с коротким перерывом на сон. Ее звали Роуз, она была дочкой графа Эрроубэка, чистокровною внучкой Праматери Агаты. Братьев она не имела. Когда граф умрет, колоссальная прибыль от искровой плотины и судоходной реки достанется Роуз и двум ее сестрам.

Фаунтерра тех дней жила военной лихорадкой. Все строили укрепления, запасали провиант и стрелы, кормили и расселяли беженцев. Движимая идеей самопожертвования, Роуз записалась в добровольцы. Сомерсет тоже – от нечего делать. День за днем они проводили на вокзалах, на стройках, в лазаретах. В день, когда Адриан с невестой прибыли в столицу, Роуз призналась Сомерсету в любви. Он обдумал ситуацию. Иных чувств, кроме легкого увлечения, он не питал. Но Роуз была богата, высокородна и во всем покорялась Сомерсету. «Я решил стать подлецом. Нужно идти до конца», – так подумал мой племянник и сделал Роуз предложение.

Она послала отцу письмо, в лучших словах расписав любимого и испросив позволения на брак. Неожиданно граф согласился. Дело осталось за малым: Сомерсет должен был получить разрешение своего сеньора, то бишь – старого лиса Генри Фарвея. Роуз была прекрасной партией, Сомерсет не ждал возражений... Тем большим ударом стал ответ Фарвея: решительное «нет».

– Тетя Карен, лишь потом я понял замысел этого негодяя! – Сомерсет злобно хлебнул ханги. – Если Нексия выйдет за Ориджина, а я – за дочку Эрроубэка, то мы, Лайтхарты, станем слишком сильны. Мы сможем опрокинуть Фарвея вот так... тьфу... вот так!.. не получается... считай, что я щелкнул пальцами. Коли Нексия останется с этим, то мне запрещено жениться на первородной!

Такая несправедливость ввергла Сомерсета в бешенство. Он хотел послать Фарвею к чертям, наплевать на титул вкупе с вассальной клятвой и сбежать вдвоем с Роуз. Правда, это означало нищету: граф Эррорбэк хотел видеть зятем графа Лайтхарт-Флейма, а не беглеца и клятвoprеступника. Но гнев ослепил Сомерсета. Он все выложил Роуз, сказал, что пригрозит Фарвею и потребует разрешения на брак, а если гад откажет – пусть пеняет на себя, Сомерсет схватит любимую и увезет на Фольту! Роуз пришла в восторг и стала целовать ему руки.

Однако через день Сомерсет остыл. Немного подумав, он послал письмо не герцогу Фарвею, а отцу – с вопросом: как поступить? В ожидании ответа по-всякому убивал время. Шаваны уже отступили, укрепления больше не строились, поток беженцев иссяк. С Роуз видеться тоже не очень хотелось. Она ждала от него решений, а что решительного в словах: «Ну, я посмотрю, что скажет папенька...» Сомерсет от скуки пошел туда, куда точно не пойдет Роуз: на открытые лекции по физике. Их вел профессор Николас Олли, восходящая звезда науки... Вернее, должен был вести. Оказалось, что Олли ненавидит толпы студентов и прогуливает каждую вторую лекцию. Вместо него занятия вела ассистентка по имени Э. Вот так таинственно, чтобы не компрометировать.

Когда в первый раз профессор пропустил лекцию, Э. вышла к кафедре и сказала:

– Господа студенты, примите мое искреннее сочувствие. Николас Олли занят гениальными открытиями, которые изменят судьбу человечества. А я развлекаю вас тем, что знаю, и расскажу чуточку о звуковых волнах.

– Это обман! – вскричал Сомерсет. – Профессор должен прийти и...

– Обратите внимание: мы все хорошо услышали реплику «это обман!» Но дальше стало менее разборчиво, и вот почему: расстроенный господин заговорил тоном выше. Сначала: «ОООО», потом: «ииии». Похоже, звуковые волны низкой частоты лучше расходятся в пространстве, а высокой частоты – хуже. Давайте изобразим это на графике...

К концу лекции Сомерсет ненавидел себя за выкрик «Это обман!», а еще пуще – за отказ от идеалов. Всего три месяца назад он плюнул на истинную любовь и отдался греху. А теперь истинная любовь стояла перед ним и отряхивала пальцы от мела. Э. оказалась девушкой, которую Сомерсет ждал всю жизнь.

– Вот идиот, – прокомментировал ненаглядный.

Я пристыдила его, но Сомерсет согласился:

– Да, я был идиотом, что не дождался любви. Но после лекции понял ошибку!

И бедный мой племянник бросился ухаживать за Э. Правда, он боялся действовать открыто: Э. была чертовски популярна среди студентов, а кроме того, чужда всякой пошлости. Было ясно, что душа ее заперта на замок и отдана только науке. Стоит допустить одну вульгарную ноту – и потеряешь любимую навсегда! Так что Сомерсет подкрадывался к Э. осторожно, как невидимый змей. Клал букеты под дверь ее комнаты и убегал. Писал анонимные признания во всем на свете. На лекциях громче всех хлопал – но сразу прекращал, если Э. смотрела в его сторону. Часами караулил ее в кафе или булочной, чтобы потом как бы случайно столкнуться у прилавка и с деланным равнодушием обронить: «Не желаете ли кофию, сударыня? Я по ошибке заказал две чашки, а хочу только одну». Э. игнорировала его потуги и продолжала служить единственной госпоже: священной физике.

Не ожидаемый и уже забытый Сомерсетом, пришел ответ отца: «Сын, я понимаю твои чувства к Роуз, и прошу потерпеть. Нет никакой уверенности, что Нексия достигнет своей цели. Как ни крути, она пыталась убить Ориджина, вряд ли он забудет про это. Хартли говорит, что Нексия не имеет шансов. Обожди месяц или два, а потом снова напиши Фарвею».

Сомерсет не желал ничего ждать. Он хотел целовать снег, по которому прошли сапожки Э. Каждый вечер он бродил у входа в здание факультета, надеясь, что Э. выйдет затемно и будет нуждаться в сопровождении до дому. Она таки выходила затемно, но в обществе про-

фессора Олли. Он и отвозил ее домой в своих санях. Привратник у дверей факультета улыбался в бороду и однажды сказал Сомерсету:

– Понимаю твои чувства, парень, но лучше придержи их. Не про тебя птица.

– Она – моя истинная любовь! – отрезал Сомерсет.

– А, ну-ну.

Однажды вечером у входа в факультет Сомерсет наткнулся на Роуз Эрроубэк.

– Черт... – выронил он вместо приветствия.

– Сударь, – сказала Роуз, – вы покорились воле сюзерена. Вы не посмели преступить клятву ради меня. Это можно понять и даже одобрить. Но я не могу понять вашей жестокости ко мне! Пришли бы и сказали честно: «Не ждите меня, Роуз». В Альмере давно окончилась война. Отец зовет меня домой. Сестры смеются. Я торчу в Фаунтерре день за днем от глупой, слепой надежды... Тьма сожри, сударь, как же вы могли?

Он потупился, ковыряя носком снег:

– Ну... хм...

Ровно в тот миг из здания факультета вышла Э. Без профессора, одна-одинешенька! Поискала глазами извозчика, пошарила по карманам в надежде на монету, вздохнула и побрела пешком. Сомерсет бросил дочке графа:

– Я вам сразу сказал, что я грешник. Я не люблю и никогда не любил вас. Прощайте.

И побежал следом за Э.

Она приняла его помощь и позволила проводить себя до кампуса. Э. была в хорошем настроении, много смеялась, говорила, что стоит на пороге открытия. Сомерсет наслаждался ее смехом и ликовал от ее счастья. Он хотел признаться в любви, но всю решимость высосала расправа с Роуз. Потому он просто проводил Э. и даже не попытался поцеловать.

– Я ж говорю: идиот, – отметил ненаглядный, привлек меня и поцеловал прямо в декольте.

У племянника глаза на лоб полезли:

– Тетя Ка-арен!

– А ты болтай, не отвлекайся, – буркнул мой супруг.

Больше случая не представилось. После того дня Э. всегда была кромешно, наглухо занята. Приходила с профессором, уходила с профессором, даже лекций почти не вела. А потом к ней начали ходить совсем невероятные люди: то лорды, то священники, то офицеры протекции. Сомерсет ощущал себя ветошью, брошенной на обочине дороги. Однажды он смог угостить ее завтраком. Э. была очень голодна, все проглотила за пять минут, выронила «премноблагодарю» и убежала в лабораторию. В другой день случился чудовищный обыск. Агенты протекции вели себя отвратно, и студенты вышвырнули их через окно. Сомерсет, окрыленный победой, пал на колени перед Э. и признался в любви. Не только она, но и все, кто слышал, приняли это за шутку.

А потом он сидел на лекции, которую вел некий незнакомый тип. Э. пришла, села рядом и вместо того, чтобы конспектировать, принялась беззвучно плакать. Сердце Сомерсета остановилось. На чистой странице своей тетради он написал: «Дорогая леди Э., вы самая прекрасная девушка на свете! Кто бы ни вызвал ваши слезы, он не стоит даже ногтя на вашем мизинце. Я точно знаю это, ибо...» И дальше целая страница в таком духе. Он сунул тетрадь Элис. Она прочла. Похлопала глазами, утерла слезы. Долго, внимательно глядела на Сомерсета. Он подумал, что вот сейчас – идеальный миг для поцелуя...

– Кретин, – выронил мой ненаглядный.

– Бревно ты бесчувственное, – ответила я, шмыгнув носом. – Сомерсет, продолжай.

– А что продолжать? Тут все и кончилось. Она посмотрела вот этак, а потом написала: «Сударь, не стройте иллюзий. Я люблю другого и отдана ему». Встала и пересела на последний

ряд. Потом вошел профессор Олли и спросил: «Э. К. здесь?» Она тут же вскочила и побежала к нему. Только тогда я все понял. Вы правы, дядя Менсон, я полный кретин. Можно мне ханти?

– Самокритика вознаграждается, – кивнул алмаз моей души и налил племяннику.

Он выпил залпом, аж задохнулся.

– Ладно, тетя Карен... Чтоб вы все поняли, дам последний аккорд. Наступило лето, отец вызвал меня сюда, в Алеридан, и сказал: «Нексия все испортила. Не только не вышла за Ориджина, но и рассорилась с Минервой. Да, с императрицей, не будь дураком, какую ты еще Минерву знаешь? Я надеюсь, что ты дождался этого дня и не испортил отношений с Роуз. Сын, скажу начистоту: мы разорены. Если выйдешь за графиню Эрроубэк, это может спасти нас». Вот тогда, тетя Карен, я пришел к вашему мужу.

– Зачем?

Сомерсет хлебнул еще. Язык у него заплетался.

– Ну, к-как же. Когда-то он соблазнил самую красивую и б-благородную девушку всего Полариса. Видимо, он что-то знает по женской части. Я надеялся, он посоветует, как прийти обратно к Р-роуз и не стать куском вонючего дерьма.

Мой любимый расхохотался:

– Вот важнейший закон мужчины: никогда себе не ври! Ты и есть кусок навоза. Прими это. Я женился на лучшей девушке в мире потому, что никогда не бросал ее ради студентки. Иди в свою комнату и спи с мыслями о том, какое ты дерьмо.

– Серьезно?..

– Пошел вон, говорю!

Сомерсет поднялся:

– Л-ладно... Сп-покойной ночи, тетя Карен...

С видом каторжника побрел к двери, а любимый сказал ему вслед:

– Завтра обсудим, как вывернуть из этих рифов. В полдень жду тебя. С бутылкой ханти.

Робко улыбувшись, племянник вышел. Любимый взял меня за грудь и зевнул:

– Дорогая, хочу тебя... Завтра, ладно? Что-то я устал.

Он откинулся на спинку кресла, вытянул ноги и безмятежно захрапел.

Я убрала в комнате, расстелила постель, допила ханти из бутылки. Сняла перчатки и поглядела на жуткий палец без ногтя.

– По-прежнему хочу пожаловаться. Если честно, я чуточку негодую от того, что всем на меня плевать.

* * *

На следующий день, в воскресенье, судьба заставила нас посетить собор. Я не слишком люблю богослужения. В «обители любви и милосердия» мы молились дважды в день, так что я выполнила план по молитвам на весь остаток жизни. Однако трудно отказаться от визита в храм, когда правитель двух земель присылает за вами карету. Особенно – если он лично в ней сидит.

– Миледи, прошу проснуться! Герцог Фарвей ждет вас в экипаже.

Я сотворила чудо, когда смогла поднять мужа из постели всего за пять минут. Сей подвиг отчасти искупил мой позор от того, как я выглядела после пятиминутных сборов. И вот мы очутились в карете, лицом к лицу с Генри Фарвеем. Он был прекрасно одет, сверкал золотом и камнями, даже лысина блестела, как начищенный шлем. Мне очень хотелось сказать нечто язвительное – но сложно язвить, когда ты не успела ни причесаться, ни проснуться. Так что я ждала слов от Фарвея, и он начал беседу:

– О, бедная Лаура!

У меня брови поползли на лоб. Он что, забыл мое имя?

– Простите, милорд?

– Лаура, моя несчастная внучка. Прошло полгода, а я все не могу прийти в себя. Как жестока бывает жизнь... – Белоснежным платком Фарвей промокнул глаза. – Лаура нашла истинную любовь. Встретила великого человека, достойного самых нежных чувств. Лаура полюбила всем сердцем и растворилась в мужчине, и этот праведник ответил ей взаимностью...

Я покосилась на супруга с просьбой о помощи, ибо решительно не понимала, о ком речь.

– Он про Галларда, – прокашлял дорогой, зажимая рот ладонью. После излишков ханти его мутило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.